ХРАМЪ СЛАВЫ РОССІЙСКИХЪ ИРОЕВЪ.

ХРАМЪ СЛАВЫ РОССІЙСКИХЪ ИРОЕВЪ,

ОТЪ

ВРЕМЕНЪ ГОСТОМЫСЛА

ДО

ЦАРСТВОВАНІЯ РОМАНОВЫХЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи НаукЪ, 1803 года.

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ!

ИМПЕРАТОРУ,

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ

ВСЕЯ РОССІИ.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Къ ТВОИМЪ стопамъ, праправнукъ Великаго ПЕТРА, внукъ Мудрый ЕКАТЕРИНЫ, къ ТВОИМЪ стопамъ, Монархъ и Отецъ доблественнаго народа, повергаю трудъ сей, во славу отечества начатый. Благоволи принять оный не по изяществу слога, но по важности предмѣта. Се жертва чистая души, къ ТЕБѢ приверженной, жертва токмо ТЕБѢ, Повелитель полсвѣта! принадлежащая, яко потомку тѣхъ достохвальныхъ Скиптродержцевъ, о коихъ возвѣстилъ я здѣсь; Они еще и по днесь сіяютъ изъ нѣдръ вѣчности добродѣтельми своими: — въ ТВОЕЙ благости, въ ТВОЕМЪ милосердіи, — въ любви къ истиннѣ и просвѣщенію.

Храмъ Славы, украшенный безсмертнымъ именемъ АЛЕКСАНДРА I, пребудетъ негиблемъ, доколѣ продлится основаніе подсолнчной; ибо всесокрушающее Время, зря толь дражайшее многимъ народамъ имя, не дерзнетъ коснуться зданію сему; но соблюдетъ

его въ роды родовъ: сонмъ Россійскихъ приснопамятныхъ Ироевъ прославитъ ТЕБЯ въ вѣкахъ грядущихъ, и само позднѣйшее потомство сплететъ ТЕБѢ нетлѣнные вѣнцы.

Удостой сіе приношеніе ТВОИМЪ благопромышляющимъ о насъ взоромъ, Царь сердецъ! — Животворящее вселенную солнце низводитъ блистательный лучь свой и на самую малую каплю росы. — ТВОЙ взоръ ополчитъ духъ мой силою на прехожденіе предпринятаго мною поприща и дастъ мнѣ новое бытіе; я преживу время и повѣдаю сынамъ сыновъ моихъ, сколь велико есть щастіе быть

ТВОИМЪ!

АВГУСТѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Вѣрноподданнѣйшимъ

Павелъ Львовъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ,

Принадлежащихъ къ Храму Славы Россійскихъ Ироевъ.

Первой рисунокъ представляетъ внѣшній притворъ Храма. Слава отдернувъ завесу нощи, знаменующую мракъ давнобытности, показуетъ Россію увѣнчанную Кіевскими твердынями, и сѣдящею на трофеяхъ съ лавровою вѣтвію въ десницѣ, яко добычею побѣдъ, о коихъ Слава трубитъ въ концы вселенныя. Вдали виденъ Царь-Градъ и врата онаго со щитомъ, носящимъ имя Олега, во свидѣтельство торжества Россійскаго Царства надъ Греческою Имперіею.

Второй рисунокъ представляетъ Славянина, держащаго лавровой вѣнецъ, награду, стяжанную имъ за богатырскіе подвиги, и покоящагося, опершись на шаръ земли, украшенной именемъ Россіи; шлемъ на главѣ его и мечъ при бедрѣ доказываютъ, что онъ во всякое время готовъ защищать отечество свое и всегда на стражѣ онаго.

ИЗЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ,

Принадлежащихъ къ картинѣ Славянской Древности.

Первой рисунокъ изображаетъ Россію, увѣнчанную Новогородскими башнями, сѣдящею на Руническихъ камняхъ, знаменующихъ ея глубокую древность и твердое основаніе: она держитъ въ одной рукѣ Московское, отечественное знамя, а въ другой знамена, Римское и Греческое, въ доказательство одержанныхъ ею побѣдъ надъ Римлянами и Греками въ протекшіе вѣки. Близъ нее орелъ съ перуномъ, какъ бы готовый къ паренію, означаетъ быстроту, силу, неутомимость и превосходство пламеннаго, народнаго духа. Поверженный къ стопамъ Ея щитъ съ гербами: Сибирскимъ, Казанскимъ и Астраханскимъ, показуетъ три сильныя Царства, Россіею подъ свою державу покоренныя; а скрижали съ *Русскою правдою*, прислоненныя къ колѣну сея Царицы Царствъ, знаменуютъ, что и въ самыя дре-

нія времена нравы Россіянъ образованы были законами, которые существовали въ Россіи до Рурика; ибо *Русскія правда* суть законы старые, Ярославомъ возобновленные или дополненные.

Вторый рисунокъ представляетъ Россійскаго Геркулеса, подавляющаго двухъ змѣй въ колыбели своей (чего ради и гербъ Московской на нея изображенъ), — или въ лицѣ его Россію, во младенчествѣ бывшую; и тогда она преодолѣвала и покоряла себѣ нападавшихъ на нее иноплеменниковъ; а что и того ближе, Эмблема сія свидѣтельствуетъ мужество Росса, которой, удрученъ бывъ нѣкогда напастьми, изнемогалъ подобно слабому младенцу, но при всемъ томъ искоренилъ вторгшихся въ отечество его двухъ злѣйшихъ супостатовъ: Татаръ и Поляковъ.

Погрѣшности, вкравшіяся въ типографіи, при напечатаніи сея книги, авторъ вынесъ на особомъ листѣ.

ХРАМЪ СЛАВЫ РОССІЙСКИХЪ ИРОЕВЪ.

Благословляю васъ злачные брега кроткой *Индоманы* (*); вамъ обязанъ я пріятнѣйшими часами дней моихъ. Во глубинѣ густыхъ рощей, осѣняющихъ цвѣтистые холмы ваши, царствуетъ безмятежная тишина, которой ни въ какое время не нарушалъ буйный гласъ развратной праздности. Въ нѣдрахъ сего таинственнаго

(*) Рѣка текущая въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ.

убѣжища, гдѣ можетъ быть отзывалося когда нибудь единственно томное воздыханїе робкой любви, важная задумчивость основала свое пребыванїе и дерзновенная нога порока никогда слѣдовъ туда не пролагала. Здѣсь, въ семъ мирномъ пристанищѣ, отъ суетъ и коловратности удаленномъ, я предавался поучительнымъ размышленїямъ, коихъ виною было живое впечатлѣнїе тѣхъ радостей и печалей, какїя изпытала душа моя на поприщѣ жизни. Мой умъ освобожденный отъ оныхъ рабскихъ узъ, которыми стѣсняли его въ шумномъ многолюдствѣ заблужденїе и предразсудокъ, владычествующїе надъ свѣтомъ; мой умъ, подобно пернатымъ заботъ невѣдущимъ, летѣлъ отъ бренной земли къ небеснымъ кругамъ и возкрыленъ бывъ силою воображенїя парилъ по безпредѣльному Царству мѣчтанїя: то носился надъ мрачными вѣками давнобытности, то созидалъ чудесные мїры гадательнаго блаженства.

Тихая сѣнь уединенїя моего! сколь мило сердцу моему и одно о тебѣ воспоминанїе! Углубясь въ сумракъ, подъ темнозеленые твои своды, мнилъ я, будто преходилъ въ новую жизнь. Хотя и не изпытывалъ сего ужаснаго раздѣленїя меня со мною, оной вѣчной съ самимъ собою разлуки, что мы называемъ смертїю, но я былъ мертвъ для всѣхъ заразъ превратнаго свѣта: наслаждался токмо тѣмъ удовольствїемъ, какое приноситъ намъ созерцанїе огромной картины творенїя и

собственнаго бытія нашего, неотравленнаго угрызеніями совѣсти. Смертные! сердце ваше пучина страстей; оно кипитъ огнемъ желаній и часто влечетъ васъ къ бѣдамъ; но въ уединеніи укрощается и изъ огнедышущаго Вулкана премѣняется въ чистый, зеркаловидный водоемъ, являющей свѣтлое лице Небесъ. Человѣкъ уединясь входитъ въ святилище сердца своего и въ немъ изслѣдуя себя научается превосходнѣйшей изъ всѣхъ наукъ: — быть щастливымъ. Въ уединеніи пріобрѣтается таинственная сила откровенія, которая, отдѣляя человѣка отъ всего вещественнаго и смертнаго, сближаетъ его съ Творцомъ сей прекрасной вселенной, вразумляетъ его къ какому концу стремятся всѣ Начала, чудеснымъ Вышняго промысломъ управляемыя: будучи всегда обильна высокими думами, точна въ соображеніи прошедшаго съ настоящимъ и предъидущимъ, провидяща сцѣпленіе событій, сія Божественная сила откровенія, знаменуя безсмертіе души, ясно изображаетъ оное великое, неизъяснимое, но изпытуемое существо, изъ коего произтекла; существо, которое вина всѣхъ причинъ.

Колико ни тщится смертный, алчущій богатства изторгать многоцѣнные камни и металлы изъ утробы земной; какъ ни усиливается сражаться съ стихіями и стязуяся даже съ судьбою, для корысти, преплывать моря, но всѣ сокровища, такъ сказать, жизни ему стою-

щіе, сравниться не могутъ съ блаженствомъ, какимъ уединеніе надѣляетъ; въ немъ лутчее богатство, — миръ съ самимъ собою; въ немъ превосходнѣйшія утѣхи, — постепенное стяжаніе вездѣ сущаго добра, являющагося въ разнообразныхъ произведеніяхъ щедрой природы. Благодарю тебя любезное убѣжище мое за наслажденія мною испытанныя. Подъ тѣнистымъ кровомъ твоимъ я вкушалъ покой. Утомленный прогулкою забывался въ объятіяхъ любви и невинности. Ахъ! какъ сладко засыпалъ я на мягкой муравѣ, покрытый душистымъ облакомъ цвѣтовъ сельныхъ: тогда и самый сонъ мой являлъ мнѣ прелѣстныя мечты. Причудливая сластолюбцевъ нѣга! Матерь пороковъ! Твое, раздражающее страсти, лоно ничто предъ симъ. Чадо персти тебѣ предавшееся никогда не спитъ сладко; различными привидѣніями и грѣзами развратъ тревожитъ его пресыщенную довольствомъ душу; утомленныя неумѣренностію чувства отъяли силу жизни у его изнуренныхъ членовъ.

Въ одинъ ясной вечеръ, каковыми плодотворное лѣто украшаетъ землю, сѣдя подъ вѣтьвями многолѣтныхъ елей, нависшихъ надъ прозрачною рѣкою, я читалъ книгу бытія. Вперивъ всю мысль въ произшествіи міра, въ дѣяніи людей, зрѣлъ начало возвышенія Царствъ и причины паденія ихъ, ужасные перевороты, гибель цѣлыхъ народовъ, разслабленіе сильныхъ

Монархій и тѣ роковые, часто маловажные случаи, но отъ коихъ зависѣла судьба милліоновъ человѣкъ! Сіе бытописаніе представлялося очамъ моимъ какъ нѣкая узорчатая ткань; великіе мужи блистали тутъ подобно яркимъ цвѣтамъ среди густыхъ тѣней. Я видѣлъ то превознесенное состояніе Рима, въ которое Цари за честь вмѣняли нарицаться его Гражданами, и напослѣдокъ то низкое его состояніе, когда разпутные невѣжды содѣлались его владыками. Сколь много пролито человѣческой крови! Колико тысящь невинныхъ принесено въ жертву высокомѣрію, алчбѣ, буйству и суесвятству! Сколько предразсудковъ и заблужденій вошло въ обычаи! Сколько обычаевъ премѣнилося въ законы! сколько законовъ несогласныхъ съ истинною! какихъ трагедій не было на театрѣ свѣта? были и крестовые походы: ухищреніе ими повелѣвало, а безуміе повиновалося; изувѣрство стакнувшись съ корыстолюбіемъ сожигало и людей въ кострахъ. Были всякаго рода предательства и измѣны! гремѣли Ватиканскіе перуны! Но, о! ужасъ всѣхъ времянъ! просвѣщенные сыны Европы съ крестомъ и мечемъ вступаютъ въ четвертую страну міра и открываютъ тамъ новыя забавы! Они травятъ псами человѣковъ и тому изъ сихъ лютыхъ животныхъ даютъ отличное наимянованіе, которое болѣе нещастныхъ погубило: они утѣшаются страданіемъ непорочности и добродѣтели томя-

щихся въ разноизобрѣтенныхъ мукахъ. Какихъ пытокъ, какихъ жестокостей не вымышляло тамъ безчеловѣчіе, слѣпымъ суевѣріемъ подкрѣпленное, на истребленіе беззащитныхъ дѣтей природы! Скажемъ не обинуясь, что книга бытія ничто иное какъ изображеніе всегда торжествовавшихъ золъ: коварства, насилія, невѣжества; то попеременно, то вкупѣ терзавшихъ человѣчество, въ продолженіе всѣхъ вѣковъ.

Я видѣлъ Аристида въ изгнаніи, Сократа въ темницѣ, Фокіона въ оковахъ; видѣлъ правду и любовь къ отечеству на лобномъ мѣстѣ; но строгосудящее потомство благословляетъ ихъ и сооружаетъ имъ негиблемые памятники — въ сердцахъ мудрыхъ. Я видѣлъ Калигулу боготчествуема жрецами, Нерона въ Діадимѣ, Геліогабала на тронѣ: щастливыя чудовища сіи, позоръ человѣческаго рода, хотя и вынудили подданныхъ своихъ звѣрствомъ ихъ устрашенныхъ, дабы воздавалося имъ поклоненіе богамъ принадлѣжащее, но что же по смерти? — поруганіе и клятва преслѣдуетъ гнусныя имена ихъ изъ рода въ родъ. Слѣпая богиня чтобъ увѣковѣчить неистовство своихъ нечестивыхъ любимцевъ хотя и нарицала ихъ великими, но Свѣтозарная истинна сдернула съ нихъ блистательный покровъ и вмѣсто боговъ показала въ нихъ вѣкамъ грядущимъ — злодѣевъ.

Подобно мореплавателю, окинувшему взоромъ

пространство океана и съ волны на волну стремящемуся на всѣхъ вѣтрилахъ къ отечественному брегу, я преходилъ отъ народа къ народу, отъ поколенія къ поколенію; слѣдовалъ за побѣдами то сихъ, то нѣхъ; странствовалъ изъ древняго Вавилона къ пресловутымъ Ѳивамъ и въ ученые Аѳины, изъ браннородной Спарты къ гордымъ стѣнамъ Ромулова града, отъ падшей Капитолии въ пышную Константинову столицу, а оттуда къ мудрымъ Гиперборейцамъ, къ мужественнымъ Рифатамъ; ко оному доблественному Славянъ племени, которое владычествовало надъ странами лежащими между льдистыхъ горъ сѣвѣра и поднебесныхъ хребтовъ Кавказа; надъ странами, кои простиралися отъ волнъ Варяжскаго моря до пучинъ Евксинскихъ, отъ бездвъ Хвалыскихъ и до водъ Адріатическаго Понта. Здѣсь потомки Мосоховы Кій, Щехъ и Хоревъ созидаютъ первопрестольный градъ у быстротечнаго Днепра; тамъ другое колено Славянъ возлюбя мѣста покоющагося Ильменя и тихія струи Волхова зиждетъ Славенскъ, изъ развалинъ коего возникъ великій Новградъ. Естьли вѣрить Исторіи, то сія знаменитая полнощнаго края эпоха была въ началѣ шестой эпохи міра, въ тѣ едва памятные годы, когда еще дымились остатки сокрушеннаго Иліона, когда блисталъ на поверхности земной новосооруженный Соломономъ Храмъ, и когда еще ни властвовавшій надъ вселен-

ною Римъ, ни храбрая соперница его Кареагена даже и причинъ къ произхожденію своему не имѣла (*). Разсѣевается мракъ времянъ; уже начинаютъ являться на поприщѣ славы Россійскіе Ирои; подобно дневному свѣтилу изъ облакъ выкатившемуся они сіяютъ въ вѣкахъ прешедшихъ. Но кто но кто воспѣлъ дѣла ихъ? Гдѣ твои пѣсни Скальдъ давныхъ лѣтъ Россіи, славный въ преданіяхъ Боянъ? гдѣ памятники сихъ безсмертныхъ основателей отечества? ужели Ирои сіи, равно древамъ пустынымъ, бросающимъ тѣнь свою на одни лишь хладные камни? ужели должны пребыть они навсегда сокрытыми въ листахъ дѣеписаній? и пылкое око юноши не пленится ихъ благороднымъ нарядствомъ? и рьяный духъ его не возпламенится огнемъ ихъ доблести? О! Слава! кумиръ великихъ сердецъ! И ты о нихъ безмолвствуешь! между тѣмъ какъ любосластный и запальчивый юноша превознесенъ богами вдохновеннымъ Омиромъ, а недостойному бѣглецу бряцала въ честь Мантуанская громкая лира! Ты проповѣдуешь токмо о дерзостныхъ сынахъ щастія, истинное же достоинство оставляетъ безвѣстнымъ.

Тако я сѣтовалъ, и предавшись сему размышленію не примѣтилъ какъ черная тѣнь лѣсовъ распростерлась

(*) Славенскъ построенъ въ 3099 году отъ сотворенія Міра, за 2401 годъ до Рождества Христова. Смотр: подробную лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской побѣды, изданную въ 1798 году, Н. Л.

по долинѣ и какъ погасъ алый лучь зари на стекольчатомъ окнѣ дома моего. Уже среброяный свѣтъ блѣдной луны сверкалъ въ мелькающихъ струяхъ рѣки; утихъ и западный вѣтръ; умолкли птицы; ночь приближилась въ черной порфирѣ своей, съ важною тишиною; одинъ лишь соловей, тамъ, за рѣкою, въ березовой чащѣ, разсыпалъ звонкія трели по окрестности и пѣснями своими сугубилъ величавость природы на сонъ градущей. Волшебный голосъ ночнаго сладкопѣвца очаровывалъ душу мою, наполняя ее пріятною томностію, и ввергалъ меня въ вящшую задумчивость. Тонкая влага благовонныхъ испареній отягощила мои вѣжды; — я воздремалъ.

Но дремалъ ли я, или бодрствовалъ? . . . . Какъ нареку тебя, о! краткое время неизреченнаго восхищенія? . . . Не дремотою, не сномъ, но духовнымъ существованіемъ. Внезапный восторгъ объялъ меня всего; какая то животворная теплота согрѣла грудь мою: я млѣлъ въ тихой радости, которая чужда шумной радости земной, а подобна бальзамическому дыханію цвѣтовъ, носящемуся по зарямъ утреннимъ и освѣжающему чувства; она ободрала духъ. Мнѣ представились виды чудной красоты.

Какая кисть удобна изобразить веселѣніе небесное, плѣнившее и очи и умъ мой? какое перо опишетъ изящество горнихъ зданій, мною видимыхъ? О безсме-

рный Геній! Честь Россіянъ! Ты, коего доброгласная лира изумляла весь сѣверъ своими торжественными звуками, неподражаемый Ломоносовъ! Дай мнѣ даръ слова твоего: да возвѣщу о дивномъ царствѣ Славы; да гласъ мой, подобно твоему сладкословію пронесется въ вѣки и воспламенитъ духъ позднѣйшихъ потомковъ.

Казалось мнѣ что я стоялъ на превысочайшей горѣ, какъ бы посреди земли, морей и небесъ; вся вселенная отверста была моему взору (*). Океанъ свѣта, что кратковневные жители подсолнечной называютъ *млечнымъ путемъ*, волновался надъ моею главою, а окрестъ меня лѣжала цѣпь древнихъ и вновь воздвигнутыхъ храмовъ, теряющихся въ дальновидности; на негиблемыхъ вершинахъ высокихъ скалъ воздымалися памятники съ сіяющими надписьми, въ честь героевъ; бури и время не смѣли прикасаться имъ. По отлогостямъ холмовъ, кои были подножіемъ храмовъ, зеленѣли рощи лавровыхъ древесъ и катились извивистыя рѣки; лучшими произрастеніями изобилующія равнины какъ ковры разстилались между ими; шумѣли водопады; журчали источники по камнямъ переливающіеся; восхитительное пѣніе среброкрылаго лебедя съ Меандрскихъ водъ отзывалося по рощамъ. Тамъ вѣчная весна сочетавала преле-

(*) Такъ изъясняется Александръ Попе въ своемъ Храмѣ Славы.

сти свои съ богатствомъ осени. Тамъ все очаровывало и зрѣніе и слухъ!

Раздался трубный гласъ, поколебалась твердь, отверзлась превыспренная; тьмы міровъ висящихъ на собственной тяжести своей горѣли какъ лампады въ неизмѣримомъ пространствѣ безконечности и по лѣствицѣ вдругъ соорудившейся изъ рдяныхъ облаковъ, подобныхъ тѣмъ, кои послѣ бурной, лѣтней ночи оставшись до тихой зари на горизонтѣ, представляются горами раскаленнаго рубина, отъ огней восходящаго солнца; по сей велелѣпной лѣствицѣ, коея верьхъ терялся въ неудобозримой отдаленности Эмпирея, а низъ касался земли, сходила Богиня, Царица всѣхъ времянъ; восхищающее душу имя ея: *Слава*. Ничто на свѣтѣ краше, величественнѣе, привлекательнѣе быть не можетъ! Чѣмъ болѣе она приближалась, тѣмъ очаровательнѣе была ея волшебная красота; тѣмъ ярче блистали ея прелестные взоры, воспаляющіе сердца; тѣмъ возвышеннѣе содѣлывался ростъ ея. Улыбка, смертнымъ невѣдомая, пріумножала любезность ея милыхъ устъ, и восторгомъ дарила душу. Вѣчнозеленыя и всегда свѣжія лозы соплетшихся лавровъ съ маслинами и мандрагорами (*), увиваясь вокругъ свѣтозарнаго чела

(*) *Мандрагоры* родъ цвѣтовъ и плодовъ благовонныхъ, растущихъ въ Палестинѣ; они весьма пріятны и врачебны. При томъ же цвѣты *Мандрагоры* имѣютъ силу люботворную и привлекательную.

ся, сосиявляли нетлѣнный вѣнецъ. Драгоцѣнныя перлы, сливаясь съ ея русыми власами возвышали ихъ красу, и вмѣстѣ съ ними разсыпались по бѣлымъ ея раменамъ. Многоцѣнные камни, какъ звѣзды, сіяли на пышной груди ея и по лилейной выѣ. Ланиты ея, — роза утренняя. Каждая черта божественнаго ея зрака, — неизцѣлимая зараза для того, кто рожденъ съ великимъ духомъ. Гдѣ она ступитъ, тамъ амаранты (*) прозябнутъ. Тонкая риза, обрисовывающая ловкость нѣжныхъ ея членовъ, отливалась златомъ солнца и сребромъ луны; казалось, она соткана была изъ лучей сихъ горнихъ свѣтилъ, коихъ лѣпотою небесная твердь превозносится. Вообще Богиня столь была плѣнительна, что сама прелестная Природа, роскошествующая всею красотою майскихъ дней, долженствовала ей во всемъ уступить. Какъ жаръ свѣтлая, въ десницѣ ея, труба доказывала о ней, что она раздаетъ міру хвалы и порицанія, что она разполагаетъ безсмертіемъ. Хотя и не была столь многоочита, толь чудовидна, какъ изобразилъ ее въ неподражаемыхъ пѣсняхъ своихъ Пѣвецъ Энея; но быстрыя зѣницы очесъ ея проникаютъ нѣдро горъ, глубину морей, самыя сокровеннѣйшія хранилища тайнъ;

(*) *Амарантъ* цвѣтъ яркой, долго неувядаемый, но когда и засохнетъ, то все не теряетъ своего вида, а по тому и почитается символомъ негиблемости.

сквозь самые густые мраки она видитъ какъ по[..]ъ пользуется своимъ успѣхомъ: ею зрима цѣль дальновидныхъ замысловъ великихъ мужей. Слухъ же ея столь необычаенъ, что она слышитъ, какъ Герой, еще младенцемъ сущій, движется въ утробѣ матери своея.

Многочисленное дворослуженіе окружало ее; ей предшествовали: неустрашимый *Патріотизмъ*, рьяная *Храбрость*, отважная *Предпріимчивость*, радости полная *Побѣда* и строгое *Законодательство*. Зоркіе орлы, спутники торжествъ, парали надъ ея главою. Близь нее тѣснились толпы крылатыхъ Геніевъ: то были ея вѣрные слуги; одни прилетали къ ней и сообщали все, что ни творилося добраго и злаго на земли; а другіе были провозвѣстники ея похвалъ и хуленій, и разносили ихъ въ концы вселенныя. По слѣдамъ ея шли девять сестръ, никогда непрестарѣвающія Піериды: онѣ воспѣвали Богинѣ въ честь хвалебныя пѣсни. За сими текло послѣдствующее ей Время, опираясь на свою косу, которой пагубное остріе никогда не притупляется; оно вело за собою тысящи и тьмы лѣтъ, исходящихъ цѣлымъ рядомъ изъ неудобопроницаемой внутренности небесной точно такъ, какъ прилетаютъ къ намъ на лѣто стада пернатыхъ отъ знойныхъ странъ; или тако, какъ выбѣгаетъ на лугъ стадо среброрунныхъ агнцовъ изъ вмѣстилища своего и разсѣвается по всему зеленому долу; а подобно несмѣтнымъ во-

лнамъ морскимъ, сіи чада времени постигали другъ друга и мгновенно одинъ поглощалъ другаго.

Никогда на мысль не всходило смертному, въ юдоли плачевной странствующему, видѣть такое прекрасное зрѣлище, каковымъ сія владычица народныхъ мнѣній чаруетъ плѣняющееся ею око! Казалось, что сами небеса предъ нею преклонялися. Все сіе необозримое пространство, посреди коего я находился, украсилось для нее превосходнѣйшимъ великолѣпіемъ. Злачные холмы возвысились, подобно горамъ; храмы и памятники, на оныхъ воздвигнутые, расширились и вознесли вершины свои: свѣтлѣе сіяли знаменитыя надписи, на плитахъ несокрушимаго адаманта изсѣченныя; уже вмѣсто пѣнія птицъ, раздавались по рощамъ пѣсни торжества и славословія; вмѣсто журчанія источниковъ, вмѣсто плесковъ волнъ рѣчныхъ и рева морскихъ водъ, слышимо было разглагольствіе воинствъ, воздающихъ честь Витязямъ; рукоплесканіе народовъ, превозносящихъ Благотворителей своихъ; громогласное восклицаніе цѣлыхъ областей, въ хвалу Мужамъ великимъ. Словомъ: все поражало умъ, все восхищало духъ!

Слава маніемъ главы дала знакъ и все ея дворослуженіе устремилось на подвигъ свой. Девять божественныхъ дѣвъ возтекли на небеса съ пѣніемъ и лирными звонами; добродѣтели спустились на землю

творить новые чудеса; быстрые генїи, послушные служители славы, какъ дождь посыпались на вселенную и удалилось самое время: оно сѣло на шаровидную колесницу, многокрыльными вихрями запряженную и съ невѣроятнымъ стремленїемъ въ путь свой покатилось. Тогда Царица вѣковъ возвела на меня гнѣвное око; подобно молнїи блеснули ея зеницы; она рекла: „За чемъ ты здѣсь дерзновенный? Какой подвигъ даетъ „тебѣ право на мои щедроты? Трепещи. Ты зришь „предъ собой Владычицу свѣта, Владычицу раздражен„ную неблагодарностїю высокомѣрныхъ чадъ земли, „коихъ ненасытное самолюбие ничѣмъ недовольно, ко„лико бы кому изъ нихъ я ни благотворила. — Какъ! „ничего не содѣлавъ знаменитаго въ мїрѣ и ты осмѣ„лился укорять, что я покровительствую токмо буй„ныхъ сыновъ щастїя, а истинное достоинство остав„ляю безвѣстнымъ? — Отвѣщай, строгїй судїя дѣлъ „моихъ, за чемъ пришелъ въ обитель Славы? конечно „для того чтобы изобличить ее въ несправедли„вости?„

Священный ужасъ объялъ меня всего; я затрепеталъ, не зналъ что отвѣщать и въ робости моей едва произнесъ дрожащими устами слова сїи: „Мой духъ „вездѣ тебя ищущїй, занесъ меня сюда. Безсмертная! „я плѣненъ твоими божественными прелестьми съ „тѣхъ самыхъ поръ, какъ небесныя дѣвы, сладкоглаго-

„ливыя дщери Мнемозины возвѣстили мнѣ о тебѣ;
„онѣ изобразили тебя столь живыми чертами, что
„очаровательный образъ твой часто является мнѣ въ
„самыхъ пріятнѣйшихъ мѣчтаніяхъ, въ сновидѣніяхъ ми-
„лыхъ, сердцу; я мню тебя видѣть во всѣхъ изящ-
„ныхъ красотахъ природы и—съ тѣхъ поръ возревновалъ
„твоимъ любимцамъ. — Тебѣ посвятилъ я все мое бы-
„тіе. Повергаюсь къ стопамъ твоимъ, великая Богиня
„вселенныя! Пріобщи меня къ числу твоихъ избран-
„ныхъ, коимъ даровала ты безсмертіе. Хвала твоя
„мнѣ слаще меда, твои щедроты драгоцѣннѣе злата — и
„всѣхъ сокровищь Голконда. Но ахъ! естьли ты не удо-
„стоишь меня твоимъ благоволеніемъ, то лутче хочу
„умереть безвѣстенъ нежели остаться жить въ вѣ-
„кахъ съ позоромъ.„

Мое покорство смягчило грозную небожительницу. Привѣтливыя рѣчи, — пища славы. Гнѣвный видъ ея премѣнился въ видъ веселый, восхитительная улыбка расцвѣла по прежнему на алыхъ устахъ и уже кроткимъ звукомъ голоса, подобнымъ нѣжному арфы рокоту, она продолжала:„ Хотя и не противно мнѣ
„обожаніе смертныхъ, но не всѣхъ я удостоиваю моимъ
„благопріятствомъ. Вѣдай что не едиными лишь без-
„плодными разсужденіями, не единымъ токмо суетнымъ
„умствованіемъ, или тщетнымъ краснословіемъ, — кои
„бываютъ часто плодомъ праздности, — не тѣмъ токмо

,,прiобрѣтаются мои награды; нѣтъ, чтобъ снискать
,,ихъ, потребны: дѣйствiе, трудъ, пожертвованiе соб-
,,ственнымъ благомъ благу общему. Одна дѣятельная
,,добродѣтель ведетъ къ безсмертiю. Отечество! оте-
,,чество! Вотъ кумиръ истинныхъ Ироевъ, а щастiе
,,согражданъ единственная цѣль ихъ; любовь къ вѣрѣ
,,и престолу ихъ долгъ.,,

,,О всевластная обладательница народныхъ мнѣнiй!
,,прерѣкъ я рѣчь ся. Чтобъ быть полезну отечеству
,,надлежитъ имѣть къ тому случаи и средства; а тебѣ
,,самой то извѣстно какiя непреодолимыя преграды,
,,какiя напасти предстоятъ тому, кто идетъ путемъ
,,общей пользы: зависть куетъ тому оковы, клевета
,,отверзаетъ ему темницу, гоненiе уготовляетъ ему
,,ужаснѣйшую ссылку. Милцiады, Өемистоклы, Анниба-
,,лы, Катоны, что получили въ воздаянiе? они до кап-
,,ли изпили горькую чашу смерти.

,,Для великаго мужа каждое время имѣетъ къ обще-
,,му благу свои случаи и средства, — вѣщала Слава, —
,,мудрый и во тьмѣ наблюдаетъ всѣ обстоятельства и
,,созерцаетъ всѣ оныхъ послѣдствiи; а для невѣждъ
,,и ясный день, темная нощь. Истинной Ирой ничего
,,не ищетъ какъ токмо сущаго добра и въ желаемомъ
,,онаго дѣйствiи полагаетъ все свое воздаянiе; рано
,,или поздо отъ плодовъ правды онъ снѣстъ благо.
,,Пусть сильные горделивцы, пусть мужи двуязычны,

„часто не по достоинству обладающие такими преимуще-
„ствами, на кои природа не дала имъ никакого права;
„пусть они присвояютъ себѣ чужїе труды и дѣйствїе;
„пусть кичатся успѣхами непостигаемаго ими общаго
„добра сего. Благотворитель отечества препоясавъ
„крѣпостїю чресла свои и мышцы утвердивый на дѣло,
„взиратъ на злоумныхъ съ великодушною усмѣшкою,
„какъ воинъ на отроковъ, кои не въ силахъ будучи
„подъять тяжелой брони его, заботятся вокругъ нее
„и только что колеблютъ или совсѣмъ роняютъ, да
„и безъ помощи силы его на опредѣленное ей мѣсто
„возставить оную не могутъ; но время открываетъ
„истинну. Когда труба моя возгремитъ въ хвалу совер-
„шенному достоинству, а въ позоръ похитителямъ
„чужой славы, тогда доблесть явится во всемъ сїянїи
„своемъ. Вѣрь, что недремлющее око мое соглядаетъ
„всѣ произшествїя свѣта.„

Съ симъ словомъ богиня окинула единымъ взгля-
домъ все необъятное пространство, посреди коего я съ
нею находился и указавъ на землю возгласила: „Чтобъ
„была вселенная, естьли бы я не украшала ее дѣлами
„великихъ людей? ужасное позорище единаго лишь бѣд-
„ствїя: царство одного токмо зла. Но великие люди пре-
„мѣнили ее въ прекраснѣйшую картину торжествовав-
„шихъ добродѣтелей. А кому они обязаны силою своихъ
„дѣйствїй? кому, какъ не мнѣ. — Я содѣлываю ихъ

„побѣдоносными во браняхъ, твердыми въ напастяхъ,
„непоколебимыми въ опасныхъ предпріятіяхъ. Я питаю
„ихъ моею грудью; моимъ млекомъ воздоенные Ирои
„покорили себѣ стихіи, время и овладѣли сердцами
„всего человѣческаго рода.„

„Обыкновенныя души меня не постигаютъ; движимы
„будучи единою лишь корыстію, онѣ довольствуются
„токмо настоящимъ, и хладное чувствованіе ничтожнаго
„бытія ихъ никогда не согрѣвается огнемъ доблести
„во благо потомству. Истинное же геройство провидитъ
„меня въ туманѣ скопляющихся приключеній, часто
„необычайныхъ и кажется несбыточныхъ; оно соглядаетъ
„меня въ грядущихъ столѣтіяхъ, въ случаяхъ
„самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ времени существованія
„своего и зиждетъ добро, — ежели нельзя ради современ-
„никовъ, то, — для позднѣйшихъ родовъ . . . . . Я всюду
„слѣдую за Ироемъ мнѣ любезнымъ, препровождаю его
„чрезъ всѣ случаи и чѣмъ паче предлежитъ ему про-
„тивуборствующихъ бѣдствій, тѣмъ болѣе возвышаю
„его добродѣтели. Я показую ему неизбѣжное зло приво-
„дящее робкую душу въ ужасъ, — и тѣмъ вящше раздра-
„жаю великій духъ его къ преодоленію всѣхъ препонъ;
„наконецъ самое зло сіе, — ожидавшее токмо его муже-
„ственнаго усилія, — обращается людямъ во благо, ему
„во славу и угрожавшій ему день пагубы и плача пре-
„мѣняется въ день его торжества и веселія.„

„Какое прекрасное, величественное зрелище ви-
„дѣть Ироя претекающаго поприще безсмертныхъ своихъ
„подвиговъ! Онъ стремится возставить блаженство
„себѣ подобныхъ; въ силѣ крѣпости и въ радостной
„надеждѣ духа, онъ неустрашимо сражается съ злобою,
„побѣждаетъ зависть, мститъ коварство: Самъ Богъ
„приникнувъ съ превыспреннихъ простираетъ къ нему
„умильное око какъ нѣжный отецъ къ любезнѣйшему
„сыну, въ коемъ сладостно ему признавать свое подо-
„біе; Самъ Богъ поборствуетъ Ирою достигнуть досто-
„хвальной цѣли его. Тогда смертный сей ставъ безсмер-
„тенъ является на пространствѣ вселенной въ полномъ
„сіяніи величія своего: — и даже младенцы въ утробѣ
„матерей еще сущіе, уже обязаны ему благодарностію
„и благоговѣніемъ. Тако свѣтоносный царь дней, раз-
„гнавъ мраки нощи, а съ ними купно и всѣ нелѣпые
„сновидѣніи озаряетъ природу, животворитъ всю тварь
„и оплодотворяетъ всѣ по лицу земли разсѣяные дары
„небесъ даже на предбудущіе ихъ произрастеніи. —
„Что до того что на свѣтѣ все премѣнно, что все
„преходитъ, но Ирои, коихъ охраняю я моимъ несо-
„крушимымъ эгидомъ живы мною и по смерти: моимъ
„велеречивымъ гласомъ глаголятъ они изъ гробовъ сво-
„ихъ и единственно великимъ душамъ внятенъ много-
„значащій, *символической* языкъ ихъ; вѣки родятся и
„изчезаютъ не дерзая коснуться ихъ безпредѣльной, вѣч-
„ной со мною жизни.„

„Пребывая невредимо посреди бурь океана, посре-„ди огня брани, посреди развалинъ царствъ, посреди „всѣхъ эпохъ міра, неприкосновенными стопами пре-„провождаю я питомцевъ моихъ въ храмъ безсмертія; „но съ презорствомъ отвращаю лице мое отъ крово-„жаждущихъ побѣдителей, отъ царей жестокихъ, отъ „вельможъ лукавыхъ, отъ писателей зломудрыхъ, отъ „пѣснопѣвцевъ льстивыхъ: довольно имъ единаго укори-„зненнаго моего взгляда; уже несутся они на стреми-„тельныхъ крылахъ времени или въ темную *пропасть* „*забвенія*, или въ шумящую всегда *пучину позора*. Я „творю священными имена и витязей, и пѣснопѣвцевъ „ихъ.„

„Такъ, Ахиллъ былъ воспѣтъ Омиромъ, Маронъ „прославлялъ Энея; но изящество пѣнія лишь пѣв-„цовъ вѣнчаетъ честію, Ироямъ же ихъ — безъ добродѣ-„телей, — сіяніе нисколько недаетъ. Вымышленная по-„хвала, наружный блескъ несильны ослѣпить прозор-„ливость строгаго любомудрія: оно тщательно изслѣ-„дуетъ самыя дѣла; источникъ оныхъ и истинное „достоинство безстрастно отдѣляетъ отъ ухищрен-„наго высокомѣрія. Не пѣсни Скальдовъ, не обелиски „до облакъ досязающіе, содѣлываютъ великихъ мужей „безсмертными, но точная доблесть, но преодолѣніе „самаго себя, благодѣяніе человѣчеству оказанное: се „суть пожертвованія пріятнѣйшія сердцу моему;

„они достопочтеннѣе всѣхъ завоеванiй порочнымъ сыномъ
„Филиппа стяжанныхъ; они многоцѣннѣе всѣхъ даровъ
„Сиракузскаго тирана, которой великолѣпiемъ посольства
„своего и сiянiемъ злата суетно мнилъ ослѣпить му-
„дрыхъ старцовъ Эллады; напрасно уповалъ отъ спра-
„ведливыхъ судей Олимпiйскихъ чрезъ то обрѣсти се-
„бѣ хвалу, единому только достоинству принадле-
„жащую. — Но увы! сколь много было такихъ царей,
„такихъ вельможъ, такихъ изверговъ естества, коимъ
„брящала ласкательная мздоимцевъ лира! Сколь много
„было такихъ развращенныхъ сердецъ, кои тенетами
„льстивыхъ устенъ своихъ вовлекали и самыхъ кротко-
„душныхъ мужей въ злые ковы! а сколь мало тѣхъ
„царствъ, гдѣ находились совершенные Ирои, благотво-
„рители человѣковъ! — Нѣкоторые изъ нихъ хотя и жи-
„ли въ безвѣстной долѣ, въ убожествѣ и сокрывались
„даже отъ очей моихъ, между тѣмъ какъ буйные чада
„щастiя и роскоши всемѣрно тщились меня уловить
„растощая горы богатства, раззоряя цѣлыя области;
„но я о первыхъ сообщила велегласно всему потом-
„ству и наполнила всѣ сердца къ нимъ благодаре-
„нiемъ, — того требовала отъ меня сама добродѣтель
„ихъ; — недостойнымъ же сыновъ щастiя, суетно искав-
„шихъ благоволенiя моего, я ознаменовала собственными
„именами ихъ, содѣлавъ изъ оныхъ имъ печать вѣчнаго
„позора; — тако опредѣлило само правосудiе. Да и

„тѣмъ поругаются всѣ роды, кто дерзнетъ насиль-
„ственною рукою, вопреки сущему духа благородству
„и моему одобренію, увѣнчать себя, или кого инаго;
„похищенные лавры увянутъ мгновенно и никогда
„животворнымъ взоромъ моимъ не освѣжатся, занѐ токмо
„мо тѣ вѣнцы нетлѣнны, что я возлагаю.„

„Горе и тому нещастливцу, коего хладная душа
„не плѣнится моею красотою, которой подобно узнику,
„къ цѣпямъ обыкшему, влачитъ кое какъ безполезные
„дни свои, тяжкіе себѣ и несносные другимъ, которой
„доволенъ будучи тѣмъ, что погибло для него время
„прошедшее, тщится всячески погубить и время насту-
„пающее: тотъ не прилагаетъ сердца къ разуму; тотъ
„смертію умретъ и погибнетъ такъ, что бѣднаго имени
„его ни лира не прозвенитъ, ни въ сказаніяхъ оно не
„отзовется, ниже въ бесѣдѣ избранныхъ упомянется.

„Я вѣдаю что много есть на земли такихъ пра-
„зднолюбцевъ заживо умершихъ, кои лучше желаютъ
„насладиться всемъ въ краткое время существованія ихъ,
„— хотябъ надлежало попрать все то, что ни есть
„святаго въ мірѣ, — нежели остаться жить въ вѣкахъ
„за цѣну благотворенія какого, съ трудомъ сопряжен-
„наго; они кощунствуютъ надо мною, уповая тѣмъ
„понизить мое величіе и примѣромъ своимъ развращаютъ
„юныя, пылкія сердца; но дабы всегда быть тѣмъ что
„я есмь, довольно мнѣ одной себя. Гласу моему, кото-

„рой стократъ громозвучнѣе возвлицаній зависти и „злоречія всѣхъ Зоиловъ, повинуется вселенная; она „умолкаетъ коль скоро я отверзаю уста. Всѣ ревнители „безсмертія повергаются къ стопамъ моимъ, и тому то„кмо изъ нихъ воздается общее почтеніе котораго благо„волю я подъять отъ земли. Внимай словесамъ моимъ „и поучайся. Напиши ихъ на скрыжалехъ сердца твоего. „Рѣку тебѣ: не буйные чада враждебницы моей, слѣ„пой Богини щастія, но ея гнусныя порожденіи жи„вутъ въ царствѣ моемъ. Нѣтъ, симъ изчадіямъ чужда „обитель небесная; они никогда не водворятся съ избран„ными моими. Гряди за мною, ты узришь славу истин„ныхъ Ироевъ; запечатлей въ памяти твоей все, что „возхититъ твой духъ, и, ежели можешь, возвѣсти „отечеству: проповѣдуя славу великихъ, ты самъ со„дѣлаешся ея предмѣтомъ.„

Шествуя путемъ славы я видѣлъ по едину онаго страну печальную юдоль. Сплотившіеся дикіе камни, мнится, служатъ ей основаніемъ; изъ черныхъ ущелинъ ихъ возникаютъ, ядовитый лютикъ и прочія вредоносныя травы; туманный сумракъ бросалъ тусклый свѣтъ свой на всѣ тутъ находившіеся памятники и мавзолеи, великолѣпныя свидѣтельства притворной скорби и принужденнаго сѣтованія, коихъ пасмурность сугубили мрачные кипарисы, уныніе — наводящею тѣнію своею. Сколько я усмотрѣлъ тутъ ложныхъ похвалъ, сколько

шуть надменныхъ стопосложенiй, преображенныхъ въ смертные приговоры, доказательства ради злыхъ дѣлъ, кои, чѣмъ скромнѣе были произведены, тѣмъ съ вящшимъ поруганiемъ истинна обнаружила ихъ, прiобщивъ къ каждой таковой надписи подробное описанiе свойствъ, намѣренiй и пороковъ усопшаго; описанiе неизгладимымъ перомъ ея начертанное! Мѣдь и мраморъ на коихъ сiе означено не гибнутъ здѣсь для того единственно, дабы соблюсти во вѣки проклятiе тѣмъ бичамъ человѣчества, которыхъ прахъ тлѣетъ подъ ними; самые же памятники сiи, неистовою рукою лжи и гордымъ тщеславiемъ воздвигнутые, время обезобразило, претворя оные въ искаженныя развалины. По среди сей *юдоли вѣчныя клятвы* воздымалося ветхое зданiе поразившее меня своею нелѣпою и опальною наружностiю; по многовѣчному, распадшемуся крову и окрестъ столпотворнаго преддверiя, росли терновые кусты; сквозь нихъ бѣлелись обломки статуй, урнъ, акантовыхъ надстолбiй и иные слѣды художественнаго вымысла. Какое сцѣпленiе различныхъ предмѣтовъ явилось взору моему, когда Слава ввела меня во внутренность зданiя сего! Я увидѣлъ тутъ тысящи знаменъ, подъ коими несмѣтные легеоны сражалися для того токмо чтобы титулъ одного владыки былъ высокопарнѣе другаго. Знамена развѣвались по стѣнамъ старинною кистiю расписаннымъ, гдѣ между богатыр-

скими лицами и узорчатымъ арабескомъ являлися полуизгладившіяся надписи темновѣщающія эпоху и мѣсто битвы. Груды копей, мечей, бердышей и утварей жертвенныхъ, ржавчиною точимыхъ, возгнещены были кострами, по верхъ коихъ сокрушалися рукою ѣдкаго времени тусклыя брони и кольчуги, — по всему кажется, — рослымъ и многосильнымъ витязямъ принадлѣжавшія. Орлы Рима почили сномъ смертнымъ на пукахъ лозъ, сѣкиръ, палицъ и прочихъ, разрушающихся на части, воительскихъ доспѣховъ. Свитки папира съ Эллинскими и Латынскими письменами уничтожалися на разсыпающихся камняхъ, едва носящихъ знаки Египетскихъ Іероглифовъ и руническихъ буквъ; мраморы древнѣйшіе Арунделевыхъ разметаны были близь сихъ накопленныхъ трофеевъ.„ Вотъ что осталось отъ тмочисленныхъ „воинствъ, въ прахъ сотлѣвшихъ, на поляхъ побоища! „Тамъ, гдѣ были ихъ великолѣпные обиталища, ихъ „пышные грады, тамъ нынѣ, то звѣри дубравные пло„дятся въ своихъ логовищахъ, дремучими лѣсами ограж„денныхъ; то зеленѣютъ тучныя пажити, по коимъ „пасутся стада кочующихъ ордъ. Гдѣ гробы побѣди„телей народовъ? — Тамъ иноплеменникъ, потомокъ „ихъ плѣнниковъ, дробитъ раломъ своимъ черепы ихъ „и собираетъ колосистую жатву съ ихъ костей. Гдѣ „величіе Ассирійскихъ Монарховъ? гдѣ владычество „Персовъ? гдѣ сына Аммонова завоеванія? гдѣ сила Рима?

„здѣсь, въ сихъ, тщетныхъ останкахъ они гибнутъ „купно съ ними„ Тако произнесла Слава исходя изъ хранилища скудныхъ сокровищъ браннолюбивый и кичливой древности. Въ округъ зданія сего все являло образъ разрушенія, между тѣмъ какъ на противуположной странѣ разстилалась прекраснѣйшая равнина прелестьми весны украшенная, гдѣ блистали бѣлѣйшіе снѣга памятники мужей праведныхъ. Сама Слава общe съ Добродѣтелью соорудила ихъ въ честь гонимой на земли Невинности, попранной Истиннѣ, оскорбленному Смиренномудрію. На нихъ пламенели какъ утренная заря любезные человѣчеству имена. Солнце и луна сливая съ ихъ сіяніемъ лучи свои низводили ихъ на землю: да согрѣются ими сердца хотя нѣсколькихъ подражателей.

Слава текла ко храму, едва мною зримому въ странѣ звѣздами усѣянной. Слѣдуя за нею, уже былъ я на разноцвѣтномъ *мосту боговъ* (*), изъ лиловордяныхъ, радужныхъ полосъ составленномъ. Трепещущими и препинающимися стопами возходилъ на сію необычайную, багряно — сизымъ лоскомъ свѣтящуюся стезю. На каждомъ шагѣ страшился я, чтобы не низпасть съ высоты небѣсной въ довременный мракъ Эреба, ибо

(*) *Мостомъ боговъ и путемъ Героевъ* древніе пѣвцы, Скальды, называли радугу.

подсолнечная сокрылась уже отъ бренныхъ очей моихъ, и даже, превышающее облака, чело самыхъ огромныхъ горъ не достигало до оныхъ превыше пренныхъ круговъ, гдѣ начинается безпредѣльное царство необъятной вѣчности. Богиня проникающая мысль смертныхъ ободрила меня симъ словомъ: „Гряди за мною смѣло. Здѣсь „нѣтъ бѣдственныхъ случаевъ; здѣсь нечего страшиться; „здѣсь жизнь единственный элементъ; и кто прейдетъ „отъ тлѣннаго міра въ сію душепитательную стихію, „тому не коснутся ни вредъ, ни смерть.„ Глаголъ небожительницы преисполнилъ духъ мой такою отважностію, что я готовъ былъ идти за нею по долинамъ эфирнымъ до самыхъ отдаленнѣйшихъ созвѣздій.

Мы достигли вышняго храма, коль скоро Слава приближилась ко оному, мгновенно тяжкія двери заскрипѣли на златыхъ своихъ вереяхъ и сами собою отверзлись. Внутренность храма темна какъ нощь осени. Дневный свѣтъ не дерзаетъ туда проникать и царствующій тушъ мракъ приводитъ въ священный ужасъ. Здѣсь, кажется, почіетъ прежде вѣковъ существовавшая, неудобоизслѣдованная тайна и единой лишъ Славѣ невозбраненъ сюда входъ. Безсмертная отдернула завѣсу нощи; гремячія кольца прозвенели по сребренымъ прутьямъ; внезапно открылась взору моему пресвѣтлая, огромная храмина, подобная златой Кремлевской палатѣ. Тутъ увидѣлъ я: утвари царей, богатырскія брони, златыя гривны бояръ, гражданскіе

и побѣдительскіе вѣнцы, лиры, вѣсы, кормила кораблей, орудіи звѣздочетовъ, ваятелей, строителей, орудія земледѣльческія и различные чертежи, словомъ тутъ все то обрѣталось, что потребно для всѣхъ талантовъ и что относительно вообще до всякаго знанія и художества; всѣ сіи вѣщи разположенные по порядку соблюдены были рачительно. —,,Се суть тѣ сокровища,— повѣдала ,,мнѣ люборѣчивая Богиня, — кои сестра моя Судьба, бе- ,,ретъ на удачу и раздаетъ каждому изъ смертныхъ ,,при рожденіи его на свѣтъ. Я препровождаю того во ,,храмъ мой кто воблаго употребитъ даръ ему ввѣренный. ,,Но увы! коль часто сіе случается, что дары судьбы ,,во зло обращены бываютъ. Нерѣдко разгнѣванная ,,беззаконіями сыновъ земли Судьба исторгаетъ изъ ,,десницы безпечныхъ, или жестокихъ владыкъ скиптры, ,,дѣлами ихъ посрамленные; съ развратныхъ и корысто- ,,любивыхъ вельможъ срываетъ блистательные знаки ,,чести; изъ недостойныхъ рукъ клятвопреступныхъ ,,судей изъемлетъ вѣсы, ихъ неправдою поруганные; у ,,кровожаждущихъ полководцевъ отъемлетъ повелитель- ,,ные жезлы, слезами цѣлыхъ потомствъ обмытые. ,,Она лишаетъ нечестивыхъ и самой жизни; съ раская- ,,ніемъ приноситъ опять сюда сокровища свои, низвер- ,,гнувъ недостойнаго, или въ *пучину позора*, или въ ,,*бездну ничтожества*,,

,,Вѣдай что человѣки родятся въ свѣтъ съ дарами

,,духа: нѣтъ ни единаго изъ нихъ, которой бы не имѣлъ
,,дара ему сроднаго; сѣмя доблести въ душѣ каждаго.
,,Отъ случаевъ, отъ влїянїя примѣровъ, разверзываются
,,качества сердца и ума, подобно цвѣтамъ распускающим-
,,ся отъ росы утренней. Примѣръ добродѣтели науче-
,,чаетъ человѣка быть великимъ, а развращенїе нравовъ
,,творитъ злодѣя. Но бываютъ и такїе случаи въ коихъ
,,непосредственно содѣйствуетъ промыслъ превѣчнаго.
,,Иногда сокрывъ свою таинственную волю въ душѣ
,,такого смертнаго, отъ котораго никто не ожидаетъ
,,неточїю чего либо чрезвычайнаго, ниже посредственнаго,
,,Богъ! Премудростїю своею основавшей землю и разу-
,,момъ уготовавшей небеса! Богъ загремитъ въ концы
,,вселенныя его устами, его рукою разрушитъ страшные
,,царства, и воздвигнетъ царства новыя. Смертный сей
,,распаленный огнемъ силы Божїей, какъ молнїя быстръ
,,въ своихъ дѣйствїяхъ; его чудесный, творческїй духъ
,,производитъ въ единое мгновенїе то, чего миллїонамъ
,,людей, въ продолженїе многихъ вѣковъ на мысль не при-
,,ходило, хотя обитали они на томъ же мѣстѣ гдѣ
,,онъ подвизается и хотя имѣли къ тому, — можетъ
,,быть — самые лутчїе способы. Одинъ человѣкъ, — къ
,,коему никто вниманїя не преклонялъ, — внезапно пре-
,,мѣняетъ весь видъ земнаго шара; изъ бѣднаго изгнанни-
,,ка, угнетеннаго сына Реи, скитавшагося по брегамъ Тиб-
,,ра сироты, вдругъ является свѣту великїй основатель

„сильнѣйшей монархіи, которая владычествовала надъ „вселенною. Толь разительныя произшествія вразумляютъ мудраго уважать и младенца въ пеленахъ. Кто „вѣдаетъ, что будетъ со временемъ сіе слабое, едва „дышущее твореніе? Кто увѣренъ въ томъ что младенецъ сей не будетъ украсителемъ подсолнечной и „предмѣтомъ славы всѣхъ вѣковъ? Кто за то отвѣтствуетъ, чтобы провидѣніе не избрало его въ исполнители непостижимыхъ судебъ своихъ? Въ семъ бренномъ „лѣторослѣ прозябаетъ можетъ быть новой Тимолеонъ, „новой Эпаминондъ, новой Катонъ, или Демосѳенъ, или „Пиндаръ; а и того скорѣе можетъ быть другой — „Тамерланъ, или другой Кромвель? самые перевороты, „роковые случаи и даже собственное злощастіе спосѣшествуютъ возвышенію Ироя и его безсмертію; его „яростные враги и хитроразставленные ими препоны „служатъ ему степенями къ возшествію на крайную „высоту предназначеннаго ему судьбою величія. Можно „ли сомнѣваться въ томъ, чтобъ небо не участвовало въ „произведеніи великихъ людей? Кто силенъ отвергнутъ „сію убѣдительную истинну, что минута рожденія „человѣка, — какогобы состоянія онъ ни былъ, — не „есть минута заключающая въ себѣ премудрую волю „всезиждущаго промысла, промысла низпосылающаго „великаго мужа на земли свершить дивное предопредѣ„леніе для того времени, для людей того вѣка, для

„стекшихся тогда случаевъ и произшествій необходимо
„нужное и изкони симъ вышнимъ промысломъ уготов-
„ляемое? земля предъ очами Вседержителя какъ скры-
„жаль на коей всесильная десница Его то начертываетъ
„различные виды, то изглаждаетъ ихъ. Хитрая Софія,
„когда взирала на брата своего Петра въ колыбели
„почившаго, мнила ли что будетъ сей слабый младе-
„нецъ? мнила ли она что въ немъ почилъ, что въ немъ
„существовалъ уже тотъ безсмертный Ирой, въ лицѣ
„котораго Богъ, явился смертныхъ роду. Но дабы
„вящше возхитить радостію духъ твой, яко духъ
„Россіянина, внемли, я повѣдаю тебѣ о призваніи въ
„міръ Петра великаго.„ Она возвысила свой гласъ. Впе-
ривъ все мое тщаніе, я внималъ словесамъ ея:

„Сотворшій небо и землю, Тотъ, Коего дивный
„Промыслъ зиждетъ и хранитъ все, Которой волею
„своею изъ небытія производитъ бытіе, Коему служатъ
„всѣ умныя Силы, Котораго славословитъ солнце и
„величаетъ луна, Коему повинуются звѣзды и покор-
„ствуетъ дневный свѣтъ; Тотъ, Коего грозному манію
„внемлютъ огневласыя кометы, ужасъ наводящія, блуждая
„по безпредѣльнымъ долинамъ эѳира; Тотъ предъ Кото-
„рымъ трепещутъ бездны, цѣпенѣютъ бури, колыхнутся
„океаны не дерзаютъ, немотствуютъ ярые громы, и
„огни молній ничто иное, какъ отметы его стихіе-тка-
„ной, нетлѣнной ризы; Которому со страхомъ служатъ

лучезарные небесные Духи; Коему съ трепетомъ радуется вся тварь, *изумленная своимъ бытiемъ; довременный* и безконечный *Сый*, Коего все проповѣдуетъ, Коего царство вѣчность, *Который въ себѣ вмѣщая все, собою* все наполняетъ; Ветхiй деньми, Царь величества и *славы, облеченный зарями утра, сiяющiй свѣтозарностiю полудня*, украшенный лѣпотою вечера и важною кротостiю нощи; Неизглаголанный, *Коего велелѣпный чертогъ* — вселенная, ея же основанiе негиблемость, и что *блюдутъ непремѣнною чредою самые вѣрные рабы*: всегда прелестная Весна, жатвами богатое Лѣто неиз*тощимая въ плодахъ Осень, добротворными снѣгами* одѣтая Зима; Податель благъ, сущее Благо, Коего *жаждетъ и напояется все, еже есть*; Коего никакой умъ постигнуть не можетъ, но всякая душа ощущаетъ; Тотъ, *Котораго человѣки, присутствiемъ* Его отвсюду объятые, съ благоговѣнiемъ и въ священномъ *ужасѣ нарицаютъ Богомъ*. Сей въ премудрости и всемогуществѣ неистощимый, соорудивъ изъ хаоса *прекрасный мiръ, чудотворенiю* Своему предѣла не положилъ. Въ Его трисвятомъ нѣдрѣ, откуда *истекаютъ жизнь и свѣтъ*, еще хранятся таинственныя начала *изящества* и совершенства, ими же творческое слово Его *полно, ими же хотѣнiя* Его обильны и существо Его торжественно. Всевышнiй, совокупя ихъ во *едино, восхотѣлъ* явить вселенной новое чудо, достойное желанiя Его. Богъ рекъ: *Сотворимъ*, подо-

бно Намъ, безсмертнаго. — И ПЕТРЪ явился! Явился преодаренный всѣми изяществами, и Творецъ восплескалъ творенію Своему. — Царь Царей осѣнилъ ПЕТРА силою Своею, и крѣпостію Своей высокой мышцы облекъ его какъ бронею; возложилъ на главу его вѣнецъ, коего сіяніе безпресѣчно и лучи ярки во тьмѣ; Свой скипетръ далъ ему въ десницу, сей дивный скипетръ, который во время брани — несокрушимый, побѣдоносный мечь; во дни мира — цвѣтущая олива; но когда надлежитъ карать зло, — перунъ неминуемый. Богъ повелѣлъ избранному Своему: *Гряди въ полнощный край; озари тамъ густѣющій мракъ свѣтоноснымъ лицемъ твоимъ; подобно Мнѣ, созидай новый міръ и царствуй во славу всѣхъ вѣковъ.*,, Внявъ гласу вѣками Празящаго, ПЕТРЪ сотворилъ Россію. —,,

,,Съ тѣхъ самыхъ поръ, коль скоро Монархъ Просвѣтитель Сѣвера, пришелъ на землю, я поклялась ему служить; въ залогъ же клятвы сея предалась ему и всему Дому его въ подданство. Повинуясь моимъ внушеніямъ, онъ возставилъ сыновъ моихъ, воздвигъ дражайшее мнѣ племя Славянъ, которыхъ колико сотъ лѣтъ питала я моею грудію, да и доднесь еще моимъ огнемъ согрѣваемая кровь течетъ въ ихъ жилахъ.,, Симъ словомъ небожительница свершила рѣчь свою, коея сладость пролилася въ мою душу и восхитила мой умъ. Объятый восторгомъ, я устремилъ всѣ помыслы къ ПЕТРУ. Богоподобный Мужъ! воскликнулъ я . . . .

Но мысль моя теряется въ твоемъ величіи. И достаточно очей самой Славы обозрѣть твои дивные подвиги, недостаточно устенъ ея возвѣстить хвалу твою.

Кто раздробитъ моря на капли; кто изчислитъ пески, облежащіе необъятное лоно Амфитриты; кто измѣритъ разстояніе отъ малой планеты нашей до тѣхъ огромныхъ свѣтилъ, коихъ лучи, съ начала міра стремящіеся и поднесь еще до насъ не досягнули; или кто сочтетъ тѣ солнца, кои, сливая свой свѣтъ во едино, составляютъ чудесный млечный путь, бѣлеющій по темнолазуревой тверди; кто постигнетъ всѣ роды тварей, существующихъ въ неудобоизслѣдованномъ пространствѣ естества, тотъ, развѣ тотъ возможетъ изрещи доблести ПЕТРОВЫ.

Но сыны земли искали Бога въ огнѣ, въ водѣ, даже въ каинѣ и злакахъ; Неизреченному дерзали давать виды, и наконецъ изобразили Неизобразимаго въ Ликцѣ человѣка; и такъ, естьли можно уподоблять Божество смертному, то скажемъ о ПЕТРѢ уподобимъ и его тѣмъ великимъ Мужамъ, которые честію вѣнчали подсолнечную, и которыхъ съ удивленіемъ чтитъ потомство. ПЕТРЪ имѣлъ премудрость Соломонову, человѣколюбіе Титово, правоудіе и безпристрастіе къ себѣ Авреліево, горячность къ отрачѣ своей Кодрову, мужество Сципіоново, дѣятельность Кесареву, велико-

душе Траяново, искуство творить людей щастливыми Фоци, Фоци и донынѣ обожаемаго мудрымъ народомъ. Каждая изъ сихъ доблестей составляла великаго Героя; но въ ПЕТРѢ онѣ заключены были всѣ, и сей Царь Славы, преизбыточествующій толикимъ небесныхъ даровъ изрядствомъ, что же былъ, какъ не Божество во образѣ человѣка?

Естьли бы ПЕТРЪ жилъ въ первые вѣки, когда были Ираклы и Тезеи, то имѣлъ бы храмы и жертвами курились бы его олтари; Омиры и Виргилии возвѣстили бы міру его знаменитое богопроизхожденіе. Но и во дни наши кто не наречетъ Его безсмертнымъ? Весь свѣтъ Его Омиръ, Россія храмъ Его, а сердца Россовъ Его олтари.

Пренаполненый благоговеніемъ, къ несравненному ПЕТРУ я погрузился весь въ чувство удивленія и предался задумчивости, изъ коей извлекла меня небесная Спутница моя; она повелѣла мнѣ за нею слѣдовать. Изъ *хранилища даровъ судьбы*, мы вступили въ превеликолѣпнѣйшую и пространную колонаду. Между колосальными дорическими (*) ея столпами, изяществомъ древняго искуства изумляющими и поддерживающими дуговидный кровъ съ золотоваянными краями возвышались по порядку кумиры тѣхъ Россійскихъ Витя-

(*) Сей Орденъ архитектуры посвященъ Ироямъ.

зей, коихъ имена сохранила исторія. Тутъ изъ первыхъ находился славный Черниговской Воевода *Претичь*. Сей разумомъ и храбростію принудивъ Печенеговъ отступить отъ осажденнаго ими Кіева, спасъ тѣмъ великую Ольгу со внучатыми ея отъ позорнаго плѣна. Тутъ я видѣлъ Богатырей Владимировыхъ: *Яна, Рогдая, Муромца Илью, Александра, Андріяна, Добрыню;* съ ними купно были и сподвижники Героя бреговъ Невскихъ: *сильный Савва, отважный Ратмиръ, Сбыславъ, мощный Гаврилъ, Іаковъ храбрый и Новградецъ Михаилъ;* во сонмѣ ихъ являлся и оный мужественный *Димитрій*, градодержецъ Кіевскій, коего доблесть привела въ изумленіе кровожаждущаго Батыя: колико сей бичь Россіи ни былъ свирѣпъ, но и тотъ, вмѣсто казни, воздалъ почтеніе сему неустрашимому Герою. Онъ имѣлъ на выѣ златую гривну, знакъ чести токмо отличному полководцу принадлежащей. Здѣсь же были и пресловутый *Александръ Пересвѣтъ* разразившей Мамаева Полкана *Тимуръ мурзу;* и намѣстникъ Вологодскій *Осипъ Непѣевъ*, первый посолъ Россіи въ Британію грознымъ Іоанномъ отправленный, коему Король Филиппъ и Королева Марія воздали необычайныя почести. Витязи покрыты были тою тяжелою бронею, которую носили во дни своихъ подвиговъ. По среди ихъ взоръ мой срѣтилъ и злополучную Новградскую гражданку, отважную *Марфу Борецкую*. Сія много-

мощная, во дни свои, боярыня посадница, госпожа обширных помѣстьевъ, наполнявшихъ Корельскую область; сія знаменитая Россіянка предоставлена была во всемъ изрядствѣ жены великой. Пребогатая, бобрами опушенная тѣлогрѣя съ набранными рукавами покрывала осанистое тѣло ея; съ гордой главы низпадала до земли струистая фата, изъ подъ оной, бурмицкихъ зернъ очелье выходило на круглыя брови и драгоцѣннѣйшихъ камней ожерелье лежало на пышныхъ персяхъ. Зракъ ея изображалъ твердое духа благородство, соединенное съ надмѣнною рѣшимостію, каковая сродна была токмо Коклесамъ, Сцеволламъ и Брутамъ, мужественная красота одушевляла каждую его черту. Въ одной рукѣ держала она Ярославовы законы, а въ другой кипарисную вѣтвь; стопами же своими попирала плаху съ сѣкирою. На подножіи ея изваяно торжественное пиршество, коимъ она чествовала святаго мужа, во свидѣтельство великаго къ нему уваженія своего и которое довершила рѣдкими щедротами, Царямъ лишь возможными. Надъ симъ тако было написано: *жива и по смерти.* Но превыше всѣхъ богатырей возвышался Россскій Кортецъ, знаменитый *Ермакъ*, покоритель Сибирскаго царства. Сей побѣдитель обильнѣйшей части сѣвера облеченъ былъ въ самые тѣ панцыри, которые присланы ему были въ даръ отъ Грознаго Царя, и въ которыхъ онъ кончилъ преславные дни свои.

Мужественное лице его было зеркаломъ затѣйливаго духа, хитрыхъ замысловъ, храброй рѣшимости; вообще зракъ его являлъ въ немъ мужа сильнаго, готоваго презирать стужу и зной, гладъ и жажду, долговременный трудъ и всякое безпокойство. На крѣпкихъ раменахъ своихъ онъ несъ златый шаръ, изображающій обширное владычество *Хана Кучума*, со всѣми обиталищами многихъ народовъ, и öре рaною палицею придерживалъ оную четырехъ-лѣтнюю свою добычу. Доспѣхи Сибирскихъ владыкъ, имъ побѣжденныхъ, волшебныя Шаманскія утвари и одежды, ратная збруя различныхъ племенъ, писмена разныхъ языковъ края того, осистыя кожи многоцѣнныхъ звѣрей, кости рѣдкихъ рыбъ, снизки дорогихъ камней, составляли его трофей, поверхъ коего возлежалъ зубчатой вѣнецъ; колико было на немъ зубцовъ, толико народовъ рыцарь сей покорилъ Россійской державѣ. Огромное подножіе истукана его, изсѣченное изъ мрамора горъ Сибирскихъ, по коему вилися жилы разныхъ рудъ, украшено было златыми листами, на которыхъ чеканное искуство изъяснило его подвиги. Здѣсь побіеніе Татаръ и взятіе города *Чимги*, тамъ разбитіе войска *Кучумова* на стѣсненныхъ водахъ *Тобола*; далѣе пятидневная битва съ многочисленною силою *Мегмета Кула*, при устьѣ *Тавды*; за симъ кровопролитнѣйшее, но рѣшительное сраженіе съ *Кучумъ Ханомъ* и братомъ его, и побѣгъ

сихъ отчаянныхъ Царей; послѣднее изображенïе представляло торжественный въѣздъ Ермака въ столицу Сибирскаго повелителя, коея многовѣчныя и неприступныя твердыни воздвигнуты были на превысочайшемъ брегѣ шумноводнаго *Иртыша*. Подъ сими листами хитрое вало изобразило въ сребряныхъ полосахъ волнующïяся рѣки: *Объ*, *Енисей*, *Амуръ*, *Иртышъ* и *Лену*; всѣ оныя полосы соединены были, какъ бы узломъ, большимъ кругомъ изъ того же металла, на коемъ знаменитый въ дѣеписяхъ *Байкалъ* клубилъ свои ярыя волны. *Посреди водъ его зримы были острова Олхонскïе* и та гора, въ коей хранится доднесь славный въ преданïяхъ таганъ, свидѣтельствующïй о томъ, что достигалъ сихъ мѣстъ *Чингизъ Ханъ*, съ его неутомимымъ воинствомъ. На челѣ подножïя утверждена адамантовая плита съ сею Монгольскою надписью: *Герой изгладилъ въ немъ преступника.*

Буди вовѣки благословенна память твоя, достославный Побѣдитель, равный Ромуламъ, Александрамъ, Чингизъ-Ханамъ! Ты принесъ въ даръ отечеству неистощимыя горы сокровищъ, усыновилъ ему цѣлые народы, поработилъ ему моря и рѣки. Величайся, гордись *Иртышъ*, ставъ гробницею Побѣдителя Царствъ, и плескомъ волнъ твоихъ твери вѣкамъ грядущимъ прехвальное имя Росскаго Витязя.

Сïя предлинная колонада вела къ огромному

Готическому зданїю. Литые, мѣдные врата онаго и рѣшетчатыя окна украшены были лазуревою финифтью съ златыми письменами, которыхъ странновидное, їероглифамъ подобное изображенїе, уже не вѣдомо сынамъ времянъ послѣднихъ. Острые куполы зданїя, покрытые стальными, воронеными щитами, какъ будто чешуею морскихъ великихъ рыбъ, опиралися на дебелыя стѣны, опоясанныя зубчатымъ ободомъ, по коему лежала таковой же финифти полоса съ такимиже древними буквами; на каждомъ зубцѣ обода виденъ гербъ какаго-либо царства, области, или княжества. Ко вратамъ зданїя сего, надлежало восходить по крутой лествицѣ, украшенной златыми перилами, на коихъ златогривые львы, (символы силы и доблести) держали щиты показующїе лѣта знамѣнитыхъ произшествїй въ Россїи бывшихъ. У входа во храмъ, въ притворѣ онаго стояли древнїе дѣеписатели, Іерархи Новоградскїе: современникъ Владимїра перьваго *Іоакимъ* Корсунянинъ, и *Нифонтъ* Вельнецъ; Русской Иродотъ, мудрый *Несторъ*, урожденецъ Бѣлоезерскїй и послѣдователь его *Симонъ* Суздальскїй; и *Кипрїанъ* современникъ Димитрїя Донскаго; и подражатель *Стрїйковскаго Петръ Могила*; и высокосердый *Никонъ*, за гордые помыслы лишившейся дружества Великаго Алексѣя, а со онымъ и митры своея, которую принужденъ былъ сложить съ себя предъ лицемъ Вселенскаго Собора; съ ни-

ми купно были здѣсь и Святосановный *Іовъ*; и Келарь *Авраамій Палицынъ*; и пресвитеръ *Іоаннъ Глазатый*; и *Князь Θеодоръ К[illegible]ій*; и инокъ *Ботиваній*. „Симъ „досточтимымъ блюстителямъ временъ давнихъ и „знаменитыхъ случаевъ потомство обязано благодаре„ніемъ, — рекла, взирая на нихъ, Богиня, — ибо по ихъ „писаніямъ соорудила я *Храмъ Славы Россійскихъ* „*Героевъ*; иначе великіе люди со всѣми ихъ приснопамят„ными дѣяніями и поднесь сокрывались бы въ мрач„ной глубинѣ неизвѣстности.„

Между тѣмъ, какъ Небожительница произносила слова сіи, вдругъ какая то раболѣпствующая ей сила отверзла превеликіе врата чудеснаго зданія. Мы вошли: я объятъ былъ изумленіемъ и страхомъ; очей моихъ не доставало мнѣ чтобы окинуть все пространство! Необъятную внутренность храма сего размашистая рука смѣлаго строителя связала отлого скатистыми сводами, которые сбѣгая съ высоты своего полнокружія внизъ, сближались, соединялись и усредоточивались въ златые шары, на воздухѣ висящіе. Таково чудное зодчество оныхъ старинныхъ храмовъ, кои время сохранило еще въ давно-падшихъ и преждепрестольныхъ градахъ Рускаго Царства! Подъ сводами пылало множество паникадилъ, производившихъ сіяніе, равное свѣту полуденнаго солнца. Тысящами трофеевъ, увѣнчанныхъ орлами и тьмою Руническихъ над

писей отягчены были стѣны, отъ древности потемнѣвшія. Въ разныхъ мѣстахъ черневое по сребру искусство и прекрасная рѣзьба представляли облежанія градовъ, побоища, поединки, борьбу, праздничныя торжества и Богатырскія пированія. Въ углубленіяхъ, въ стѣнахъ устроенныхъ, возвышались на пребогатыхъ подножіяхъ, изъ драгоцѣнныхъ камней изсѣченныхъ, огромные кумиры боговъ и богинь, имъ же Славяне и Варягоруссы древле покланялися. Тутъ зримы были и громодержавный Перунъ, и четыреликій Свѣтовидъ, и милый сердцу народа Даждьбогъ, и повелитель вѣковъ Одинъ и вѣтрами правящій Стрибогъ, и страшный Чернобогъ, и ужасный Ній, и жатводатная Марцана, и любоизворная Лада, и Царица Богинь лѣпоокая Фригга; а за сими и сонмъ прочихъ боговъ и богинь, извѣстныхъ по Исторіи. Всѣ они сохранены были точно въ томъ видѣ и съ тѣми признаками, какъ чтили ихъ храбрые праотцы Россовъ. Въ семъ храмѣ также находились и кумиры Богатырей давнихъ вѣковъ; хотя и были они вылиты изъ электра чистаго, но суровая длань всемощнаго времени сгладила мужественныя черты доблественнаго зрака ихъ, затьмила ясность многоцѣннаго металла, и даже вовсе истребила надписи, у нихъ на подножіяхъ быть долженствующія. Богиня, видя, съ какимъ тщаніемъ любовѣдѣніе мое усиливалось познать, кто были Витязи тѣ, рекла: „Твой трудъ

„напрасенъ. Но я возвѣщу тебѣ о нихъ. Досточестные
„Ирои сии, первоположники Славенороссской Державы;
„твердая мысль возносила великій духъ ихъ на под.
„виги; довольны будучи и безъ моего засвидѣтель-
„ствованія своимъ преизяществомъ, они ликуютъ
„во глубинѣ безсмертія, въ свѣтозарной Валкалѣ, въ
„раю храбрыхъ, купно съ тѣми неподражаемыми Иро-
„ми свѣта, кои не возхотѣли даже и меня удостоить
„своимъ строгимъ воззрѣніемъ, и отъ меня сокрыли
„имена свои: тамъ вкушаютъ они обще съ богами жи-
„знодатныя яблоки, что блюдетъ всегда юная Идуна;
„тамо піютъ они изъ роковыхъ фіаловъ оный дивной
„медъ и пиво, веселіемъ растворенные, которые вмѣ-
„сто хмѣля, производятъ неоскудѣваемую бодрость
„духа; тамъ вѣчно веселятся они успѣхами ратобор-
„ческихъ своихъ подвиговъ, внемля торжественному сла-
„вословію древнихъ Скальдовъ, брящающихъ на златыхъ
„арфахъ. — Скорбѣть должно потомство, что восхити-
„тельное доброгласіе пѣснопѣвцевъ сихъ до него не до-
„стигло. Посреди зримыхъ тобою здѣсь жертвъ времени
„обрѣтаются кумиры: Славена, пришекшаго отъ предѣ-
„ловъ Ѳракійскихъ и Илирійскихъ, которой украсилъ
„именемъ своимъ многія страны Россію составляю-
„щія; и сына его Бостарна, покорителя Полночныхъ
„странъ; также Вандала, побѣдителя Востока и Запа-
„да; благоуспѣшныхъ во бранѣхъ родственниковъ его,

„Гордорика и Гунн-Гарда; и сыновъ его, Владыкъ удѣ-
„ловъ первобытной Славенороссской земли: Избора, Вла-
„димира и Столпосвята, о ихъ же градахъ и поднесь
„свидѣтельствуетъ Исторія. Между ими и Владыка Ри-
„ма, доблественный Одоакръ, Князь Руской; также и
„мужественный отецъ Гостомысла Буривой, и храб-
„рый супругъ Умилы, Финскій Царь Людбратъ, и Кій,
„основатель преславнаго въ дѣеписяхъ Кіева; съ ними
„же купно Оскольдъ и Диръ. Посреди сихъ кроется и
„соловей древнихъ лѣтъ, сладкопѣвецъ Боянъ, равный
„знаменитому Барду третьяго вѣка. Вопреки мнѣ алч-
„ная неизвѣстность поглотила много сокровищъ старо-
„давности. Вѣдай, что кумиры сіи большею частію
„тѣхъ полководцевъ, коихъ богатырскимъ духомъ води-
„мые по свѣту полки, подъ именами то Скиѳовъ, то Сар-
„матъ, то Роксоланъ, то Готѳовъ, то подъ общимъ именемъ
„Сѣверныхъ Браненосцевъ, покоряли своему владычеству
„гордой Римъ и пышной Царьградъ; побѣдили Аттилу,
„страхъ вселенной на поляхъ Каталонитскихъ, и на-
„чиная отъ Колхиды, большую часть бреговъ Евксина,
„даже до рѣкъ Дона, Оки, Волги, Камы, Днѣпра, Буга,
„Днѣстра, Десны, Дуная, до самой Сѣверной Двины
„и Немна, и къ Западу до бреговъ Адріатическаго мо-
„ря, и на полунощь до Бѣлыхъ водъ, всѣ страны съ
„обитающими языки владычеству своему поработили.
„Гремя славою, однимъ именемъ своимъ они побѣждали
„войска, и како соколы ширяющися на вѣтрахъ, тако

,,они господствовали покоряя себѣ царства. Дальнѣйшіе
,,дни Россіи небо сокрыло въ неизслѣдованномъ нѣдрѣ
,,своемъ, и доискиваться начала ея столь же много-
,,трудно, какъ и проникнуть въ случаи первыхъ дней
,,міра. Но Тотъ, Который искони правитъ вселенною
,,и царствами въ ней сущими, повелѣлъ мнѣ со вре-
,,менъ Гостомысла и Рюрика блюсти дѣла и лѣта сей
,,побѣдоносный, великой матери народовъ, паче нежели
,,всѣ иныя необычайныя событія въ мірѣ; зане вѣкъ
,,отъ вѣка царство ея возвысится и распространит-
,,ся, и будетъ она первою Монархіею во всей подсол-
,,нечной: — что уже и совершилося. Мнѣ повелѣно
,,свыше блюсти память вѣнценосцевъ Россіи и избран-
,,нѣйшихъ сыновъ оной всѣми благами преизобилую-
,,щей владычицы полсвѣта. Се памятники ихъ невре-
,,димы и вовѣки негиблемы.,,

Я окинулъ алчнымъ окомъ моимъ пространство храма. Въ святилищѣ его множество великолѣпныхъ столповъ возвышалося въ свѣтозарномъ сіяніи. Они составляли обширный кругъ, и Слава воздвигла ихъ по порядку временъ и подвиговъ геройскихъ, соблюдя при каждомъ изъ нихъ свойственныя Ирою преимущества и отличія. Преизящное искусство и величие предмѣтовъ влекло къ себѣ любопытство и удивленіе.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Во первыхъ являлся знаменитый мудростїю Князь и гражданинъ, Великій Гостомыслъ въ томъ образѣ, когда предстоя сословїю Новоградскихъ Посадниковъ и Бояръ, вѣщалъ онъ Старѣйшинамъ отъ Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери и прочимъ, да изберутъ Князей отъ Варягъ управлять собою, излагая имъ бѣды и напасти отъ безначалїя и раздора проистекающїя, и колико людямъ добро есть, когда благочестивыя Владыки правятъ страною. Преизящное даровъ духа богатство оживляло важный его зракъ; длинная брада струилась по широкимъ его персямъ; десница была простерта, изъявляя повелительное манїе: да внемлютъ. Въ шуйцѣ держалъ онъ кормило, во знаменїе мудраго народоправленїя. Гражданскїе вѣнцы лежали у стопъ его. На златомъ Престолѣ его блистало таковое писанїе: Сей бѣ мужъ „елико храбръ, толико мудръ; всѣмъ сосѣдямъ своимъ „страшенъ, а людемъ любимъ расправы ради и правосудїя; „сего ради и вси окольные чтяху его, и дары дающе „купуя миръ отъ него; многїе же Князи отъ далекихъ „странъ прихождаху, моремъ и землею, послушати

„, мудрости и видѣти судъ его, и проситти совѣта и „ученія его, яко тѣмъ прославися всюду. „ Подъ симъ, въ свѣтломъ кругѣ чеканнымъ искусствомъ изображена была почіющая, прекрасная и любимая дщерь его Умила, матерь праотца Царей. Согласно чудному, *предъвѣщательному* сновидѣнію Гостомысла, зримо тутъ было и оное пророческое древо, возникшее отъ чрева Умилы до облакъ, котораго плодоносныя вѣтви покрываютъ великій градъ, и подъ сѣнь ихъ грядутъ народы отъ концовъ вселенныя благоденствовать. — *Сновидѣніе паче всѣхъ событочное!*

РЮРИКЪ.

Близъ сего новаго Соломона на такомъ же Престолѣ возвышался внукъ его, родоначальникъ Скиптродержцевъ Славяно- Россиіхъ, сей побѣдоносный Рюрикъ, коего оружіе сокрушило многіе грады Галловъ, коего корабли преплавали отъ водъ Варяжскихъ до волнъ Западнаго Океана. Величавый взоръ его пламенѣлъ мужествомъ, которое умѣряемо было постояннымъ любомудріемъ. Главу его осѣнялъ вѣнецъ отъ камени драгоцѣннаго; кудрявые власы развѣвались по его мощнымъ раменамъ; въ десницѣ его блисталъ Скиптръ. Онъ возсѣдалъ облокотясь шуйцею на огромный щитъ, хитроственно насѣчкою изукрашенный, на коемъ изображенъ былъ совѣтъ двانадесяти боговъ Сѣвера, посреди оныхъ

сіяли какъ два свѣтила, грозный Перунъ и строитель неба Одинъ. Тако являлся онъ покоющимся, яко Владыка мирнаго царствованія, Владыка претекшій бранные подвиги. Короткая Варягоругянская одежда покрывала его сильныя мышцы, и мечъ лежалъ поверженъ у ногъ его купно съ главою мятежнаго Вадима. Окружность столпа его представляла отвсюду зубчатыя стѣны великаго Новаграда съ башнями и бойницами; изъ за ограды сей возвышались верхи Готическихъ зданій и куполы капищъ боговъ Славянскихъ; вдали же по одну сторону являлись взору священные холмы, пылающіе на нихъ дубы и приношеніе жертвъ; а по другую, совершеніе тризнъ на курганахъ и Рыцарскія прѣнія.

ОЛЕГЪ.

Тутъ же рядомъ на другомъ столпѣ возносился подобно гордому кедру горъ Рифейскихъ, достославный Олегъ, въ геройскихъ своихъ доспѣхахъ. Изумленіе внушающій зракъ его одушевленъ былъ и въ металлѣ тою благородною отважностію, которая покоряла ему грады и царства. Быстрыя зѣницы его и въ металлѣ пылали еще огнемъ той дивной прозорливости, отъ которой и самое отдаленнѣйшее время укрыться не могло. Величавую главу его обнималъ шлемъ орлими крылами осѣненный. Златотканное Славянское полукафтанье

съ узорчатымъ окраемъ свѣтилося по персямъ и чреву; на блестящемъ препоясаніи висѣлъ смертоносный мечъ по бедрѣ; руки Византійскихъ трофеевъ, обрѣтенныхъ имъ въ нѣдрѣ сей пресловутой столицы потомковъ Константиновыхъ, лежали у стопъ его. Въ одной рукѣ держалъ онъ лавровую вѣтвь съ масличною свившуюся, и вручалъ ихъ отроку Игорю близъ него стоящему, а другою опирался на тяжелую булаву свою, злаmыми шипами изгвожденную. Вокругъ свѣтозарнаго столпа его изображены были: великолѣпный Кіевъ съ облежащими его священными дубравами; основаніе Москвы, пораженіе Древлянъ, осада Коростеня, разбитіе Грековъ; ладьи ратію полныя на колесахъ чрезъ сушу, какъ по обильному влагою Понту, бѣгущія на всѣхъ вѣтрилахъ; Цареградскіе Императоры дары ему приносящіе; врата Константинопольскія, на коихъ во знаменіе вѣчнославныхъ побѣдъ Россійскихъ, надъ сокрушителями Пергама одержанныхъ, сіялъ, глянцовитый щитъ его; роковая со зміемъ глава любимаго коня, о коемъ зловѣщали емугадатели; и наконецъ шумноводный Днѣпръ обтекалъ извивистыми водами своими весь край столпа.

ОЛЬГА.

Здѣсь на Престолѣ изъ алмаза изсѣченномъ возсѣдала премудрая, великая въ женахъ, свѣтодатная Ольга,

достойно именованная *Прекрасою.* Божественный зракъ ея, въ коемъ соединялися прелести дивной красоты съ огнемъ ироискаго изрядства и лучами преизящнаго ума, столь былъ живъ, что она и въ Кумирѣ казалася повелѣвающею, какъ Ироиня и Владычица. Вѣнецъ, изъ райскихъ криновъ сплетенный, украшалъ нетлѣнное чело ея; длинныя косы ея упадали на высокую грудь; Великокняжеская мантія важно спускалася съ ея раменъ на гербы Кіева, Новаграда и многихъ иныхъ Россійскихъ Княжествъ, подъ ея правленіемъ блаженствовавшихъ. Лучезарный крестъ и пальмовую вѣтвь несла она въ десной, а шаръ царстводержавія наполнялъ дланѣ ея лѣвой руки; стопами же своими попирала она чудовищнаго дракона, идолопоклонство знаменующаго. Хитротканная риза обнимала ея стройное тѣло, и крупнымъ перломъ вынизанный лентіонъ препоясалъ ея чресла, роняя долу концы свои, драгоцѣнными камнями осыпанные, и жемчужною бахрамою обвѣшенные. На пребогатомъ столпѣ ея искусный рѣзецъ художника изсѣкъ Малдитово къ ней посольство; пришествіе ея подъ Коростень; знаменитую Тризну, ею совершенную надъ тѣломъ Игоря; горовидный курганъ, насыпанный ею на кости ея супруга; побіеніе Древлянъ; облежаніе столицы ихъ; голуби и воробьи въ дань ей отъ нихъ присланные и съ огнемъ отъ нея обратно во градъ посланные; объятая пламенными вихрями столица Малдита; смятеніе

погибающаго народа; торжественное возвращенїе ея въ Кїевъ со тмами плѣнныхъ сопостатовъ, учинившихся щастливыми ея подданными; построенїе Пскова, и наконецъ преславное ея крещенїе заключало всѣ оныя вѣчнопамятныя происшествїя, которыя столь совершенно изображены были, что каждое тутъ лицо одушевлено было движенїемъ и жизнїю. Во всемъ трудѣ видна была пылкость и замыслы Ваятеля.

СВЯТОСЛАВЪ.

По страну ея высился доблественный ея сынъ, разящїй взоры Святославъ. Повелительное лице его являло суровое мужество и строгую твердость; очи его пылали огнемъ брани, и вообще богатырская осанка его знаменовала въ немъ такую непреодолимую храбрость, что онъ, казалось, готовъ бы былъ противостать не токмо полкамъ слабыхъ смертныхъ, но и всѣмъ стихїямъ. Толь неутомимой храбрости не имѣли ни Атриды, ни Гекторы, ни Ахиллы, ни Александры. Сей великїй послѣдователь обожаемаго Сѣверомъ Олина представленъ былъ на конѣ, летящемъ со всего маху. Тяжелая желѣзная кольчуга со стальными поручьми и обручьями покрывала рослое тѣло его; простой ратничїй шлемъ, коему чуждо было всякое украшенїе, ограждалъ его главу; за сильными раменами его висѣлъ

огромный тулъ, препаполненный пернатыми стрѣлами, виновницами болѣзней лютыхъ и смерти неминуемой; обоюду острый мечъ, не совсѣмъ внѣдренный во влагалище, къ поясу на цѣпи прикованное, вселялъ въ сердца ужасъ; всепосѣкающимъ бердышемъ, на длинномъ ратовищѣ утвержденнымъ и троегранымъ копьемъ оканчевающимся вооружена была взмахнушая его рука, усталости невѣдущая, и будто готовая разить; какъ полная луна, сквозь густой туманъ рдѣющая, его круглый мѣдяный щитъ, потусклый отъ древности, прикрывалъ его лѣвыя ребра. Несокрушимый столпъ его обремененъ Болгарскими трофэями. На немъ представленъ былъ сей Князь Герой возлежащимъ посреди поля и ядущимъ сухой хлѣбъ, презирая окрестъ его свирѣпствующія бури и всѣ труды ратоборствія. Тутъ онъ изображенъ побѣдителемъ Козаръ, а здѣсь покаряющимъ подъ Державу свою восемдесять Болгарскихъ градовъ, цвѣтущихъ на тучныхъ брегахъ Дуная; за симъ видно пораженіе Печенегъ, дерзнувшихъ подступить къ славнопрестольному Кіеву; а тамъ изъяснено смятеніе Греческихъ Монарховъ, трепещущихъ меча Святослава, сверкающаго окрестъ стѣнъ Константинопольскихъ. Но художество съ преизящнымъ искуствомъ изразило, какъ сей вѣнценосный Витязь съ малымъ числомъ неустрашимыхъ Славянъ своихъ, всепреодолѣвающимъ примѣромъ его одушевленныхъ, разбилъ и разсѣ-

ялъ тьмочисленное ополченїе побѣдителей Дарїева Царства, и какъ хвалящїе мужество его, пораженные имъ, Греки сносили къ нему на выкупъ женоподобныхъ Царей своихъ, одни ратные доспѣхи вмѣсто сребра, злата и бисера драгоцѣннаго, отвратившыхъ имъ, яко отраву нѣги и роскоши.

ВЛАДИМIРЪ.

Великїй изъ Владыкъ и славный изъ побѣдителей, Владимiръ, сынъ Святослава, обладатель полночной, восточной, полуденной, бѣлой и черменой Россїи, просвѣтитель обширнаго Царства своего, возсѣдалъ на Престолѣ изъ яхонта искрометнаго сооруженномъ въ богоподобномъ своемъ величии. Пресвѣтлый зракъ его цвѣлъ красотою, веселїемъ, мужествомъ, любовїю и мудростїю: сїи лучи высокаго духа оживляли каждую черту его. Взглянувъ на него, не льзя было не благоговѣть. — Вѣнецъ, изъ яркихъ звѣздъ слїянный сугубилъ сїянїе златыми граньми усѣяннаго шлема его; блистательныя латы охраняли полную доблестью грудь его; великолѣпная Порфира, гербами Россїйскихъ удѣловъ усѣянная, лежала на плещахъ и множила изрядство его сановитости; скрижали заповѣдей, на коихъ основана святая Христїянская вѣра, предпочтенная имъ предъ всѣми прочими, хранимы были въ десницѣ его,

а въ шуицѣ была Держава всея Россіи крестомъ увѣнчанная. У стопъ его лежалъ сокрушенный Перунъ, грозный кумиръ, доселѣ Славянами чтимый богомъ грома, молніи и темныхъ облаковъ. Художникъ, вырабатывая огромный столпъ Владиміровъ, истощилъ все тщаніе свое и трудъ, чтобъ изобразить во всемъ изяществѣ многочисленные и преславные подвиги Царя. Тутъ, при водахъ Клязмы видны возвышающіяся стѣны и храмы града Владимірова, подобно древнимъ Ѳивамъ, возникшимъ отъ творческихъ звоновъ Амфіоновой лиры; переходъ чрезъ Дунай; завоеванія Болгаріи, Сербіи, Кроаціи, страны Седмиградской, и тѣхъ странъ, гдѣ Волохи, Мултяне и Орды Бобружскія обитаютъ; достославный поединокъ богатыря Яна съ Полканомъ Печенѣговъ; рѣшительное пораженіе сихъ противниковъ Россіи при водахъ Трубежи; построеніе Переславля въ память сей знаменитой побѣды и Янова мужества; сонмъ прочихъ витязей, сподвижниковъ Владиміровыхъ во брани, изъ коихъ препрославленный въ пѣсняхъ и преданіяхъ, доблественный Муромецъ превосходилъ клевретовъ своихъ богатырскимъ изрядствомъ; по немъ предстояли раменистый Рогдай, на триста сопротивныхъ устремлявшійся, и мощный Добрыня. Въ другомъ отдѣленіи зрится щастливая подъ Державою Владиміра великая Россія, со престольными градами и цвѣтущими селами; обширныя веси ея наполнены ликующимъ на-

родомъ; вездѣ видно торжество побѣдъ, веселїе, игры, богатство земли, лѣпота обиталищъ. Многоводная Волга, быстротечный Днѣпръ, ярой Донъ, разливистой Волховъ и излучистая Ока кипятъ подъ тысящми парусящихся струговъ, кои, преисполнены будучи благодатїю небесъ съ нивъ собранною, бѣгутъ, перегоняя другъ друга по пѣннымъ хребтамъ рѣкъ сихъ, и преносятъ сокровища жатвы изъ одной страны въ другую. Великїй Новгородъ, пышный Кїевъ, преславные въ вѣкахъ первенцы Россїи, твердо стоя на земли, блистательными главами своими касаются превыспреннихъ, звѣздныхъ круговъ. А тамъ представленъ велелѣпно украшенный чертогъ Владимїра; въ немъ побѣдоносный Владыка бесѣдуетъ съ толкователями различныхъ вѣръ; избираетъ самую спасительнѣйшую, ту, которая, просвѣщая душу истиннымъ свѣтомъ, соединяетъ смертнаго съ Богомъ; онъ избираетъ ее, воспаляется любовїю къ Существу вышнему, женетъ изъ страны своея заблужденїе, въ видѣ слѣпаго чудовища изображенное, а съ нимъ купно изгоняетъ и весь соборъ боговъ ложныхъ; и цѣлыя рѣки едва могутъ вмѣстить во брегахъ своихъ толпы Россїянъ, приемлющихъ святое крещенїе. Далѣе изъяснено, какъ Царь просвѣтитель, предшествуя легїонамъ своихъ сильныхъ, мещетъ громы на Тавръ и Халкидонъ; осада и взятїе Ѳеодосїи; облежанїе Херсонеса; письмоносная стрѣла Анастасїева; покоренїе про-

тивящагося града, сокровищами Царей Константинопольскихъ обильнаго, а съ нимъ и всей Тавриды; крещенiе самаго Владимiра во градѣ ономъ; бракъ его съ Цареградскою Царевною; множество храмовъ, зиждемыхъ поклоненiя ради истинному Богу; — училища, больницы и сиропиталища во благо человѣчеству устроенныя; и наконецъ побѣдою надъ Поляками, взятiемъ Перемышля, Червеня и окружности Родомской свершалися безсмертные подвиги Равноапостольнаго Владыки.

ЯРОСЛАВЪ I.

Тутъ рядомъ стоялъ злашый столпъ; на немъ являлся въ торжественномъ сiянiи стяжавшiй славу своими дѣянiями и случаями достопамятныхъ происшествiй Ярославъ, законодатель Россiи. Видъ его былъ важенъ и кротокъ. Будучи великъ безъ гордыни, величественъ съ скромностiю, казалося, онъ и въ кумирѣ разсуждалъ о своихъ мудрыхъ законахъ; но при всемъ томъ взоръ его оживленъ былъ храбростiю. Онъ сидѣлъ на Престолѣ, драгоцѣнными камнями осыпанномъ. Ироиская броня обнимала его сановитое тѣло; пернатый шлемъ осѣнялъ его безсмертную главу. Въ правой рукѣ держалъ онъ развернутой свитокъ съ надписанiемъ : *Правда Руская. По сей грамотѣ ходите, яко же писахъ вамъ, такожде держите;* а въ лѣвой вѣсы оливою обвитые. Мощною

пятою своею подавлялъ онъ змія, во знаменіе побѣжденной имъ злобы лютаго и кровожаждущаго брата своего. Удивительная рѣзьба живо изображала по странамъ столпа его: низложеніе братоубійцы Святополка при волнахъ шумноводнаго Буга; здѣсь подъ знаменами Россійскими блисталъ предъ полками неустрашимыхъ Варягъ храбрый Якубъ, Свейскій Королевичь. Потомъ зримо было торжество оружія Ярославова на брегахъ Ладожскаго и Чудскаго озеръ, и основаніе Юрьева, града, и донынѣ свидѣтельствующаго славу имени побѣдоносца сего. Тамъ знаменитое преодолѣніе Печенѣгъ, многочисленною силою обложившихъ Кіевъ; великолѣпное сооруженіе Храма во имя дщери Царя небесъ, во имя всезиждущей и всехранящей Софіи, Божіей премудрости. За симъ побѣда его надъ Греческими Царями и труды сребра, ему въ дань отъ нихъ представленныя вмѣстѣ съ прелестною Анною, дщеріею Константина Мономаха, обѣтованною въ супруги юному сыну его Всеволоду. Тутъ же видимо, какъ въ явѣ, сословіе мудрыхъ мужей, призванныхъ Ярославомъ отъ Востока, и трудившихся надъ преложеніемъ изящныхъ книгъ; Славено-Россійское, изъ трехъ сотъ отроковъ составленное, училище; благолѣпіе и чинъ съ каковыми отправлялось служеніе истинному Творцу неба и земли. Укрѣпленіе Кіева, Новаграда, и построеніе славноименитаго града Ярославля въ червонной Россіи. Побѣды въ Польшѣ

и поселенїе Польскихъ плѣнниковъ. Сїя страна столпа заключалась изображенїемъ четырехъ вѣнчанныхъ женъ, подносившихъ Ярославу лавровые вѣнцы съ масличными лозами; то были четыре сильныя въ тѣ времена Державы, союзницы искуснаго Владыки: Польша, Швецїя, Норвегїя и Венгрїя. Но другая страна столпа являла особо любопытное изображенїе. Въ доказательство тому, сколь чтима была Россїя Царствами Европы и въ древнїе вѣки, тутъ являлися славныя Царицы, дщери Ярославовы. Лѣповзорая Елизавета, супруга Геральда храбраго, Короля Норвежскаго, котораго вездѣ рьяной духъ токмо въ Россiи покорствовалъ любви. Милонравая Анастасїя, супруга Андрея II, повелителя Венгровъ, и оная прекрасная Анна, супруга Генриха I, обладателя гордеививой Францiи. Художникъ, держась точности событїя, представилъ сїю праматерь Королей, Королевъ, Герцоговъ, Князей и многихъ Владѣтелей окруженною знаменитыми ея потомками. Здѣсь видѣнъ былъ толико славный въ цѣломъ Свѣтѣ плодъ чрева ея, родъ Капетовъ, отъ Гюга даже до злополучнаго Людовика XVI, и родъ д'Анжу отъ коего Испанскїе и Неаполитанскїе Вѣнценосцы ведутъ свое поколѣнїе, и правнукъ ея Петръ Куртенай, Императоръ Константинопольскїй, отличившїйся доблестїю во дни Крестовыхъ походовъ, и праправнуки ея, супруги Королей Британскихъ и Испанскихъ. Всѣ сїи изображенїя столь были совершенны, столь живы,

что казалися дышущими; и токмо что дара слова имъ не доставало. Чудное искуство! любезные Россамъ предметы! вы неизгладимы пребудете въ памяти моей. Тебѣ, Россія, Европа обязана была за многихъ благотворителей народовъ.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Близъ Ярослава сѣдѣлъ на Престолѣ толико же драгоцѣнномъ вторый Владимиръ, — оный премудрый Мономахъ, коего *дѣтьми* за славу *вмѣняли нарицаться* потомки Константиновы и Цари Вентровъ, который *промысломъ своимъ и храбростію, собравъ части растерзанной* чадами Равноапостольнаго Владиміра Россіи, совокупилъ отечество опять во едино Самодержавія тѣло. Онъ пресѣкъ крамолы несогласныхъ Князей, и былъ страхъ всѣхъ окрестныхъ народовъ. Онъ возвышался *во всемъ облаченіи Цареградскихъ Монарховъ*, которое поднесли они ему вмѣстѣ съ титломъ *Императора; но бывъ великъ самъ по себѣ, и отечественное* титло предпочитая всѣмъ инымъ, онъ отвергъ *предлагаемое ему титло. Пребогатая Греческая діадима* сіяла на безсмертномъ челѣ сего перваго Царя Россійскія *земли*, и *священные бармы, крупными изумрудами* и яхонтами обложенные, блистали у него по раменамъ и на персяхъ. Въ десной имѣлъ онъ Скиптръ, по ко-

ему вилась лавровая вѣтвь, а въ шуйцѣ громовыя стрѣлы, которыми въ преславные дни свои поражалъ онъ супостатовъ отечества. Мудрость и мужество его сугубили лѣпоту сихъ преизящныхъ даровъ Комнина. Важный взоръ его изъявлялъ всѣ его изящныя добродѣтели: правду, человѣколюбіе, умѣренность и миролюбіе. Вокругъ Престола его искуство тщательно изобразило знаменитые его подвиги. Здѣсь зрится, какъ Владыка Константинопольскій, въ наказаніе за многія Грековъ противу Россіи коварства, оружіемъ Владиміра бывъ покоренъ, проситъ отъ него мира, принося ему въ даръ сіи отличнѣйшія Царей украшенія, какъ бы достояніе послѣ дѣда его Константина Мономаха ему слѣдующее. Тамъ въ Тавридѣ Латынцы и Генуэзцы, не въ силахъ защитить отъ побѣдоносной десницы Царя Русскаго славныхъ градовъ своихъ, отдаютъ Кафу и Ѳеодосію; тутъ же хитрый рѣзецъ художника представилъ, будто въ живѣ, единоборство Владимірово съ Кафимскимъ воеводою, котораго порфироносный витязь Россовъ мужественно исторгнувъ изъ сѣдла, стѣснилъ опутами, привелъ къ воинству своему во всемъ его вооруженіи и снялъ съ него знаки чести. За симъ представляется, какъ сыны Мономаха, Геройскимъ духомъ его исполненные, предводительствуя полками неустрашимыхъ Новгородцевъ и Псковичей, побѣждаютъ Чудь и Половцовъ, разрушаютъ престольные грады ихъ

и съ богатою добычею возвращаются въ нѣдро царства своего. Далѣе, храбрые воеводы, его ревностные слуги, торжествуютъ по брегамъ Дуная, покоряя славной Державѣ его многїе грады и веси. Наконецъ излагаются побѣды потомковъ его, и то, какъ отважнѣйшїй изъ нихъ Романъ, отецъ Данїила, завоевалъ всю Литву, которая, сверхъ возложенной на нее дани, здѣсь, во образѣ жены печальной, смотритъ, къ позору своему, на лучшихъ сыновъ своихъ, вмѣсто коней, подъ ярмомъ плуга томящихся; студомъ покрытые, они влекутъ рало вдоль собственныхъ нивъ.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

При воззрѣнїи на сей памятникъ благоговѣнїе объемлетъ душу. Здѣсь Богомъ избранный Герой сїяетъ доброзрачностїю своею, какъ восходящее солнце красотою свѣтодатныхъ лучей. Здѣсь Герой Невскихъ бреговъ, преславный Александръ. Подобно небу отъ земли далекому, далекъ онъ изяществомъ высокаго духа своего отъ того уничиженнаго страстьми Александра, котораго пагубное мїру рожденїе ознаменовано было пожаромъ храмовъ, ясно свидѣтельствовавшимъ, что зажжетъ онъ Вселенную огнемъ брани, и наводнитъ ее кровїю себѣ подобныхъ. Здѣсь не тотъ Александръ, котораго трепещущее и отвсюду узами его

стѣсненное человѣчество съ ужасомъ нарекло великимъ; но здѣсь Александръ, благотворитель народовъ, защитникъ отечества, побѣдитель миролюбивый, которому по сущей истинѣ титло Великаго принадлежитъ. Дивной лѣпоты зракъ его хотя и цвѣтетъ младостїю, но одушевленъ смиренномудрїемъ, умѣренностїю, правосудїемъ и милосердїемъ. Иройскою величавостїю объята отвсюду его мужественная, Повелителю, или паче Божеству свойственная осанка. Изрядство его сановитости, при первомъ на него взглядѣ, внушаетъ сїю мысль, что онъ Витязь горныхъ силъ Царя вышняго. Чешуйчатая броня его отметала яркое сїянїе. Въ одной рукѣ держалъ онъ мечь, масличною лозою обвитый, а на другой рдѣлъ, какъ румяная заря, огромной его щитъ, на коемъ изображенъ Архистратигъ небеснаго воинства, поборающїй чудообразнаго Владыку духовъ отпадшихъ; по ободу же щита высыпаны дорогими камнями сїи блистательныя слова: *Разумѣйте, языцы, и покаряйтеся, яко съ нами Богъ! Уповая на Него, спасуся Имъ.* Приснопамятными дѣлами украшенное подножїе его живо изображало его побѣды надъ Шведами и побїенїе Лифляндскихъ Рыцарей. Тутъ видна была Нева во златѣ волнующаяся, плещущая въ прекрасные брега свои, на коихъ любезный Богу Ирой разитъ Готское воинство, наноситъ смертельную язву самому Королю Велгеру. Тамъ, на роковомъ полѣ би-

твы, зримы Чудь и Литва, зримо и смятеніе ихъ; сіи, на вѣки уснувшіе, лежатъ врозсыпь, какъ неподвижные камни въ долинѣ; а тѣ разсѣяны, какъ испуганныя пернатыя; другіе въ плѣнъ взяты; вообще же все ихъ ополченіе сокрушено до конца здѣсь, при втопоричномъ освобожденіи Пскова. За симъ славное сраженіе при Чудскомъ озерѣ, гдѣ пятьдесятъ Лифляндскихъ крестоносныхъ витязей на поприщѣ брани положено, толико же въ плѣнъ взято, и гдѣ многія тысящи Чуди пали отъ меча Александрова. Далѣе, подобно горамъ, челомъ небесъ касающимся, представлены, токмо что неглаголющими, знаменитые богатыри Александровы: мощный Гаврїилъ, коего всепреодолѣвающая мышца погрузила на вѣки во глубину Невскихъ водъ Скандинавскаго Королевича, въ бѣгствѣ искавшаго спасенія себѣ, и которая на вѣки разлучила съ отечественною страною Лифляндскаго правителя; сильный Сбыславъ, тяко посѣкающїй бердышемъ своимъ сопротивную силу, какъ бы листъ густой травы; съ сими купно и храбрый Яковъ Полочанинъ, и Новгородецъ Михаилъ, и Сава отважный, и неустрашимый Ратмиръ. Тутъ изъяснено и великолѣпное срѣтеніе, лютымъ наслѣдникомъ кровожаждущаго Батыя учиненное доблественному Александру, заступнику Россовъ отъ Татарскаго насилїя. Вотъ и пришествїе къ нему отъ Батыканскаго Деспота коварныхъ пословъ съ хитросплетен-

щимъ соблазномъ, въ которой чаялъ онъ уловить сего неколебимаго поборника и защитника Восточной церкви; но къ студу пославшаго ихъ и къ студу своему, они обрѣли въ мудромъ Князѣ Россовъ строгаго ревнителя исповѣдуемой имъ вѣры. Напослѣдокъ видно было взятіе Дерпта, и толпы иноплеменныхъ семействъ, кои, прельщены бывъ славою Александра и человѣколюбивымъ его народоправленіемъ, текли отъ дальныхъ странъ подъ его Державу. Тако стада агнцовъ спѣшатъ укрыться отъ зноя въ прохладной сѣни густолиственнаго древа, при исходищѣ водъ высящагося, размѣтавъ по воздуху свои пушистыя, благотворныя вѣтви.

ДМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

Рядомъ съ побѣдоносными Александромъ возвышался на конѣ Россій Леонидъ, оный безсмертный Донской, который, бывъ еще одиннадцатилѣтнимъ отрокомъ, уже искусно держалъ брозды правленія въ надежной десницѣ своей, и являлъ какъ изящество духа, такъ и дивное разсудка совершенство, искушенному многими опытами старцу токмо свойственныя. Сего, преисполненнаго добродѣтельми Государя, достойно нарицать отцемъ народа, ибо щастіе подданныхъ предпочиталъ своей жизни. Онъ былъ представленъ въ томъ

самомъ образѣ, какъ спасалъ Москву отъ губителя Мамая, когда предшествуя легіонамъ своихъ сильныхъ, рекъ имъ:„ Или избавлю землю Русскую отъ плѣне„нія, или за всѣхъ васъ положу главу мою на рат„номъ полѣ. Честная смерть лучше злаго живота.„ Зракъ его былъ столь выразителенъ, что полуотверстыя уста его казалися еще глаголющими сїе во всѣ вѣки потомству памятное изреченіе. Рьяная храбрость, мудростію движимая, блистала въ очахъ его, а пламенная любовь къ отечеству оживляла каждую черту его младаго, пригожаго лица. Простая и отвсюду изъязвленная броня покрывала его высокое, плечистое и дородное тѣло; смѣтливое художество изобразило по ней текущую изъ многихъ ранъ драгоцѣнную кровь его. Россія въ видѣ жены величавой, прекрасной, въ видѣ токмо богинѣ сродномъ, имѣя чело увѣнчанное Кремлевскими зубчатыми стѣнами, Димитріемъ воздвигнутыми, сопутствовала заступнику своему, неся въ рукѣ лавровые вѣнцы и ратное на рамѣ знамя, съ изображеніемъ Спасителя человѣковъ. Достославные подвиги сего рѣдкаго изъ Монарховъ и великаго изъ полководцевъ занимали всю окружность адамантоваго стола его. Во первыхъ тутъ была представлена Коломна, возносящая до облакъ крестоносныя свои башни; по широкимъ, облежащимъ ея равнинамъ стоятъ въ стройномъ чинѣ храбрые Русскіе полки изъ разныхъ Княз-

жествъ и предѣловъ Московскаго Царства стектіеся, дабы совокупными силами защитить страну свою отъ звѣрскаго Мамаева нашествія и свергнуть поносное Ордынское иго. Подобно стаду соколиному, на высокой холмъ слетѣвшемуся, собрались сюда храбрѣйшіе сыны Сѣвера: сіяющіе доблестію Князи, и бояра, строгіе любители общаго блага, и воеводы, знаменъ рамоборствія препрославленные. Всѣ они радѣютъ кровью своею искупить отечество отъ бѣдъ. Здѣсь и маститая старость и цвѣтущая юность, единымъ чувствомъ Ироиства одушевленныя, не уступаютъ одна другой и обѣ ревнуютъ спасенію Россіи. Никого изъ нихъ ничто не могло удержать въ милыхъ ихъ семействахъ: ни любовь родительская, ни любовь супружная, ни жаркая любовь къ красотѣ, ни сладкое сердцу чадолюбіе. Увидя напасть общую, они забыли весь родъ и племя свое, и домы и богатство, и какъ быстрокрылые орлы на брань полетѣли. Тако единоутробные братья, единодушіемъ сопряженные, вступаются за мать свою; и горе мужу бую, естьли дерзнетъ онъ оскорбить родительницу, добрыми чадами богатую! Тако многіе источники, одни мало по малу вытекающіе изъ глубины тѣмистыхъ дубравъ, другіе, струяся съ горней отлогости, сіи віются между камнями, а тѣ подъ густыми злаками таящіеся; тако соединяются они всѣ въ долинѣ и составляютъ обширной водоёмъ; время отъ времени сугубятся воды

ихъ, разливаются, понимаютъ высоты, и наконецъ сильнымъ напоромъ своимъ роютъ землю, подмываютъ высокія горы и темные лѣса, и ставъ великою рѣкою, съ шумомъ, съ ревомъ, ужасомъ мчатся чрезъ веси, чрезъ Царства въ моря далекія, — и моря дивятся ярости волнъ ихъ. Тако, но и того еще быстрѣе Россійскіе полководцы спѣшили подъ Коломну соединиться другъ съ другомъ. А тамъ, что за сонмъ избранныхъ богатырей, какъ городъ стоитъ превыше прочихъ ратоборцевъ? Подъ ихъ свѣтлыми шлемами я зрю и престарѣлыхъ и младыхъ витязей; посреди ихъ самъ Димитрій, какъ солнце предъ громадою молніеносныхъ облаковъ . . . .

Ты зришь дружину Князей Бѣлозерскихъ, отвѣщала мнѣ Слава; сіи отличные Герои крѣпки и мужественны во брани: они суть твердый оплотъ Государства. Разженные патріотическимъ сердоболіемъ, они безъ призыва пришли къ Димитрію съ полками своихъ храбрыхъ; изъ нихъ Князь Великій урядилъ свой опричный легіонъ. Константинъ сынъ Всеволода, родоначальникъ ихъ: въ нихъ духъ равно во всѣхъ великъ, во всѣхъ единъ, хотя колѣна ихъ различны. Преславную дружину сію составляютъ Князи Андомскіе, Вадбольскіе, Бѣлосельскіе, Шелешпанскіе, Кемскіе, Сугорскіе, Карголомскіе и Ухтомскіе. Такъ нарицаются они по властямъ своимъ отъ предка, въ удѣлъ отцамъ ихъ даннымъ.

При семъ словѣ пріятное чувствованіе радости внезапно наполнило мою душу, закипѣла вся кровь во мнѣ, возколебалась грудь моя, сердце рвалося вонъ, и теплыя слезы покатились по ланитамъ моимъ. Сіе милое чувство, сіи сладкія слезы, вашему безсмертію посвящаю, знаменитые Князи Ухтомскіе! примите славные праотцы матери моей, примите отъ правнука вашего сію чистую жертву благоговѣнія, досточестной памяти вашей принадлежащую! Любезное мнѣ имя ваше да благословится въ роды родовъ! Отечество во вѣки не престанетъ чтить васъ въ числѣ заступниковъ своихъ. Хотя не сооружено вамъ ни монументовъ, ни мавзолей; хотя безвѣстно, гдѣ неоцѣненный прахъ вашъ почіетъ, но купно съ Димитріемъ вы безсмертны. Между тѣмъ какъ отягченные проклятіемъ и хулою пронесутся до позднѣйшаго потомства постылыя имена отпадшихъ чадъ Россіи, нечестивыхъ предателей Олега и Аггелла, а съ ними вмѣстѣ и еще иныя имена измѣнничьи. Не благословенія, а поруганіе воздастся имъ на гробахъ ихъ; и сыны сыновъ ихъ не возрадуются о имени ихъ, не вознесутся ихъ славою, но посрамятся памяти ихъ, возгнушаются ею, отвергутся отъ сѣмени ихъ, и клятвою вѣчною Исторія ознаменуетъ время постыднаго ихъ бытія.

По томъ, устремя взоръ на другое изображеніе, я созерцалъ ужасное поле брани, распространяющееся

по брегамъ Непрядвы. Какое тутъ множество предметовъ! — Здѣсь станъ злодышущаго Мамая, его несмѣтная Ордынская сила, какъ туча пагуботворной саранчи, обширно по лону земли разлеглась; а оттуда преходитъ Донъ и спускается съ высотъ на равнину Московской Царь, предводительствуя не столь многочисленное, колико храброе Русское воинство. Его сторожкіе соглядатаи разсѣялись по окрестности, притаясь въ кустахъ, то въ густотѣ дикихъ травъ, то изъ за чела холма они наблюдаютъ и зрѣніемъ и слухомъ движенія враговъ. Славнѣйшіе изъ нихъ: мудрый гадатель Димитрій Волынецъ и созерцатель Небесныхъ явленій Ѳома Халцибѣевъ; они полны надежды. Но я невижу на Скиптродержцѣ блистательнаго Великокняжескаго доспѣха! Гдѣ его бурной конь? гдѣ его бѣлое знамя? гдѣ его грозная рында? Подобно простому ратнику, онъ во сонмѣ прочихъ вождей; единое токмо изрядство мужественнаго вида его и пылкость его взора свидѣтельствуютъ о немъ. Мудрый Димитрій, вмѣняя пресвѣтлое Царей убранство безъ славныхъ дѣлъ въ ничто, совлекъ съ себя мантію, снялъ вѣнцемъ красный шлемъ и броню; наперсникъ его Брянскій сіяетъ въ его нарядѣ, какъ малое древо на вершинѣ скалы зеленѣющее, возносится онъ на хребтѣ коня его, подъ бѣлымъ его знаменемъ окруженъ великокняжескою стражею. Вотъ и страшное Мамаево побоище, толико зна-

менитое въ преданїяхъ! Тутъ пали люди, какъ трава подъ косою; кровь ихъ протекла рѣками; тутъ изображено славное единоборство искуснаго воителя Пересвѣта съ Татарскимъ Полканомъ и взаимная смерть ихъ; тутъ представлены всѣ ужасы брани и облако дождившее вѣнцами. Димитрій посреди самой сѣчи разитъ враговъ. Его отважностїю ободренные ратаи неустрашимо сражаются. Витязи Бѣлозерские и Суздальскїе преодолѣваютъ упорство тьмочисленныхъ Ордъ. Вотъ и побѣда Россовъ и бѣгство Мамаево! Сей гордый Агарянинъ смятенъ, попранъ, отчаянъ, едва спасая жизнь свою, окруженъ токмо малымъ числомъ своихъ присныхъ, стремится съ роковаго поля, покрытаго тысячьми и тьмами Ордынцовъ его. Пространство шестидесяти пяти поприщъ едва достаточно вмѣстить истребленное Татарское ополченїе; земля тяготѣетъ, и кажется будто стонетъ подъ буграми труповъ ихъ. Побѣда Россовъ! Но гдѣ побѣдитель? гдѣ Владыка, защитникъ и отецъ ихъ? гдѣ Димитрій? Я не обрѣтаю его здѣсь въ соборѣ военачальниковъ? Онъ вдавался во всѣ опасности, онъ первой спѣшилъ туда, гдѣ нуженъ былъ его великой духъ, его разительный примѣръ, самый трудной подвигъ. Ужели, ужели сїе свѣтило Росской славы, не озаривъ трофеевъ своихъ сокрылось въ густомъ мракѣ безконечной ночи? — Но можетъ ли истый Россїянинъ обратить сюда взглядъ

безъ душевнаго болѣзнованія? Подъ вѣтьвями поверженнаго сѣкирою древа Димитрій обрѣтенъ едва дышущимъ, утопающимъ въ крови своей, и грудь и ребра его изъязвлены ранами. Уже онъ готовъ разстаться съ жизнію, но побѣда сія возвращаетъ ему бытіе; великая душа его въ самыхъ вратахъ вѣчности остановлена радостію видѣть торжество и спасеніе Россіи. Все сіе толь живо представлено, что кажутся всѣ лица дышущими, и мнится, что будто все сіе видишь произходящимъ въ явѣ, какъ бы въ нѣкоторомъ отдаленіи. Художникъ не забылъ изъяснить и того, что Димитрій оплакалъ побѣду сію надъ тѣлами многихъ храбрыхъ сподвижниковъ своихъ; кои были и ограда и краса Русскаго царства; въ числѣ ихъ всѣ осмь братьевъ Князей Бѣлозерскихъ, жертвуя собою отечеству, вкусили смерть на полѣ чести. Воспомянуто было и благосердіе его къ предателю Олегу. Пришествіемъ же въ Москву обожаемаго подданными Димитрія, празднествами и ликованіемъ народа заключалися всѣ оныя вѣчнопамятныя изображенія. На челѣ столпа горѣли какъ жаръ слова сіи: „*Россія! се твой заступникъ и покровитель!*„

ІОАННЪ I ВЕЛИКІЙ.

Близъ Димитрія находились одинъ за другимъ два огромные столпа равной величины, сооруженные каждой изъ драгоцѣннаго камня, коему человѣческой умъ, кромѣ удивленія, никакой иной цѣны опредѣлишь не можетъ. Первой столпъ изъ чистаго сафира со златыми реліефами; несравненно, неподражаемо превзящество рѣзныхъ и чеканныхъ изображеній, коими отвсюду онъ украшенъ. На семъ столпѣ возносился Великій Іоаннъ, единоначальникъ Россіи. Сей, равно мудрому Мономаху, скопилъ разсыпанныя Княжества подъ одну Державу и тѣмъ исторгъ корень раздора, междоусобія, братоубійствъ и иныхъ многихъ золъ свирепствовавшихъ въ Государствѣ. До его Царствованія, обширная, но раздробленная Россійская Монархія подобна была разслабленному исполину, которому престали повиноваться всемощныя его мышцы; изнурены будучи отъ напряженія и безпрерывной борьбы съ разными и всегда новыми сопротивниками, онѣ лишились своея крѣпости и удободѣйствія; гнѣздящаяся внутри болѣзнь, паче и паче раздражаемая суетными покушеніями, тщетнымъ себя принужденіемъ въ испытаніи собственныхъ силъ своихъ, огрузила все его рослое тѣло и ловкіе члены его содѣлала тяжелыми гирями, орудіями токмо что его обременяющими. Но Іоаннъ,

яко многовѣдущій врачь, употребилъ противу таковой жестокой немощи самыя преодолительныя, самыя скорыя, вредъ изгоняющія цѣленія. Онъ возвратилъ исполину сему здравіе и привелъ непокорные его члены въ должное, во взаимное согласіе. Рукою Іоанна подъятая съ одра нѣсколько сотъ-лѣтней болѣзни Россія, возстала, и славою облеклась; окинула окрестъ себя своимъ обширнымъ взглядомъ, — и сопредѣльныя Царства потряслись; ступила, — побѣды загремѣли. Оный достопамятный Монархъ, сокрушитель нестерпимаго Батыева ига, облеченъ былъ въ броню и порфиру. Цареградская діадима отцевъ его расточала яркіе лучи съ величавой его главы, густые кудри изгибались по раменамъ. Вмѣсто скипетра яснѣлъ въ десницѣ его мечь, какъ воздушный огнь по черному облаку рдѣющійся; а въ шуицѣ имѣя державу, попиралъ онъ твердою пятою темной полумѣсяцъ, въ доказательство презорства его къ властолюбивой и буйной ордѣ. По страну его находился несокрушимый его щитъ, на коемъ сидѣлъ быстроокой орелъ, распростря крылѣ свои, готовыя къ полету. Сей Царь пернатыхъ устыдясь и наскучивъ служить падшимъ потомкамъ Римскихъ Кесарей, пренесся подоблачнымъ своимъ путемъ чрезъ Востокъ на Сѣверъ, къ добропобѣдному Іоанну, чтобъ сопутствовать Россамъ его ко славѣ. Истерзанныя на части узы и добычи Волскихъ и Литовскихъ завое-

ваній, лаврами превязанныя лежали у стопъ Владыки. Строгъ и ужасенъ былъ взоръ Самодержца; зѣницы очесъ его, казалося, и здѣсь сверкали въ пылу гнѣва; видъ его былъ бодръ и въ полной силѣ Иройскаго мужества; а промышляющая о благѣ отечественномъ мудрость одушевляла правильныя черты его грознаго лица. Все являло въ немъ надежнаго на себя побѣдителя, дѣятельнаго Монарха, праведнаго судію, неумолимаго карателя зла, рьянаго защитника. Онъ спасъ страну свою отъ нечестиваго Татарскаго порабощенія, возставилъ на прежнюю высоту славы Престолъ, искони громкихъ предковъ своихъ. Его великій духъ низложилъ гордыню, и какъ прахъ разсѣялъ силу Золотой Орды, которая до его приснопамятныхъ дней дерзостно располагала жребіемъ Владыкъ Россійскаго народа; но при немъ сія кичливая властелинка въ чреду свою покорствовала уже тѣмъ Царямъ, какихъ давалъ ей Іоаннъ по единому изволенію его. Онъ простеръ Державу свою на Пермь, Казань, Лапонію, Югорію, Вогуличей, на Волскихъ Болгаръ и на страны Заволькія, отъ самаго Востока даже до моря Хвалынскаго. Семьдесятъ градовъ отъ Россіи Литовцами отчужденныхъ, онъ исторгъ изъ хищническихъ рукъ ихъ и пріобщилъ ко владычеству своему. Ему подобаетъ титло Великаго Монарха и соединителя отечества.

Негиблемый столпъ его представлялъ взору вѣко-

вѣчныя его дѣла и случаи его замыслами произведенные. Тутъ, при водахъ Камскихъ, поголовное пораженіе Татарскаго воинства, которое безчисленно было, подобно класамъ по тучной нивѣ волнующимся; копья онаго, — какъ лѣсъ дремучій; летящія его стрѣлы, — туча на воздухѣ висящая; но оно все пало, какъ осенью падетъ листъ съ древесъ, бурею срываемый и въ вихряхъ крутящійся. Тамъ страшные въ битвѣ воеводы Іоанновы торжествуютъ успѣхи оружія своего: Полководецъ Симеонъ покаряетъ Россійскому Царю всю Черемискую землю; непреодолимый Ряполовской на брегахъ широкой Волги сокрушаетъ Ордынскую силу, и плѣненныхъ Князей ея ведетъ въ Москву; отважный Руно подъ стѣнами самой Казани изъемлетъ у Казанцовъ Россіскія и Литовскія корысти, ими захваченныя, и обратно приноситъ оныя въ даръ отечеству; храбрые Юрій и Димитрій облежатъ Казань, и гордаго ея Царя побѣдивъ, изъ милосердія даютъ ему миръ. Здѣсь представлено наглое Крымское Посольство, достойная оному кара, и поруганіе надъ истуканомъ дерзостнаго Ахмета; рѣшительной съ Татарами бой близъ шумноводной Оки; стязаніе достославное, побѣда гремящая въ вѣкахъ, коею Россія совершенно очистила себя отъ Ордынскаго ига! Но здѣсь же я узрѣлъ и твое паденіе, великій, страшный Новградъ, праотецъ градовъ, повелитель обшир-

ныхъ странъ Сѣвера! Ты, коего бытіе, многія столѣтіи въ себѣ включающее, простирается до бытія первыхъ монархій свѣта; твои остатки мхами увѣнчанные и старинныя зданія, видомъ древности красующіяся, еще поднесь свидѣтельствуютъ твое, доселѣ ужасное, иноплеменнымъ могущество, которое составляли народы обитавшіе отъ предѣловъ Московскихъ до сѣверныя Двины и до пучинъ Бѣлаго моря; ты, которой вмѣщая въ себя пять градовъ, обведенныхъ стѣнами, превосходилъ и прежній и нынѣ существующій Римъ. Твое многократное возмущеніе, твое непокорное самочинство ополчало Царя яростію; онъ устремилъ на тебя свои жестокіе громы и Республиканская твердость твоя сокрушилась. Твои непреклонныя главы смирились. Умолкъ твой вѣчевой колоколъ, и славную боярыню твою, великую Мареу посадницу постигла злая часть купно съ чадами ея!

Далѣе, изображено злокозненное Князя Лукомскаго подданство. Сей, наущенный отъ лукаваго Казимира, пришлецъ лебзаетъ стопы Царевы, посягая на жизнь его; съ нимъ купно проникло въ чертогъ Царской пагуботворное коварство, вина паденія многихъ Престоловъ. Сіе гнусное чудовище, сіе ядоточивое адово порожденіе, имѣло главу, покрытую цвѣтами съ зміями преплетающимися; цвѣточными вязьми обвѣшано гибкое тѣло его, ежевыми иглами учащенное; болѣзненно и опасно до него коснуться, взоръ его проныраливъ и привѣтливъ;

оно смотритъ осклабляясь, съ уклоненіемъ главы въ знакъ раболѣпствія; съ ужимкою плечь возводитъ оно косое око свое на Іоанна, будто дивясь его доблестямъ и могуществу; отверстныя уста его, кажется, произносятъ льстивыя рѣчи; но въ одной рукѣ держитъ оно обоюду острый кинжалъ, а въ другой фіялъ, кипящею отравою полный; вокругъ него стелется, какъ туманъ, его заразительное испареніе, которое мрачитъ очи Владыкъ, мутитъ умъ Вельможъ, крушитъ духъ царедворцевъ; и тутъ же искусный художникъ изъяснилъ казнь отъ Владыки сильныхъ на злоумышленника посланную: знаменитые полководцы Московскаго Самодержца Щенятевъ и Оболенскій, яко грозныя созвѣздія смерти, налетѣли съ огнемъ, съ мечемъ, съ пагубою на Литовскую страну; помели ее занчисто; полки Казимировы, какъ маковыя зерны, разсыпали по полямъ, и съ несметною добычею возвратились на Русь. Потомъ зримо, како Князь Холмскій, богатырскимъ изрядствомъ полный, разбилъ, рыцарскіе полки, предводительствуемые благоразумнымъ Валтеромъ, и взялъ у него Виліадъ. Сей же самый воитель обложилъ силою своею мятежную Казань, которая отдохнувъ отъ ударовъ ей Іоанномъ нанесенныхъ, паки дерзнула подъять буйное чело противъ повелительницы своей Россіи. Но се падутъ ея огромныя башни, смятенныя тысящи жителей ея, преклонивъ колѣно предъ лицемъ побѣдителя, воздѣваютъ къ нему руки

и молятъ о пощадѣ; Царь Алегамъ и Царицы его съ сановниками и домочадцами въ плѣнъ влекутся; Московскія твердыни наполнятся ихъ стономъ, и звукъ цѣпей ихъ умножитъ ужасъ темничнаго мрака. Іоаннъ же, украшенный титломъ обладателя Болгарскихъ странъ, съ распростертыми объятіями срѣтаетъ призванныя имъ въ Россію науки и художества; съ ними вмѣстѣ приходятъ и оные извѣстные въ бытописаніяхъ мужи: Аристотель Болонскій, который первой показалъ изумленной Москвѣ искуство творить изъ мѣди огнедышущіе драконы; а другой мужъ, вѣдатель зодчества; по его точному размѣру возносятся до облакъ лѣповидныя Царскія палаты, величественные храмы и зданія Москву украшающія; а по волѣ того изрыгаютъ жупелъ, пламя, гибель и разрушеніе смертію зіяющія жерла, въ защиту отъ супостатовъ нужныя во брани. Взирая на нихъ цѣпенѣетъ человѣчество; изъ ихъ адской гортани вылетѣвшее ядро касается ли дебелой стѣны, — стѣна рушится, открываетъ нѣдро града и мятущійся по стогнамъ народъ; достигаетъ ли оно стѣсненныхъ воинскихъ рядовъ, — пролагаетъ между ими цѣлую улицу, и съ свистомъ мчится на вылетъ до истощанія своей губительной силы; гдѣ были люди, тамъ токмо кровавая рѣка течетъ. Страшное позорище! мнѣ мнится слышать громъ и ревъ ихъ. Увы! что въ нѣсколько лѣтъ отечество хранило, воспитывало, воз-

ращало сыновъ, что зодчій въ нѣсколько годовъ созидалъ, то все орудій — ваятель истребилъ, разорилъ въ нѣсколько часовъ . . . . О человѣки! чего не изобрѣли вы на свою пагубу? и безъ сихъ злотворныхъ вымысловъ смерть срѣтаетъ васъ и сопутствуетъ вамъ повсюду! . . . . Послѣ сей картины опустошенія и пагубы, предстало взору моему пріятное зрѣлище: стеченіе многихъ Владѣтельныхъ Князей, въ вѣчное къ Іоанну подданство. Подобно роямъ пчелъ, каждому за царицею своею толпящемуся и отъ различныхъ странъ слетающимся подъ благовонныя вѣтви высокой липы, бѣлымъ цвѣтомъ, какъ млекомъ облитой, шло за каждымъ Княземъ его семейство и старѣйшины народа. Такъ же означеновано здѣсь взятіе Путимля и Князя его Сапѣги; пріобрѣтеніе многихъ градовъ отъ Литвы отторженныхъ; облежаніе Смоленска; покореніе Вятки и наконецъ сооруженіе на брегахъ Наровы толико знаменитаго въ побѣдахъ Петровыхъ Ивана града. Словомъ: здѣсь, вездѣ я зрѣлъ, что все преуспѣвало Іоанну во благо, и сама даже Слава изобразила здѣсь себя трубящею о немъ съ небесъ во всѣ концы земли; Вселенная, приникнувъ, внемлетъ ея звукамъ.

ІОАННЪ II ВЕЛИКІЙ, ГРОЗНЫЙ.

По странѣ Іоанна возносилъ вѣковѣчную главу свою безсмертный внукъ его Іоаннъ II; сей былъ Монархъ, судья, воитель, законодатель, бодроосмотрительный совокупитель Славенороссскаго достоянія, обновитель старой и началоположникъ новой славы его, Самодержецъ многихъ народовъ и Царь Царей, ибо братія его, единокровные съ нимъ Князи, Цари Болгарскіе и иныхъ странъ, служили ему при свѣтозарномъ Дворѣ его, съ его важными Боярами, съ его велемощными Воеводами, коихъ творилъ онъ поселителями Царствъ. Іоаннъ Грозный изображенъ былъ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, въ тѣ самые блистающіе юностію годы, когда торжествовалъ онъ спасительныя для Россіи побѣды свои надъ пагубоносными потомками Чингисхана, обагрившими кровію человѣческою большую часть свѣта. Лѣпозрачность его украшена была подобіемъ знаменитаго дѣла его; наслѣдуя тому въ доблести, не точію имѣлъ онъ черты его, но еще одаренъ былъ предъ тѣмъ и нѣкіимъ превосходствомъ; сугубый огнь души оживлялъ все его тѣло-положеніе. Взоръ Іоанна былъ яръ и прекрасенъ, строгъ и полонъ благочестія; добропобѣдное мужество, дальновидная мудрость, щедрота, словомъ: вообще преизящное совершенство даровъ великаго духа являли въ немъ паче бога, нежели человѣка,

и наволили священный ужасъ. Язычникъ преждебывшихъ временъ почелъ бы его за строителя небесъ, *Одина*, или за громовержца *Перуна*, потому болѣе, что въ десницѣ своей держалъ онъ пуки громовыхъ стрѣлъ, коимъ всегда сопутствовала смерть. Величественъ, торжественъ, препохваленъ, едва не равенъ Петру, возвышался онъ на бурномъ конѣ во всемъ изрядствѣ своей благородной сановитости, подобно горѣ, отъ земли до небесъ досязающей. Гладкой, четырмя вѣнцами препоясанный шлемъ осѣнялъ его густыя брови, на переносьѣ соединяющіяся. Златая кольчуга обнимала осанистое тѣло его, народосокрушитель мечъ висѣлъ по бедрѣ; священныя бармы лежали на персяхъ, и мантія отцевъ его развѣвалась за раменами. Готѳскія знамена, возгнетенныя съ добычами Ордынскими, Сибирскими и Оттоманскими, накоплены были близъ него ошую. По верьхъ оныхъ находились связанныя лаврами три державы: Сибирская, Казанская и Астраханская; надъ сими сіяла, какъ полносвѣтный мѣсяцъ, крестоносная Московская Держава; грозный орелъ при нихъ былъ на стражѣ, сидя на грудѣ книгъ, премудрость Іоаннову и благо общее въ себѣ заключающихъ: то были книги его законовъ. Хотя мракъ тѣхъ временъ и претилъ Іоанну озарить весь міръ лучами своего величія, но онъ былъ между Владыками то же, что Сиріусъ между прочими неподвижными звѣздами;

онъ былъ для сѣвера тоже, что солнце для вселенной, когда оно показывается на горизонтѣ, еще туманами ночи окруженное. Славѣ угодно было представить и себя по странѣ его грядущею. Лавровѣнчанная царица вѣковъ изобразить себя повелѣла трубящею въ громозвучную трубу свою, со многоочитыми на хребтѣ крылами, и носящею Царевъ щитъ, коего выпуклость, изукрашенная алою финифтью, яснѣла, какъ рдяная заря. Таковъ былъ кумиръ премудраго изъ Скиптродержцевъ, котораго должно бы наречь отцемъ отечества, естьли бы пылкій его нравъ и Новгородское кровопролитіе не омрачили нѣсколькихъ лучей его безсмертія; чему однако же были раздражительную виною крамолы, развратъ, навѣты и ковы корысти алкавшихъ вельможъ.

Еще младенцемъ сущій, Іоаннъ уже былъ Царемъ, подъ надзираніемъ рождшей его и свирѣпыя обуреванія Литовскихъ, Крымскихъ и Казанскихъ тучь не могли исторгнуть кормила Царства изъ дѣтскихъ его рукъ. Тако младый кедръ возникаетъ на вершинѣ холма подъ кровомъ нѣжной маслины; но когда пріидетъ онъ въ силу крѣпости своея; когда нетлѣнные корни его глубоко внѣдрятся въ утробу земли; тогда онъ превознесется до звѣздныхъ круговъ, поддержитъ собою небесные своды, поругается надъ бурями, распространитъ свои великолѣпныя вѣтви надъ полями

и рѣками, будетъ покровителемъ покровительницы своея, и вопреки ревущимъ окрестъ него громамъ, вопреки шипящимъ и кругомъ его извивающимся молніямъ возмужалое древо холма гордо простоитъ цѣлые вѣки, благотворя стадамъ и пастырямъ тѣнію своею. А дотолѣ, пока возраститъ пушистой кедръ, колико стихійныхъ суровостей претерпитъ земля? Пока не возмужалъ доблественный Ирой сей, коликимъ бѣдамъ подвержена была Россія? Едва, едва сія великая праматерь народовъ въ вѣчную нощь не погрузилась! Въ ту злую для нея годину воспрянула злобою дышущая орда; ядоточивыя главы сей лютой гидры, доселѣ витязями Россійскими сокрушенныя, уврачевались и отросли; изъ стѣнъ Казанскихъ подъявъ свое мятежное чело, сія кровожаждущая змія зіяла напастьми на Москву; разверзя зубастую челюсть свою, пышущую огнемъ и пламенемъ, она опустошала Московскую Державу; повсюду слышны были вопли, повсюду пылали пожары и багровыя зарева рдѣли надъ градами. Коварная Сумбека, свергнувъ съ себя подданство, обмылась кровію Россіянъ; Казань, сей котелъ полный зла, снова воскипѣлъ войною, измѣною и мщеніемъ. Къ тому же Донъ, Днѣпръ, Двина и Волга рыдали въ рукахъ иноплеменничьихъ. Но паче сихъ внѣшнихъ сопостатовъ язвили сердце Россіи сопостаты внутренніе. Тогда подъ необычайнымъ женскимъ правленіемъ матери

Іоанновой, подъ сѣнїю вышней власти, распространялъ по всей странѣ гордыню свою и могущество сильнѣйшїй изъ вельможъ, страшный всѣмъ временщикъ, Князь Оболенскїй. Сей тяжкїй обществу сынъ слѣпаго щастїя, утѣснялъ добродѣтель, изгонялъ изъ царскаго жилища святую къ отечеству любовь, заключалъ въ темницахъ истину, презорствовалъ достоинствомъ и заслугами, и погублялъ даже единокровныхъ Царю. Отъ злочестїя вельможи сего возникали раздоры, подъиски, домогательства, смуты между Боярами и Царедворцами; подобно звѣрямъ хищнымъ, раздраженнымъ, стязующимся за добычу, они воставали другъ на друга, и братъ брату изрывая ровъ, тщились низверженїемъ одинъ другаго вознести свой рогъ. Оболенскїй посреди ихъ являлся какъ бѣдовѣстная комета, которая, распустя далеко по темному небу огненной хвостъ свой, приводитъ человѣчество въ оцѣпенѣнїе. Вострепеталъ, взволновался духъ гражданъ, отвсюду окруженъ будучи предательствомъ, насилїемъ, прещенїемъ и казньми. Оболенскїй, ополченный довѣренностїю Царицы, разилъ, губилъ противныхъ ему. Открылись скопища, заговоры, бунты. Безотрадная Россїя, родительница миллїоновъ чадъ, куда ни взглянетъ, нигдѣ не обрѣтаетъ вѣрныхъ сыновъ своихъ, признаетъ себя сирою, бездѣтною, и видя себя разграбленною растерзанною подлыми рабами соб-

ственнолюбія, ищущими токмо своего прибытка, крутилась, сътовала и не знала куда преклонить главу: пресшолъ, какъ многовѣсистое бремя, тяготилъ ея лоно; Бояра раздирали ея внутренюю; все стремилося къ общей гибели. Се горкіе плоды коварства, самочинства, лести и козней злыхъ временщиковъ! Коль бѣдственна та страна, гдѣ мужъ кровей, гдѣ бичь граждан держитъ сердце Царево въ своихъ хитросплетенныхъ сѣтяхъ! сей змій, вгаясь по скиптру, погубитъ наконецъ и самаго Владыку. О вы! Повелители народовъ! взирая на толь ужасный примѣръ, ограждайте престолы ваши вельможами избраннѣйшими, извѣстными въ отечествѣ по ихъ заслугамъ, здравому разсудку, добродѣтелямъ, коихъ благородной духъ не страшился бы предъ взоромъ вашимъ вѣщать правду и удерживать силу закона; но стрегитесь по прихоти своей возводить пигмеевъ на высокія степени, истинному достоинству принадлежащіе. Не самовластіе, а сила закона блюдетъ царства: добрые вельможи, — твердые столпы его; честные нравы ихъ, — оплотъ общаго блага; примѣръ ихъ имѣетъ такое же вліяніе на умы, какое воздухъ на растѣнія. Уже мѣра бѣдъ Россіи была полна, все готово было разрушиться и пасть, какъ Вседержитель неба и земли, безъ воли Коего и листъ съ древесъ не падетъ, пресѣкъ нещастные дни Царицы, и ввѣрилъ бразды правленія отроческимъ рукамъ Іоанна. Воскресла,

возстала Россія; благоустроитель Іоаннъ оттрясъ съ нее бѣды; страхъ и трепетъ проникъ въ кости враговъ ея; обомлѣли собственные злодѣи. Загремѣли громы строгаго Царскаго правосудія, обнажилися вины преступниковъ; заразительная гангрена была отдѣлена отъ здравыхъ частей Государственнаго тѣла. Погасли пожары утихли бунты, замолкли мятежи, изчезъ развратъ; патріотизмъ, истинна, добродѣтель въ лицахъ Адашева, Хилкова, Курбскаго, впервые явились при Дворѣ. Превосходящій Царевы лѣта разумъ озарилъ всю его страну; искушенная горестію опытность его изкоренила зло, насадила вездѣ порядокъ и пользу, и положила твердое основаніе единовладычеству его.

Огромный рубиновый столпъ, превосходящій величиною своею всѣ прочіе столпы, служилъ подножіемъ Іоанну; искусство едва достаточно было помѣстить на ономъ безчисленность славныхъ его дѣлъ. Руководствующая мною богиня вѣщала мнѣ, что сама она содѣйствовала сонму тѣхъ избранныхъ Геніевъ, которые трудились въ изсѣченіи столпа сего. Во первыхъ на немъ зримо было сооруженіе Свіяжска при водахъ, гдѣ Свіяга вливается въ Волгу. Іоаннъ повелѣлъ, — Воеводы его: Князи Бѣльской и Пал цкой, мгновенно то свершили; цѣлый градъ пренеся на стругахъ, они воздвигли его Россамъ въ оборону, Казанцамъ

во ужасъ. Симъ градомъ правилъ служащїй Московскому Царю Касимовской Царь Шихъ-Алей, и се отъ него первыя приношенїя Владыкѣ своему: покоренїе всей Черемиской страны обще съ страною Башкирскою въ вѣчное подданство; плѣненїе Крымскаго Царевича Уланъ Кочака; вотъ и гордая Сумбека, достойно наказанная за ея чародѣйскїе дары. Сїя злобная Сафгиреева вдовица, непокорная Казанская повелительница, сокрушена, уничижена, въ цѣпяхъ, съ поникшею главою, съ растрепанными власами, держа у персей милаго сына своего, послѣдуемая полчищемъ женъ и дѣвъ, идетъ посреди Россїйскихъ ратныхъ строевъ, идетъ въ Москву, въ позорной плѣнъ. Но сими казньми неукротимая, свирѣпая Ордынцевъ злоба, всегда лукавыми замыслами обильная, навлекала на себя вящшїе удары. За симъ представляется взору оная славная въ Исторїи златая палата, гдѣ Іоаннъ держалъ знаменитый свой совѣтъ въ соборѣ Князей и Вельможъ своихъ, правителей Господствъ и властей Россїйскихъ, съ коими совѣщевалъ онъ о рѣшительномъ избавленїи отечества отъ губительствъ Заволжскихъ и Нагайскихъ Ордъ. Безъ особаго чувства благоговѣнїя нельзя было смотрѣть на сїе важное соборище: казалось, что сюда стеклись всѣ Цари земли бесѣдовать о благосостоянїи рода человѣческаго. Дивной художникъ далъ каждому лицу и жизнь и душу. Смиренномудрїе и всѣ высокїя

добродѣтели сіяли въ чертахъ соприсутствующихъ тушъ Іерарховъ. Строгая истинна, ревнованіе къ общему благу, некоснодумная опытность, заступница рода человѣческаго святая вѣра, хранительница Царствъ осторожность, благотворительница странъ мудрость, непоколебимое мужество, рьяная, но разсудительная храбрость, предприимчивое усердіе, отважная рѣшимость, скромное многовѣдѣніе, словомъ, всѣ добродѣтели собрались на совѣтъ къ Іоанну, и во образѣ Князей, Бояръ и Воеводъ его, въ одеждахъ каждаго сану и подвигу приличныхъ, составили они *избранную думу*. Посреди ихъ на пребогатомъ тронѣ возвышался Монархъ, величественъ, благолѣпенъ, дивенъ, богоподобенъ; единою рукою опираясь на скипетръ, другую имѣя простертую къ многочестному сонму какъ рѣка изливался онъ въ приснопамятныхъ глаголахъ своихъ. Весь огнь пламенной души его, сердоболіемъ къ отечеству разженной, пылалъ въ быстрыхъ зѣницахъ его. Тутъ изочтены были всѣ злодѣйства Ордынскія, отъ самаго народогубителя Батыя, до лукавствія хитрой Сумбеки; тутъ воспомянуты были всѣ бѣдствія Россіи и мученическія страданія Владыкъ и сыновъ ея; тутъ придумано было всякое средство къ окончательному уничтоженію Болгарской силы, къ сокрушенію Капчатской власти. Искусство столь было чудесно въ своемъ произведеніи, что мнѣ мнилося слышать разительный

Іоанновъ гласъ, восклицанія его горести и негодованія, и сладость его убѣдительныхъ словесъ. Въ доказательство тому, какимъ свѣтомъ разума исполнена была рѣчь Владыки, Іоаннъ представленъ былъ издающѣ отъ себя сіяніе, подобно солнцу; равно и тѣ изъ великихъ мужей сословія сего, кои отличались паче прочихъ мудростію и любовію къ отечеству, изображены были въ лучахъ, какъ благовліятельныя созвѣздія. Духъ общаго блага въ лицѣ прелестнаго Генія съ лаврами и пальмами въ рукахъ, носился надъ главами тѣхъ присутствующихъ. Дерзновенное воображеніе, симъ зрѣлищемъ распаленное, мечтаетъ, что таковъ былъ оный страшный всему міру часъ, когда Богъ боговъ и Царь царей, объятый неприступнымъ свѣтомъ, сѣдяй во глубинѣ Своихъ Святая Святыхъ, посредѣ свѣтозарныхъ Престоловъ, Господствъ и Властей небесныхъ, судилъ духовъ отпадшихъ и нарекъ имъ безконечное проклятіе, всякой ужасъ превосходящее. Силы то нія содрогнулись отъ гласа грома Его, и пріосѣнясь крылами, пали къ стопамъ Неизреченнаго; звѣздные круги потряслись, вселенная едва удержалась на своемъ средоточіи, небеса разступились, и мятежные духи, сринутые мышцею Божіей ярости, погрузились на дно адово. Тако, тако и клятвопреступная Казань испила горькую чашу, постигнута бывъ гнѣвомъ Іоанна. — По томъ является очамъ великая картина паденія

Казани. Какое множество различныхъ предметовъ! какая смѣлая и неподражаемая рука изобразила здѣсь толико лицъ дѣйствующихъ и говорящихъ въ камнѣ! Я созерцаю здѣсь всѣ чудеса и знаменія, бывшія предъ разрушеніемъ Казани. Тутъ Ангелъ въ смиренномъ иноческомъ облаченіи ходитъ по чертогамъ умершаго Сафгирея, по стогнамъ и въ храмахъ Татарскихъ, проповѣдуя слово Божіе и скорое начало Христіянской вѣры. Тамъ ликъ пресвитеровъ съ пѣніемъ и священными обряды погружаетъ спасительный Крестъ въ Волжскія воды подъ стѣнами Казани. Симъ видѣніемъ изумленные Ордынцы, вотще пускаютъ въ нихъ стрѣлы и смертоносный свинецъ; безплотные духи невредимы; но чалмоносцы отчаянны, смятенны, бѣгутъ во ужасѣ сокрыться въ нѣдрахъ града. Здѣсь изученная волхвованію Сарацинская Кассандра, Царевна *Ковгоршада*, сестра Царя Махметъ Амина, подобно древней Пиѳіи, одержимая пророческимъ изступленіемъ, провѣщаетъ пришествіе Іоанново и вѣчное покореніе подъ власть его Татарскихъ племенъ. Далѣе чудеса паче всѣхъ чудесъ дивныя: предъ очами всего народа безсловесное животное раждаетъ человѣкообразнаго младенца, который, внезапно премѣняся въ мужа совершеннолѣтняго, ополченнаго ратнымъ всеоружіемъ, глаголетъ: да покорятся Ордынцы съ сердцемъ чистымъ Московскому Самодержцу! Здѣсь же извлекаются мрежи изъ пучинъ

Волжскихъ; вмѣсто рыбъ предстаетъ взору изумленнаго многолюдства маститой старецъ; висящая космами зеленая тина и комьями низпадающій вязкой илъ составляютъ его одежду. Онъ провѣщаетъ имъ неминуемое событіе: разрушеніе Казани; да припадутъ къ стопамъ Московскаго Царя, да умоляютъ его о преступленіяхъ своихъ. Закоснѣвшіе во злѣ Казанцы стремятся яти видѣніе, полагая въ немъ обрѣсти подученнаго Росса; но старецъ подобно чудному сыну Вымысла и Басни, подобно древнему Протею, вытекаетъ какъ вода изъ рукъ ихъ, и паки пріявъ тотъ же видъ, вержется въ свое влажное обиталище. Послѣ сихъ чудесъ изображено шествіе Царя силъ на сопротивныхъ его. По обширнымъ *остро-скимъ* полямъ разположены въ стройномъ чинѣ конные и пѣшіе его легіоны, цвѣтъ и плодъ Россіи: тутъ самъ вѣнценосный Герой въ сонмѣ своихъ избранныхъ Воеводъ, какъ огнь небесный блистаетъ посреди грозныхъ тучь. Его предусмотрительный, воительскій духъ распредѣляетъ все воинство на части. Слава повѣдала мнѣ имена храбрыхъ Вождей: то были отрасли старинныхъ Славенорсскихъ колѣнъ. Въ большомъ полчищѣ Начальники легеоновъ суть, Князи: Мстиславской, Микулинской и Оболенской; правой руки Сановники, Князи: Щенятевъ, Алашевъ и Курбской; въ передовомъ полку Князи: Пронской и Хилковъ; на

лѣвой рукѣ Князи: Шуйской, Бѣльской и Бояринъ Плещеевъ; въ Сторожевомъ полку Князи: Серебряной, Палецкой и Бояринъ Шереметевъ; въ Эртоулѣ Князи: Воротынской, Шемякинъ — Пронской, мудрый и храбрый богатырь Романовъ и Троекуровъ. Сіи яркія свѣтила Московской славы, красующіяся своимъ дородствомъ, коего величавость сугубила грозная броня и богатырскіе доспѣхи, являлися подобно неприступнымъ городамъ, подобно скаламъ несокрушимымъ. Дальновидность представляетъ твердыни Коломенскія и віющіяся рѣки, по волнамъ коихъ стремятся на всѣхъ вѣтрилахъ суда, гдѣ спятъ огнедышущіе драконы, и гдѣ молчатъ лютыя напасти, воздремавъ на стѣнобитныхъ и на прочихъ страшныхъ орудіяхъ брани: онѣ токмо дотолѣ затихли, пока не узрѣли еще гнѣзда Ордынскаго крылатаго змія, онаго плодовитаго пагубами гнѣзда, въ которомъ злыя зміиныя исчадія, всегда жаждущія свѣжей человѣческой крови, кишатъ, какъ влага въ сосудѣ раскаленномъ вратится, кипитъ, клубомъ бьетъ, клокочетъ, не стерпя жара вержется вонъ и причиняетъ мучительную язву всякому чувствомъ одаренному тѣлу.

Сіе зрѣлище похода Іоаннова пресѣкалося скорыми побѣдами Воеводъ его надъ Крымскимъ Ханомъ Девлетъ Гиреемъ, который, вспомоществуемъ бывъ Оттоманскимъ Деспотомъ, внезапно вторгнулся въ предѣлы

Россіи, облегъ вокругъ Тулы, и тѣмъ чаялъ отвлечь Московское ополченіе отъ устремленія на единоплеменницу его Казань; но благоустроительный Монархъ, коего недремлющая мудрость всегда была на стражѣ отечества, изрекъ: да сокрушится сопротивная сила! мгновенно быстрые вихри гнѣва его, его грозные Воеводы помчались на брега Оки, свѣяли, какъ прахъ, полки вражіи, и полная радости Ока съ плескомъ побѣжала возвѣстить о семъ Волгѣ, которая ревомъ спесивыхъ волнъ своихъ тоже повторила и всей странѣ Болгарской. Предвѣстница новыхъ торжествъ, побѣда сія, увеселила духъ Царевъ и умножила ретивость въ сердцахъ всѣхъ браноносцевъ его. Но вотъ и вождѣленная картина Росской славы, вотъ знаменитое *Арское* поприще, достопамятное Россіянъ поприще, гдѣ ликовалъ Іоаннъ торжество побѣдъ своихъ, гдѣ, подъ сѣнію насажденныхъ имъ нетлѣнныхъ лавровъ, воздвигъ онъ себѣ и всей Московской державѣ храмъ безсмертія. Крѣпкій градъ, Батыемъ на пагубу полночныхъ странъ сооруженный, носящій имя *златаго котла*, подъемлетъ гордыя глазы свои надъ волнами двухъ рѣкъ; основаніемъ ему служитъ гора, коея твердое чело, увѣнчано мечетями и башнями Царскихъ палатъ. Темные лѣса, обширныя озера: *Кабанъ*, *Поганово*; тинистая *Булакъ* и глубокіе рвы претятъ доступъ ко граду. Но какія преграды удобны воспятить мужеству

неутомимыхъ Россіянъ? Подобно облакамъ изъ за горъ, изъ за лѣсовъ въ тучу скопляющимся, полки Іоанновы грядутъ вездѣ, устроя себѣ переправы: одни по крутизнѣ горной возходятъ на Арское поле; другіе Царь Ших-Алей ведетъ на Нагайскія равнины; сила пѣшихъ стрѣльцовъ и конная рать бодрствуетъ по брегамъ рѣки Казани, простираяся отъ высотъ и до подошвы града; Дворянъ Муромскимъ воинство, расположась по лугамъ Черемискимъ, пресѣкло всѣ пути, ведущіе къ Казани; прочая ратная Московская сила разлеглась объ сію страну Волги; самъ же вѣнценосный Вождь съ своею избранною рындою и опричниками сталъ на мѣстѣ погористомъ: вотъ и величественное знамя его, освященное нерукотворнымъ обликомъ Спасителя человѣковъ; оно развѣвается надъ его лѣсовиднымъ шатромъ. Преизящное искусство, животворя каждый тутъ предметъ, ясно изобразило весь чинъ, какъ обложено было Христіанскимъ оружіемъ Ордынское гнѣздо. Тутъ же представлено и сооруженіе бѣдоноснаго для Казани раската, съ высотъ коего пробудившіеся драконы изрыгали изъ мѣдяныхъ челюстей своихъ огнь и смерть во градъ; а тутъ хитрой *Размыслъ* углубясь въ утробу земли, сокрывшись не токмо отъ бренныхъ человѣческихъ очей, но отъ пресвѣтлаго въ ра самихъ небесъ, созидаетъ онъ Казани адъ подъ ея оградами. Высокомѣрная Болгарка, твердо уповающая на укрѣпленія свои,

не мнить ни мало, что они обратятся на пагубу ей, и что спесивыя стѣны ея содѣлаются ея собственною гробницею. Всевышній, нечестіями ея раздраженный, изрекъ ея паденіе; а что Онъ изречетъ, то вихри не разнесутъ: словамъ устъ Его громы уступаютъ и внемлютъ бури; время прейдетъ, но они не прейдутъ; не прейдутъ и совершатся въ поученіе людямъ: ужасное позорище сіе свидѣтельствуетъ непреложное опредѣленіе судебъ Вышняго. Здѣсь страшное побоище, нещадная мечами сѣча; какая безчисленность жертвъ! Россіе Алкиды разятъ непокорныхъ Орлывцовъ, отрынувшихъ увѣщаніе и обѣты милосердія Іоаннова. Человѣколюбивый Владыка премѣнился въ грознаго Судію; загремѣлъ громомъ своея ярости, и пламенные вихри объяли Батыевъ градъ. Взорваннымъ подкопомъ растерзанная на части Казань взвилась подъ облака. Въ густомъ, жупельномъ дыму вращаяся зубчатые кровы башенъ ея, глыбы ея основанія, цѣлыя зданія, сады, древесъ полные, и сонмы ея сыновъ; развалинами града остановленная Волга обратилась вспять. Палаты Царей Болгарскихъ, откуда доселѣ исходили позорныя велѣнія Татарскихъ Тирановъ къ Князямъ Московскимъ, уже исполнены Россійскими Ироями. Тамъ, тамъ и самъ Іоаннъ съ наперсникомъ и сподвижникомъ своимъ Алімъ, свѣтолѣпенъ какъ полуденное солнце, тамъ являетъ онъ свою щедроту и благость къ побѣжден-

нымъ. Между тѣмъ какъ храбрые его воины сооружаютъ трофеи по Арскому полю, его доблественные Полководцы стекаются къ нему и сносятъ добычи побѣдъ: *Князь Курбскій* полагаетъ къ стопамъ его державный шаръ и скипетръ Болгарской власти; *Мстиславской* приводитъ полкъ сановныхъ плѣнниковъ; *Романовъ* приноситъ ему Повелителей Ордынскихъ знамя; *Пронской*, сокровищъ горы предъ нимъ насыпаетъ; *Микулинской* костры, или паче горы возгнетаетъ браннаго Татарскаго оружія; *Адашевъ* лавровую съ вѣнцемъ вѣтвь ему простираетъ; *Плещеевъ* ему представляетъ Россіянъ изъ давняго заточенія освобожденныхъ. До глубины сердца проникнутый Монархъ и благодареніемъ къ Подателю всѣхъ благъ, и болѣзнованіемъ о пострадавшихъ жертвахъ брани, и радостію о побѣдѣ, не могъ удержаться отъ слезъ: онѣ видны на ланитахъ его. Но кто сей отчаянный нещастливецъ, въ раздранномъ рубищѣ, имѣя пепломъ посыпанную главу, припадъ къ стопамъ Царевымъ, объемлетъ его колѣна? кого Побѣдитель съ умиленіемъ и нѣжностію подъемлетъ отъ праха и прижимаетъ къ персямъ? Уже ли во образѣ сего робкаго раба я зрю гордаго Царя Болгарскаго, высокомѣрнаго Эдигера? Въ лицѣ его является и вся съ нимъ купно падшая, до конца попранная, низложенная Златая Заволжская Орда; оная страшная вселенной Болгарская сила, которая мечемъ Батыевымъ,

копїемъ Мамая, сѣкирою Тактамыша, чаяла покорить себѣ весь свѣтъ. Но днесь днесь, О! премѣнная судьба! сама она возложила на себя тѣ цѣпи, коими отягчала другие народы. Тако сокрушена была столица Капчатскаго владычества, около трехъ вѣковъ неколебимо стоявшая на змѣеглавомъ своемъ основанїи, презорствуя прочими Царствами и попирая сильною пятою своею многия страны. Тако Іоаннъ паки присоединилъ къ Россїи отторгнутое отъ нея строптивыми Болгарами Славянское достоянїе, и оный бѣдствовавшїй нѣсколько сотъ лѣтъ край, во тьмѣ Магометанства закоснѣлый, озарилъ утѣшительнымъ свѣтомъ Христїанской вѣры. За симъ преславнымъ Казанцовъ покоренїемъ слѣдуетъ покоренїе и Царства Астраханскаго. Всегда бодрствующая премудрость Росскаго Самодержца извѣсила случаи временъ будущихъ разсудка на вѣсахъ, и провидѣла ясно, что отраститъ ехиднино жало, естьли не будетъ исторгнутъ весь онаго корень: то дабы вовсе не существовало въ лѣтописяхъ вѣковъ грядущихъ Болгарское по Волгѣ имя, Іоаннъ положилъ, не отлагая ни мало, дополнить мѣру побѣдъ своихъ, довершить славу Россїи, возвращенїемъ Тмутараканскаго Княжества, которымъ древле благословилъ великїй Владимїръ сына своего Мстислава; гдѣ болѣе двухъ сотъ лѣтъ владычествовало Князей Московскихъ племя, до Всеволода Долгорукаго, до злощастныхъ дней

Батыева нашествія. По немъ единонравные потомки, въ губительствѣ ему ревнующіе, основали въ семъ Княжествѣ особое Ордынское Царство, и сіе мечемъ отторженное отъ Россіи чадо вооружали на матерь его. Здѣсь я созерцаю тебя какъ вьявѣ, богатая плодами Астрахань; протягаясь по брегу широкія Волги, ты роскошествуешь въ сѣни виноградныхъ твоихъ вертограцовъ; кудрявыя древа вѣнчаютъ твои зданія; седмитый Каспій несетъ тебѣ въ даръ драгоцѣнные избытки Персіи и Индостана; но Волга, Волга несетъ къ тебѣ законъ и власть Московскаго Монарха, которому Царевичи твои служить честію вмѣняли, но кего прогнѣвалъ, раздражилъ вѣроломной властитель твой Эмургей. Здѣсь зримо прибытіе Царя Дербыша, съ перуномъ отъ Іоанна посланнаго на Астрахань; съ нимъ купно непобѣдимый Вождь полковъ Русскихъ Князь Пронской, а за нимъ и тысящи его храбрыхъ; здѣсь изображено и бѣгство робкаго Эмургея, и плѣненіе женъ его съ его чадами и домочадцами, коихъ ожидала щастливая участь въ стѣнахъ Кремлевскихъ. Россійскіе Ирои ликуютъ, зане вся Астраханская страна съ покорностію преклоняетъ чело свое подъ Державу Владыки ихъ, съ нею же купно и большая часть обитателей Кавказа: Нагайскіе Мурзы, Уланы и всѣ Улусы узкоглазыхъ Гунновъ, скотоводствомъ избыточествующихъ. Вотще напыщенный самонадежностію Оттоманской Деспотъ,

соедиия ополченїе свое съ Крымскими и Нагайскими Ордами, вотще усиливается онъ преплыть моря и прейти горы, чтобъ досягнуть до побѣжденной уже Астрахани и чтобъ паки отлучить ее отъ Россїи. Тщетны его многократныя покушенїя. Россїй Князь *Серебряный*, богатырствуя подъ стѣнами новопобѣжденнаго града, разитъ, женетъ и какъ прахъ разсѣваетъ толпы супостатовъ; а тамъ остатокъ ихъ гибнетъ по степямъ Кавказскимъ, и дикїя Маджарскїя пустыни содѣлываются гробомъ ихъ.

Восплещи, Россїя! и неумолкными устами прославляй въ роды родовъ твоего Избавителя. Іоаннъ подъялъ тебя изъ бездны золъ, возобновилъ, возвеличилъ и на вѣки съялъ съ тебя тяжкїя Ордынскїя узы: и тако на вѣки изчезло Капчатское царство; изсякъ до послѣдней уже капли оный золотой котелъ, губительствами доселѣ полный, откуда то позоръ, то смерть непрестанно вытекали на Сѣверъ. Всѣ оныя, восхищающїя духъ сына Россїи, изваянїя заключалися изображенїемъ свыше вдохновеннаго Мужа, брящающаго на лирѣ: неувядаемые лавры осѣняютъ чело его; пренаполненный свѣтодатнымъ Богомъ Пинда, онъ горитъ восторгомъ пѣснопѣнїя, и имѣя очи устремленныя горѣ, кажется, почерпаетъ въ небесахъ свои торжественныя пѣсни. Кто, кто въ немъ не познаетъ Тебя, достохвальный творецъ Россїяды? *Херасковъ!*

звуки Твоей доброгласной лиры раздадутся въ вѣкахъ позднѣйшаго потомства. Ты воспѣлъ Іоанна, воспѣлъ торжество Отечества твоего; Ты воспѣлъ съ ними — и твое безсмертіе. — Прими мое почтеніе Виргилій дней нашихъ! — Изображеніемъ Поэта оканчивалась сія страна столпа.

По другую страну онаго утѣшало взоръ обрѣтеніе Сибири. Сія пространная земля, родительница и питательница многихъ народовъ, различныхъ вѣрою, обычаями и языкомъ, изображена была во образѣ величественной Царицы, облеченной въ великолѣпную порфиру, среброосистыми бобрами опушенную. Богатырь Ермакъ, сіяющій ироискимъ своимъ изрядствомъ, представляетъ ее Іоанну. Преклонивъ колѣно Сибирь, съемлетъ съ прекрасной главы своей пребогатой *Кучумъ-Хановъ* вѣнецъ, и подаетъ оный Московскому Скиптродержцу. Смиреніе, покорность, упованіе, видны въ благородномъ ея взглядѣ. За нею знаменитыя ея чада: боги и богини шумноводныхъ ея рѣкъ: четыре услужливые сына ея, осокою увѣнчанные, мужественные старцы: *Амуръ*, *Тоболъ*, *Иртышъ* и *Енисей*; съ ними купно и двѣ ея пригожія дщери: *Обь* и *Лена*; онѣ представлены въ видѣ сановитыхъ женъ, въ полной красѣ лѣтъ сущихъ, коихъ зрѣлыя прелести обильны здравіемъ; онѣ подобны тѣмъ лѣповзрымъ матерямъ, которыя хотя и обогатили домы свои благодатными

залогами супружества, хотя уже и въ плодовитой осени лѣтъ своихъ, но все еще прекрасны, привлекательны, и даже пріятно видѣть ихъ носящими бремя любви подъ сердцемъ; ибо родятъ онѣ сынов добросильныхъ, цвѣтъ и красу рода человѣческаго. Сіи дородствомъ красивыя чада и дворислужители преизобильной Сибири, несли за нею Великому Царю въ даръ на большихъ блюдахъ, и въ кошницахъ злато, сребро, многоцѣнныя камни, дорогіе мѣха дивныхъ звѣрей, и кости рѣдкихъ рыбъ. Шаманы и Шаманки, въ чудообразномъ одѣяніи своемъ, съ бубнами и прочими утварьми ихъ, также Владѣльцы и Старѣйшины разныхъ Областей въ одеждахъ обычая своего, послѣдовали за нею. Огромнымъ трофеемъ, изъ брони Владыкъ Сибирскихъ составленнымъ, при водахъ Обширнаго Байкала возвышающимся, оканчивалось сіе неподражаемое изваяніе; цѣпь Рифейскихъ горъ, превыше облакъ подъемлющихъ льдистые верьхи свои, ограждаетъ горизонтъ. За симъ слѣдуетъ пораженіе Крымскихъ Татаръ и всего тьмочисленнаго, вспомогавшаго имъ Селимова воинства Тутъ на плодоносныхъ Крымскихъ поляхъ Вижу и Гаинновъ: Шереметевъ, Салтыковъ и Басмановъ, ликующую въ завоеваніе почти всего Крыма; несмѣтныя стяжанныя ими добычи; цѣлые табуны верблюдовъ и коней навьючены оными, и Отечество съ изумленіемъ пріемлетъ отъ нихъ дары сіи. А ты, отважный Ви-

шневицкїй, ты ставишь трофеи твои подъ самыми Очаковскими башнями и гордой Султанъ трепещетъ въ Стамбулѣ; страшась твоея мышцы, усталости невѣдущей; онъ не надѣется ни на крѣпость столицы своея, ни на силу своихъ Агарянъ.

Послѣ сихъ знаменитыхъ побѣдъ на востокѣ бывшихъ, пренесено торжество Россїйскаго оружїя въ полночный край. Ужасный мечь Іоанновъ блещетъ тамъ какъ яркая зарница; клятвонарушители Готеы трепещутъ онаго, какъ роковой косы, неизбѣжнаго, всепоражающаго времени.

Здѣсь Московской Громовержецъ сокрушаетъ Скандинавскую рать, подобно пламени, мгновенно потребляющему сухое былїе; бѣдная отчизна Финновъ содѣлывается рабынею Россїи; юноши и дѣвы Финскаго племени за нѣсколько лептъ продаются на сходбищахъ народныхъ. И се надменный Густавъ Ваза, се превознесенный славою Владыка кичливыхъ Свѣевъ, смиренъ будучи перунами Іоанна до уничиженїя, съ покорностїю проситъ о мирѣ, и едва, едва изкупаетъ его за драгоцѣнные дары на четыредесять лѣтъ.

Тутъ зримо вступленїе Іоанново въ Лифляндїю, гдѣ поплѣнилъ онъ всѣ города и замки, какъ траву въ полѣ скосилъ, и далъ ихъ во владѣнїе служивцу своему, Князю Голстинїи. А тамъ, а тамъ Ливонскїе рыцевожатые прїемлютъ достойную кару за лукавство,

непокорность и набѣги свои на Россію. Подвластный грозному Царю Іоанну Касимовской Царь Алей творитъ волю Повелителя своего, предводительствуя новымъ воинствомъ, изъ Черкесъ и Ордынцовъ составленнымъ, вступаетъ въ предѣлы Ливоніи и Эстоніи; по пространству ихъ собираетъ грады, какъ цвѣты въ долинѣ. Дерптъ, Нарва, Сыренецъ и еще болѣе двадесяти другихъ градовъ присоединяетъ мечемъ своимъ къ Іоаннову владычеству. Уже повелительница Царствъ Москва веселится, взирая на славнопобѣдное Аліево торжество; ей утѣшно видѣть шествіе отличныхъ плѣнниковъ: Полководецъ Фирштембергъ съ дружиною избранныхъ Рыцарей своихъ идетъ въ уныніи за колесницею побѣдителя; они всѣ обезоружены; имѣя гордое чело долу склоненное, лишь множатъ они великолѣпіе празднества Аліева; Аліа! вѣрнаго слуги Іоанна.

По томъ является картина просвѣщенія Россіи и торговли ея. Ко Іоанну, предстоящему подъ сѣнію двухъ древъ, лавроваго и пальмоваго, коихъ соединяющіяся вершины преплетаются вѣнцами, грядутъ держась за руки Науки и Художества, отъ Карла V, по его желанію, къ нему присланныя; тутъ же съ ними приходитъ въ Россію весьма полезное и просвѣщенію людей спосиѣшествующее искусство тисненія книгъ; оно хранитъ подъ мышцею первую отпечатанную въ Москвѣ книгу. Въ противулежащей странѣ видно вол-

чистое лоно Бѣлаго моря и Холмогорской брегъ съ новоустроенною Архангельскою гаванью. Въ сїе щастливое пристанище притекли первые отъ вѣка Британскїе корабли; съ нихъ сшедшїе Эдуардовы Послы несутъ къ Іоанну въ залогъ взаимнаго блага масличную вѣтвь и жезлъ сына Маїи. Послѣдней Посолъ идетъ къ нему съ дарами отъ преславной въ бытописяхъ мїра Елизаветы. Посреди сихъ обоихъ сонмовъ течетъ цвѣтами вѣнчанная добродѣтель, рѣдкимъ Властителямъ свойственная, имя ее: *терпимость вѣръ*; она держитъ развернутый свитокъ, на коемъ начертаны сїи слова: *Сый единъ, неразделимъ; Вселенная Его Храмъ, и всѣ языцы, чада Его.* Изобилїе во образѣ полнотѣлой красоты съ Амальѳеинымъ рогомъ, плодами нагнѣтеннымъ, срѣтаетъ началоположниковъ торговли, а награда въ лицѣ юной дѣвы въ амарантовомъ вѣнцѣ, жемчугами превитымъ, приглашаетъ Науки и Художества приближиться къ Царю.

За нѣмъ слѣдовало зрѣлище Кремлевской площади и красное крыльцо съ его золотыми перилами. Отсюда грозный Монархъ низволилъ изслѣдовательное око свое на обучающїяся, новосозидаемыя имъ, стройныя войска. Его сметливые Воеводы тутъ учреждали полки, вливали въ нихъ знанїе военнодѣйствїя. Тутъ подвизалися легїоны *опричниковъ, стрѣльцовъ и жильцовъ.* Ихъ броня, ихъ движенїе, ихъ извороты, все доказывало

замысловатый духъ Іоанна и его творческую затѣйливость; все свидѣтельствовало преобразованіе Россіи, которую едва вовсе не обезславили грубые Татарскіе нравы, купно съ плѣномъ ея внѣдряться въ ней наченшіе.

Но я не могъ взирать на послѣднее изваяніе. Въ доказательство тому, что необузданность страстей затмѣваетъ безсмертныя дѣла великихъ мужей, Слава повелѣла изобразить злощастіе Новаграда. Тамъ казни преумножаются казньми; тамъ кровь течетъ на кровь. Неутолимая Іоаннова ярость тамъ истощаетъ муки, нещадя ни сана, ни рода. Она превосходитъ вины нещастныхъ преступниковъ, и, естьли на западѣ была Варѳоломѣева ночь, то можно сказать что и на сѣверѣ былъ Іоанновъ день. Но Слава не дозволила мнѣ долго разсматривать сего, закрывъ все это кровопролитіе мантіею своею. Потомство, прости такое преткновеніе необыкновенному Монарху, прости сіе благотворителю отечества, неусыпному попечителю общаго и ради тебя уготовляемаго блага; представь себѣ случаи тѣхъ временъ, измѣну подданныхъ, и оправдай Іоанна. Виждь слова сіи на челѣ подножія его самою же Славою начертанныя златымъ ея перомъ: *Се Царь, Ирой, спаситель отъ бѣдъ и строгой отецъ Россіи! — Потомство! чти его, славословь и благоговѣй предъ нимъ.*

Подлѣ Іоанна являлась въ скромномъ величіи супру-

га его прекрасная Анастасія, добродѣтельная прабабка Великаго ПЕТРА. Узорчатою сканью украшено было ея подножіе, на коемъ во златѣ горѣли сіи слова: *не скорби Россія! Ею паки прозябнетъ пророческое древо Умилы.*

„Увы! коль болезненно сердцу моему, воскликну-„ла здѣсь со вздохомъ Богиня, — увы! коль тяжко мнѣ „переходить отъ торжества Россіи, къ лѣтамъ ея бѣд-„ствія, къ случаямъ ея позора, ко онымъ туманнымъ „ея днямъ, когда покрыта она была черною мглою „общія скорьби; когда по ея богатымъ обиталищамъ „*вмѣсто сноповъ слали головы, молотили цѣпами „булатными, на токѣ жизнь клали и вѣяли души „изъ тѣлъ. Тогда цѣлыя дружины сыновъ ея приодѣ-„ты были крылами птицъ и звѣри дубравные поли-„зали кровь ихъ. Худо быть тѣлу безъ главы; пагубно „быть народу безъ мудраго Царя* (*). Достохвальный „Іоаннъ вознесъ страну свою, сію Царицу Царствъ, „на высоту славы и величія; а нищій духомъ сынъ „его, слабый вѣнцепріемникъ великаго родителя, уро-„нилъ ее въ кровавую бездну крамолъ и уничиженія. „Мягкосердый Ѳеодоръ, слѣпотствующій рабъ и род-„ственникъ вельможи своего Годунова, былъ виною всѣхъ

(*) Сіе почерпнуто изъ ироической пѣсни въ древніе времена сложенной, на походъ Игоря Святославича, удѣльнаго Князя Новгородъ-Сѣверскаго, противъ Половцовъ.

„золъ, какія претерпѣла земля Русская. Вѣривъ бroз-
„ды правленія властолюбивому шурину, онъ попустилъ
„возрасти всѣмъ предстоящимъ напастямъ: страданію
„вѣрныхъ сыновъ отечества и удаленію въ Угличь бра-
„та своего Царевича Димитрія, котораго смерть роди-
„ла самозванцовъ и междуусобіе. Въ бездѣтномъ Ѳеодо-
„рѣ и кончиною Димитрія пресѣклося боговѣнчанное
„сѣмя Рурика, процвѣтавшее въ непрерывномъ порядкѣ,
„на Славяноросскомъ престолѣ, седмь сотъ тридесять
„шесть лѣтъ . . . . . . Но Ѳеодоръ ни о чемъ нера-
„чилъ. Предавшись праздности, онъ владычествовалъ
„надъ обширнымъ достояніемъ своимъ съ безпечнымъ
„удовольствіемъ; онъ взиралъ на все очами вельможъ
„своихъ и слышалъ все ихъ ухомъ; нерадѣлъ о народѣ,
„легковѣрностію своею отъялъ силу у закона и стонъ
„утесняемыхъ сильными не достигалъ до него, или
„заглушаемъ былъ сладкоречіемъ царедворцевъ, которые
„занимали его то соколиною охотою, то набожностію.
„Тихло свое обратилъ онъ себѣ въ укоризну, вѣнецъ
„въ общее бремя. Скипетръ и держава въ рукахъ безза-
„ботнаго и дремлющаго въ малодушіи своемъ Владыки то
„же самое что богатое вѣно, доставшееся развратной
„женѣ, которая имѣя всѣ способы къ удовлѣтворенію
„прихотей ея, не уважаетъ первенствомъ мужа, не пе-
„чется ни о дѣтяхъ, ни о благоустройствѣ дома, и ча-
„да ея, чада грѣха, стыдъ отца, сомнѣніемъ отъ нихъ

,,отженяемаго; поступки же ея, — посмѣянïе общее. ,,Тако былъ сирый Θеодоръ на престолѣ. Слабый ду-,,хомъ и тѣломъ Государь никогда о томъ не мы-,,слилъ, что ежели Богъ, раздраженный неправдою сни-,,детъ въ сердца людей и громомъ гласа народнаго ,,вступится за преогорченное человѣчество, за попран-,,ную истинну: тогда вельможи какъ неисцѣлимые чле-,,ны, отрѣшатся отъ цѣлаго состава и всю болѣзнь ,,страждущаго тѣла ощутитъ единая лишь глава, что ,,и свершилося со злорековымъ Царемъ Шуйскимъ. Дока-,,зательствомъ же безпечности Θеодоровой, служитъ ,,его собственное изреченïе, при послѣднемъ дыханïи ,,имъ произнесенное, когда предстоящïе у одра Сано-,,вники вопросили его: кому оставляетъ онъ Царство ,,свое? *что Богъ воленъ въ его Царствѣ*. Но провиде-,,нïе пощадило сего безотвѣтнаго виновника градущихъ ,,на Россïю бѣдъ, а устремило всѣ удары гнѣва своего, ,,на честолюбиваго преемника его, коего былъ онъ тoк-,,мо орудïемъ. И се кумиръ онаго хитро-умнаго Году-,,нова, который соединялъ въ себѣ немалыя беззаконïя, ,,съ вящшими добродѣтельми; который явилъ въ себѣ ,,и нечестиваго злодѣя и великаго мужа; который досто-,,инъ былъ и наказанïя небесъ и вѣнцовъ безсмертïя.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Сперьва незнатный изъ дворянъ Рында, потомъ зять всеначальника опричныхъ, любимаго Іоанномъ вельможи, *Малюты Скуратова*, съ симъ купно бояринъ, вскорѣ за тѣмъ шуринъ Царя Ѳеодора и наконецъ самъ Царь, избранный общимъ гласомъ народа. Озаренный вѣнцемъ Мономаха, съ священными бармами на плещахъ, имѣя искрометный скиптръ въ десницѣ и державу въ лѣвой длани, въ блистательномъ *становомъ кафтанѣ* (*) возсѣдалъ онъ на златокованныхъ креслахъ, драгоцѣннѣйшими, крупными каменьями, какъ цвѣтами усыпанныхъ, которые знаменитый побѣдитель востока, Шахъ Аббасъ, мудрый Повелитель Персіи, прислалъ ему въ даръ. Мужественною лѣпотою украшенное лице его было зерцаломъ великаго его духа, хитрой прозорливости, глубокомыслія, честолюбія и нѣкоей угрюмой подозрительности, которая разливала какую то пасмурность на всѣ его черты и представляла его нѣсколько ужаснымъ; но при всемъ томъ, необыкновенное простолюдину величіе торжествовало во всей его осанкѣ. Нѣчто предворяло о немъ, что

(*) Такъ называлося старинное Царское платье, въ которомъ Цари короновалися, и которое понынѣ находится въ оруженной палатѣ.

онъ Царь, и будто призванъ въ міръ сей быть имъ. На подножіи кумира его изображена была внутренность Кремля, по среди коей воздымался до небесъ огромный колосъ, *Иванъ Великій*, во славу Годунову сооруженный. На адамантовомъ челѣ подножія сего высечена таковая надпись: *меня чтилъ Михаилъ и внукъ его, несравненный ПЕТРЪ, ревнуя мнѣ дивился.*

Зря въ Храмѣ Славы памятникъ коварнаго Бориса, изкустно похитившаго престолъ Монарховъ Русскихъ, я недоумѣвалъ. Мнѣ пришли на память его пронырство, гоненіе рода Романовыхъ, того рода которой самъ Богъ хранилъ въ залогъ щастія Россіи; погубленіе Князей Шуйскихъ, Князей Нагихъ и убійство невиннаго Димитрія. Вообразивъ всѣ его злодѣянія я затрепеталъ и готовъ былъ вознегодовать на Славу, какъ Богиня предварила меня своимъ гордымъ, много выразительнымъ взоромъ и съ улыбкою упрека помававъ главою вѣщала мнѣ: „ Оставимъ Судьѣ Вышнему „судить его злодѣянія; на нихъ лежитъ печать тай„ны; но возхвалимъ въ немъ Царя и многія благи оте„честву имъ дарованныя.„

„Конечно. конечно его домогательство Царскаго „достоинства, его разумъ и властолюбіе даютъ ему „имя Кромвеля, но его правосудіе и щедрота къ наро„ду достойны общаго уваженія и привлекаютъ къ не„му пыпло отца подданныхъ. Онъ поклялся быть

„человѣколюбивымъ и тщился изполнить обѣтъ свой;
„онъ облегчилъ бремя податей. Во дни его не проли-
„валась кровь человѣческая на лобныхъ мѣстахъ; не-
„угрожая сѣкирою онъ умѣлъ поддерживать силу зако-
„на; и гражданинъ Россіи не страшась казни, боялся
„токмо суда правды. Имѣя свойства Великаго Госу-
„даря, онъ старался ввести въ отечество просвѣ-
„щеніе и посылалъ боярскихъ дѣтей учиться въ чу-
„жія земли, откуда призывалъ къ себѣ въ Москву
„мужей многовѣдущихъ. Онъ пекся о разпростране-
„нии торговли и утвердилъ Россійскую державу въ Си-
„бири. Онъ истребилъ цѣлое воинство Русскаго *Кати-
„лины*, ужаснаго *Хлопка*, злодѣя отчаяннаго, которой
„угрожалъ Московской державѣ вѣчною гибелью. Безъ
„слезъ благодарности нельзя возпомянуть какъ Царь
„Борисъ питалъ народъ въ продолженіе двухъ лѣтъ
„свирѣпствовавшаго глада, како врачевалъ его въ пла-
„чевные дни моровой язвы, опустошавшей всѣ вéси. Во
„время сего лютаго, народо-истребительнаго злоща-
„стія, коимъ Богъ посѣтилъ Московское Царство, онъ
„не жалѣлъ своихъ сокровищъ и полною рукою расто-
„чалъ ихъ для спасенія людей. Годуновъ безъ крово-
„пролитія подъялъ Славяноросскую страну до такаго
„степени уваженія у знаменитѣйшихъ державъ свѣта,
„что заключалъ съ ними выгоднѣйшіе союзы и порфиро-
„родный братъ Короля Датскаго за честь вмѣнялъ

„быть супругомъ благовоспитанной Ксеніи, дщери
„Годунова, который возрощалъ и сына своего и дщерь
„такъ, чтобы тотъ могъ быти доблественнымъ Ца-
„ремъ Царствъ, а сія, примѣромъ добродѣтели въ до-
„му Владыкъ, Повелителей народовъ. Монархъ Борисъ
„былъ покровителемъ Королевичей, строилъ грады,
„и единымъ лишь хитрымъ умомъ своимъ, безъ оружія,
„уничтожалъ силу опасныхъ враговъ Россіи, Нагайскихъ
„Ордъ. Послы Польскіе, Датскіе, Шведскіе, послы
„Елизаветы Королевы Англинской, славныхъ городовъ
„Ганзейскихъ, гордаго Папы, Имперскіе и Абасса, Ша-
„ха Персидскаго, благоговели предъ трономъ дѣятель-
„наго, прозорливаго Годунова. Кто бы не возплескалъ
„торжеству его, когда явился онъ въ Серпуховѣ предъ
„лицемъ двухъ сотъ тысячнаго воинства, усердіемъ
„дворянъ, любовію всего Государства для него собран-
„наго въ нѣсколько недѣль, и представленнаго ему во
„всемъ поразительномъ блескѣ тогдашней, пышной
„воинской роскоши; и когда, посреди сего необъятнаго
„очами стана трепѣтали предъ нимъ Кази Гиреевы
„Мурзы, притекшіе просить отъ него мира? Годуновъ,
„доказалъ что можетъ чудесная сила природныхъ даро-
„ваній; изъ незнатнаго оруженосца открылъ въ себѣ
„отечеству мудраго, а всему свѣту страшнаго Царя.
„На послѣдокъ сей Великій Годуновъ, срѣшивъ утро
„владычествованія своего подъ свѣтозарнымъ, кончилъ

„вечеръ онаго во мракѣ лютѣйшихъ золъ и горшей „печали. Изъ сего кто не уразумѣетъ, что есть на „небесахъ Судія ведущей преступниковъ къ достой„ной имъ казни, путями, самимъ себѣ уготованными. „Онъ возкресилъ имя убіеннаго для пораженія убійцы (*) „Самозванецъ, Лжедимитрій, бичь Россіи, достигнулъ „престола и не токмо обагрилъ его кровію семейства „Годунова, но даже обругалъ храмы святой вѣры..... „Но прейдемъ, прейдемъ оную страшную годину, ког„да *веселіе пониклo, а тоска обуяла умы; когда сы„рая земля костьми была посѣяна и кровію поли„та; когда по всей Руссіи возрасла бѣда. Въ тѣ „времена завяла трава отъ горя, посохли древа отъ „печали.* (**) Не возпомянемъ о тѣхъ ужасахъ, о коихъ и „единая мысль возмущаетъ блаженство моего безсмер„тія. Пусть кто хощетъ зритъ ихъ въ дѣеписяхъ; „тамъ въ поученіе боярамъ, въ поученіе всему народу „означены они кровію и слезами; пусть тамъ всякъ „видитъ отъ чего настаютъ времена тяжкія. Прей„демъ злощастное Царствованіе Шуйскаго, страданія

(*) Повѣствуемое здѣсь *Славою* о Годуновѣ почерпнуто изъ 5 й части вѣстника Европы. Хвала и благодареніе тому, кто далъ потомству толь полное и лутчее свѣденіе о Великомъ мужѣ, котораго почти всѣ наши историки описывали лютѣйшимъ злодѣемъ. Льв.

(**) И сіе также взято изъ пѣсни князю Игорю.

„Филаретовы, разныя явленіи неистовыхъ самозван-
„цовъ, бѣдствіе Новгородское подъ игомъ вѣроломнаго
„де ла Гардіе, коварно возставшаго на Россію, желая
„возпользоваться ея смутнымъ временемъ. Прейдемъ,
„раздирающія сердце, напасти Московскія: звѣрство
„Поляковъ, козни Желковскаго, насиліе Сигисмундово и
„измѣну собственныхъ сыновъ Россіи, отъ коихъ разли-
„лась скорбь по всей Славянской землѣ и возстенала
„Москва. Да будутъ они во вѣки прокляты и сія
„вѣчная клятва да отяготѣетъ на главѣ всякаго того
„изъ отпадшихъ чадъ твоихъ, о Россія! которой возлю-
„битъ какую либо страну паче тебя; сему врагу тво-
„ему, врагу ревностныхъ сыновъ твоихъ да будетъ
„чуждо все то, что ни есть въ тебѣ изящнаго; да не
„приобщится онъ никогда ни славы, ни радости тво-
„ея; и оный постыдный отечеству сынъ, противный
„обществу братъ да погибнетъ, яко древо въ иную
„землю пресажденное, лишившееся тѣхъ животворныхъ
„соковъ, коими питалось оно на мѣстѣ своего прозябе-
„нія . . . . . Прейдемъ всѣ дни плача и стона Россіи,
„а обратимся къ спасителямъ отечества.„

Съ симъ словомъ владычица вѣковъ указала мнѣ на два памятника, находящіеся въ чрезвычайномъ промѣжуткѣ, которой отдѣлялъ Эпоху царствованія Годунова, отъ щастливой Эпохи царствованія рода Романовыхъ. Два кумира сіи, дивной художества красоты,

стояли на равной чредѣ съ Царями, хотя не видно было на нихъ никакого убранства вѣнценосцамъ приличнаго. *Слава* приближась къ нимъ и въ знакъ почтенія преклонивъ предъ ними Божественную главу свою рекла: „ Симъ безсмертнымъ мужамъ подобаетъ быть купно съ скипетродержцами, занѐ доблестію и подвигами своими они достопочестнѣе многихъ изъ нихъ. Имъ Россіяне обязаны всею славою бытія своего. Се Мининъ и Пожарской. Естьли бы не было ихъ, то не было бы Петра, а можетъ быть лице земли и совсемъ не было бы украшено имянемъ Россіи; но они изкупили ее жизнію своею. Се истые Славяне; се сущіе Ирои, олтарей достойные.

МИНИНЪ.

Въ первомъ Кумирѣ зримъ былъ знаменитый Козьма Мининъ, который, пламенѣя любовію къ отечеству, чтобъ спасти оное отъ угрожающій гибели, не токмо отдалъ злато и сребро свое на потребы народа, но готовъ былъ отдать и послѣднею каплю крови своея. Онъ возвышался въ томъ самомъ видѣ, какъ былъ посреди сонмовъ Нижегородскихъ гражданъ, когда предлагалъ имъ собрать все имущество ихъ, чтобы токмо скопить казну подъема ради войскъ во спасеніе Русскаго Царства. Зракъ его одушевленъ былъ тою рьяно-

стію, коею подвизалъ онъ духъ народа, изражая бѣды общія. Десная его лежала на персяхъ у сердца, а шуйца простерта была въ пылу глаголанія; туча скорби висѣла на броняхъ его, изъ подъ которыхъ блисталъ яркой огнь великой его души и драгоцѣнныя слезы патріотическаго сердоболія, струясь по ланитамъ, орошали окладистую его браду. Уста его были глаголющи; кажется еще летятъ изъ нихъ сіи, воспламѣняющіе духъ сыновъ Россіи, слова: *заложимъ женъ и дѣтей и выкупимъ изъ общія бѣды отечество.* Груды сребра и злата, домашнихъ дорогихъ утварей, жемчуга, мониста и прочихъ богатыхъ женскихъ украшеній, купно съ лептами вдовицъ, съ вретищемъ сиротъ и самой нищеты; — груды имуществъ, снесенныхъ къ нему Нижегородцами отъ всякаго состоянія пола и возраста, накоплены были у стопъ его. Гражданскими вѣнцами и образомъ солнца украшено было его подножіе.

ПОЖАРСКОЙ.

Здѣсь возносилъ безсмертное чело свое, стоя на златомъ подножіи, избавитель Москвы, оный доблественный Пожарской коего мужественная десница отразила губительство Литвы и коварство Шведовъ. Что въ Римѣ были Эмиліи, Камиллы, Цинцинаты и Сципіоны, то все въ единомъ зрѣла Россія. Преизящное художе-

ство изобразило сего любомудраго благотворителя отечества въ видѣ Ироя, отражающаго удары. Десница его вооружена была мечемъ, а въ шуйцѣ держалъ щитъ, подъ которымъ Москва, въ лицѣ жены прекрасной, но отчаянной, съ разпущенными власами, съ открытою грудью, еще носящею язвы, Поляками, Шведами, Ордынцами и Запорожцами ей нанесенныя, укрывалась, прижавшись къ колѣну Защитника своего; имѣя руки сложенныя на персяхъ, она возводила умоляющее на Заступника око.

Хитрый резецъ ваятеля представилъ на негиблемомъ подножїи его вѣчнопамятные его подвиги; тутъ изъяснено, какъ сей Князь сїяющїй преизбыточествомъ добродѣтелей своихъ, возлежа на одрѣ подъ тяжкимъ игомъ болѣзни, и врачуясь отъ ранъ, Поляками и Зарайскими мятежниками ему причиненныхъ, прїемлетъ посольство вѣрныхъ сыновъ Россїи, пришекшее просить его, да вступится за отечество и вѣру, да грядетъ предводительствовать воинствомъ спасенїя ради Московскаго царства отъ злодѣевъ. Здѣсь зрится, какъ оный въ вѣчности блистающїй Князь, презрѣвый болѣзнь и раны, и непрекословно прїявъ возлагаемый на него подвигъ, собираетъ полки, вливаетъ въ нихъ свой Иройскїй духъ, и течетъ къ стѣнамъ Москвы, гдѣ уже Поляки разпространяли свое мучительное владычество. Тамъ виденъ славный бой его съ супостатами, драгоцѣнная Россамъ побѣда его надъ дерзновеннымъ Хоткеви-

чемъ и освобожденіе отъ плѣна Польскаго Бояръ Московскихъ. Но взоръ и сердце зрителя поражаются здѣсь самымъ изящнымъ и паче всего доброхвальнымъ поступкомъ Князя защитника, заградившаго путь сыну Сигисмундову къ Россійскому Престолу! Въ металлѣ изъяснено то, какъ въ явѣ, когда спасенное отъ бѣдъ отечество поднесло *Пожарскому* вѣнецъ и державу, и предало ему на произволъ собственныхъ ненавистниковъ его, посягавшихъ на преславную его жизнь. Я созерцаю здѣсь, какъ благочестивый Мужъ сей милосердо простилъ враговъ своихъ, смиренномудро отрекся отъ престола и избралъ на царство добродѣтельнѣйшаго Романова, священную отрасль сѣмени Рюрика: и за тебя, дивный изъ Царей Царь, Великій ПЕТРЪ, Россія *Пожарскому* обязана! О безсмертный Славянинъ, коему въ дѣеписяхъ нѣтъ равнаго! ты превзошелъ примѣромъ своимъ все то, что ни есть на земли превозносимаго. Къ сугубому изумленію всѣхъ вѣковъ, ты отрекся Царскаго величія, почестей, славы, богатства; ты сокрылся въ мирную сѣнь кроткаго жилища своего; ты уклонился въ безмолвное уединеніе твое, чтобъ тамъ успокоиться отъ побѣдоносныхъ трудовъ своихъ; вмѣсто трона оставилъ ты себѣ простое ложе; вмѣсто велелѣпнаго двораслуженія и сіянія порфиры взялъ себѣ въ удѣлъ горькіе плоды брани: раны и болѣзни; но ты пребудешь въ роды родовъ кумиромъ сердецъ! до конца міра благодарить и славословить тебѣ не престанутъ

сыны твоего отечества. Удивленное тобою потомство во всѣ времена приносить будетъ памяти твоей въ даръ свѣжїе лавры. Хотя и закатилось ты, свѣтило славы Московской, чтобъ уступить мѣсто свѣтиламъ новымъ; но яркая заря бытїя твоего до днесь пламенѣетъ, да и дотолѣ пламенѣть будетъ немерцаемымъ свѣтомъ, пока настанетъ заря превѣчнаго утра.

ЛЬВОВЪ *Почелской.*

По ту страну гдѣ возвышались кумиры Минина и Пожарскаго была *прекрасная, мозаическая картина*, превосходствомъ художества и важностїю изображенїя влекущая къ себѣ любовѣданїе съ изумленїемъ. На картинѣ той представленъ мужъ, въ совершенствѣ лѣтъ, но онъ кажется изнемогшимъ и едва дышущимъ. Русые власы его, кровїю обтренные, присохли къ израненной главѣ. *Раздранное вретище прикрываетъ наготу его*; сквозь *разпадающееся* рубище сїе видны язвы на персяхъ *Ироя, и естьли тако можно изъясниться, то,* лутче сказать, что запекшаяся и струящаяся по тѣлу кровь его *составляетъ* его *одежду*, къ *тому же*, еще онъ отягченъ оковами; предъ нимъ кусокъ позеленелаго хлѣба и *полусокрушенный* скудель съ водою; ужасы темничнаго мрака окружаютъ его. Какъ ни былъ удрученъ страдалецъ сей ранами, болѣзнїю и оковами, но какое то неколебимое духа благородство одушевляло правильныя черты его почтеннаго зрака; огнь добле-

сти блисталъ во взорахъ его; важна была его осанка. Въ нѣкоторомъ отъ него разстоянїи насыпаны были груды сокровищъ, покрытыхъ парчевыми одеждами со златыми гривнами; тутъ же поставленъ былъ и длинной столъ, избраннѣйшими снѣдьми и питїемъ преизобилующей: искуство живо изобразило носящейся надъ чашами и блюдами приманчивой паръ, такъ, что мнился оный быть обоняемъ и возбуждалъ вкусъ. Тучное довольство, облаченное въ богатыя ризы, во образѣ напыщеннаго Сармата приглашало къ себѣ, по всему видно, томящагося гладомъ и жаждою Витязя сего; указуя ему трапезу, оно осклаблялося изчисляя лакомыя яствы. Но Ирой съ презорствомъ отвращалъ строгое лице свое отъ соблазнителнаго сластолюбїя и отъ всѣхъ, разсыпанныхъ предъ нимъ благъ мїра сего; имѣя устремленныя горѣ очи, кажется, созерцавалъ онъ сокровища небесныя, читалъ жребїй свой въ царствѣ Бога свѣта и весь былъ полонъ упованїемъ на Господа силъ, подателя истинныхъ благъ душевныхъ. Благодать Вышняго въ видѣ пресвѣтлаго Ангела осѣняла мужа сего мироносными крылами Своими, какъ между тѣмъ истинна сѣдя близь него писала на большей скрыжали таковое о немъ повѣствованїе; златыя буквы стекали съ ея нетлѣннаго пера.

„Сей, понесъ многiя, ради отечества, службы. „Онъ памятуя Бога, будучи при Царѣ Василѣ на „Москвѣ въ осадѣ, въ нужное и прискорбное время

„стоялъ крѣпко за вѣру христїянскую и за святыя „Божія церкви и за Царской домъ и за всю Русскую „землю; онъ крѣпко стоялъ противъ враговъ Россіи: „Польскихъ и Литовскихъ людей и Руских татей, „которые до конца хотѣли раззорить Государство „Московское и вѣру христїянскую попрать; а онъ „былъ мужественъ и многое дородство, храбрость и „пролитїе крови своея въ службѣ показалъ; голодъ, „наготу, во всемъ оскуденїе и всякую осадную нужду „терпѣлъ долгое время, а на злодейскую прелесть и „смуту ни на которую не покусилъ, стоялъ крѣпко „и не поколебимо, безо всякія шатости и отъ той его „великія, осадныя службы и терпѣнія, Польскїе и Ли„товскїе люди и Рускіе тати отъ Москвы отошли (*).„

„Се предокъ твой, — рѣкла мнѣ Слава, — се „достопочестный Почепецъ Василій Львовъ, который „отвергъ богатство купно съ почестьми, ему отъ По„ляковъ предложенные и рѣшился лутче испить горкую „чашу скорбей, болѣзни, нежели нарушить присягу, „долгъ честнаго Гражданина; превозмогая въ себѣ человѣ„ческую природу, онъ боролся съ гладомъ и жаждою, „токмо чтобъ спасти отечество; ему легче было „умереть, нежели измѣнить. Все являетъ въ немъ вели-

---

(*) Все сїе извлечено точными словами изъ грамоты, пожалованной Царемъ Михайломъ Ѳеодоровичемъ въ 7134 году, Іюня въ 4 день, (т. е. 1626 года) на помѣстья въ роды, Василью Прокофьевичу Львову Почепскому.

,,чїе его духа и богатырское изрядство. Тако Царь ,,пернатыхъ ширяется подъ черными слоями тучъ, ,,когда буря свирѣпствуетъ; онъ не страшится ревуща- ,,го окрестъ него грома, плавно рѣетъ посреди вїю- ,,щихся молнїй и гордымъ окомъ взираетъ на громовую ,,стрѣлу, мимо его летящую. — Виждь подвигъ пред- ,,ка и научайся. — Примѣръ великаго мужа живѣе дѣй- ,,ствуетъ на сердца, нежели сила самыхъ строгихъ ,,уставовъ.,, Писанїе истинны и глаголъ Славы проникли до глубины сердца моего, меня объялъ нѣкїй ужасъ, подобной тому, которой испытуемъ мы приступая къ какому либо боговидному предмѣту. Всѣ мышцы во мнѣ затрепетали; устремя неподвижныя очи на священный для меня образъ праотца, я млѣлъ въ во- сторгѣ и не чувствовалъ какъ слезы катились по лицу моему; душа моя со всѣми ея ощущенїями стреми- лась къ сему драгоцѣннѣйшему изображенїю; вся кровь взволновалась во мнѣ и только что не брызнула изъ жилъ, чтобъ пролиться предъ нимъ. Неизъяснимая си- ла непреоборимаго влеченїя притягала меня къ чудес- ной картинѣ! Ноги мои сами собою подогнулись, я упалъ на колѣни и въ радости лобызалъ прародитель- скїя руки. — Да благословится во вѣки память твоя, вели- кїй мужъ! щитъ отечества, честь и слава рода своего!... Озаряй лучами доблести все твое потомство, возпламе- няй духъ его подражать тебѣ, веди внуковъ твоихъ къ дѣ- ламъ безсмертнымъ; да будутъ они тебѣ подобны..

Возрадуйся и возплещи Россія мужеству сыновъ твоихъ! Исполинское богатырство ихъ покорило тебѣ цѣлыя царства и моря. Ликуй Великая Матерь добропобѣдныхъ чадъ! будучи возпитаны славою, подъ лаврами отцевъ своихъ, въ строгихъ правилахъ благочестія, во всѣ времена и вѣки они достойны вѣнцовъ безсмертія; ибо изрядствомъ сердца и богатыми дарами великаго духа превозходятъ всѣ прочіе народы подсолнечной. — Вселенная! — *Славянороссы подъ звукомъ трубъ повиты, на щитахъ возлелѣены, подъ шлемами взвощены, концемъ копья вскормлены.* — Какая сила противу стоять можетъ ихъ храбрости? Самые лучшіе трофеи, какіе токмо справедливость и патріотизмъ сооружали въ честь истинному Геройству отъ начала міра и до днесь, большею частію, Россамъ принадлежатъ.

ПАМЯТНИКИ
РОССІЙСКИХЪ
ИРОЕВЪ,

Осмагонадесять вѣка.

Изъ Второй книги Храма Славы.

Соч. Пав. Львова.

КНЯЗЬ Я. Ѳ. ДОЛГОРУКОЙ.

КНЯЗЬ ИТАЛІЙСКОЙ, ГРАФЪ СУВОРОВЪ, РЫМНИКСКОЙ.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ, ЗАДУНАЙСКОЙ.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ, ТАВРИЧЕСКОЙ.

ЛОМОНОСОВЪ.

Памятники Князя Долгорукаго и Графа Суворова напечатаны были, вмѣстѣ съ памятникомъ Князя Пожарскаго въ XI части *Иппокрены* (Московскаго изданія), въ 1801 году, а прочіе въ *Новостяхъ Русской Литтературы* (Московскаго же изданія), въ III части, 1802 году.

ДОЛГОРУКОЙ.

Здѣсь въ Кумирѣ только что не дышалъ Россїйской Катонъ, тотъ непоколебимый ревнитель истинны, которой не устрашился отъ ПЕТРА (сыновнею смертїю пре-огорченнаго) потребовать Царя. То былъ истый Бояринъ, о благѣ общемъ болѣвшій (*); то былъ древле-родный Славянороссскій Князь, и доднесь сїяющїй пресвѣтлыми добродѣтелями своими; то былъ оный искусный Витязь приобрѣтатель градовъ, достойный подражанїя *Доргоруской*, котораго великую душу, любовїю къ отечеству богатую, никакая прелесть мїра сего плѣнить не могла. Бывъ строгимъ владыкою самого себя, онъ токмо стремился туда, куда призывали его долгъ и правда. Онъ весь принадлежалъ Царю, истиннѣ и отечеству. Его польза была — польза общая; его забавы — дѣла Государственныя; его радость — щастїе соотчичей своихъ. Сей некоснодумный Вельможа и гражданинъ непреткновенный возвышался съ твердостїю Аристида, храня грозный видъ, и держа въ единой рукѣ мечь обоюду острый, символъ никогда нелживыхъ устенъ его; а въ другой — раздранную хартїю. Въ таковой-то важной сановитости зрѣлъ его Петропольскїй Сенатъ посреди

(*) Или истинными заслугами болїй изъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ.

воина своего, когда давалъ онъ мудрый отвѣтъ Великому изъ Монарховъ. Неустрашимость, правда и сила патріотическаго духа ясно зримы были на величавомъ челѣ его, и въ очахъ, какъ въ чистомъ зерцалѣ. Главу его осѣнялъ лавровѣнченный шлемъ. Важная Славянская одежда покрывала его осанистое тѣло; онъ предстоялъ облокотясь на полу-столпъ, украшенный вѣсами Ѳемиды, купно съ дубовыми, лавровыми и градскими вѣнцами, и плющемъ съ оливными вѣтвями увитый.

СУВОРОВЪ.

А сей Кумиръ, красоты неизреченной, былъ лишь только сооруженъ, и издавалъ яркое сіяніе драгоцѣннаго металла. Жесткая длань времени еще не успѣла къ нему коснуться, и чудный художникъ, мнится, что лишь только отъялъ отъ него ваяло свое. Подножіемъ Кумиру сему служила огромная гора, на коей блистали вѣчноясныя слова сіи: *Ему принадлежатъ вѣки.* По сей торжественной надписи кто не познаетъ онаго дивнаго Побѣдителя царствъ, онаго безсмертнаго *Суворова*, коему возревновалъ бы самъ Кесарь, естьли бы жилъ во дни его, и къ его образомъ Римъ украсилъ бы свою Капитолію, предпочтя его Фарсальскому Побѣдителю? Сей Россiйскій Иракл возвышался, какъ сынъ Алькмены, отвсюду окруженъ будучи Ирой-

скимъ величіемъ. Сама предводительствующая мною богиня молвы и всѣхъ чрезвычайныхъ происшествій въ мірѣ, сама она не могла взирать на него безъ удивленія. Сей приснопамятный Ирой, достигшій на высоту всѣхъ честей свѣта, казался еще повелѣвающъ полками храбрыхъ Россіянъ, имѣя военачальническій жезлъ въ десницѣ. Двуглавый орелъ, грозный спутникъ его побѣдъ, представленный на шлемѣ его готовымъ къ паренію, осѣнялъ распростертыми крылами многодумную и глубокомысленную его главу. Геній отечества, въ видѣ лучезарнаго юноши, подносилъ *Суворову* перуны купно съ лавровыми вѣнцами. Хотя тягота многихъ лѣтъ и возлежала на раменахъ его, но величавая его осанка означала неутомимость и безпрерывное бодрствіе доблественнаго духа его; взоръ его пылалъ огнемъ нестарѣющей въ немъ храбрости; бывъ неистощимъ въ едва имовѣрныхъ богатырскихъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ являлся еще могущъ поддержать не токмо славу Россіи, но и величіе Небесъ. Оттоманскіе бунчуги, части раздробленнаго герба Варшавы и знамена Галловъ лежали небрежно повержены у стопъ его. Сокрушенный шаръ, держава Польши и преломленный скипетръ сея гордыя Сарматки, находились по страну огромнаго щита, служащаго опорою шуйцѣ его, на коемъ изображена была избавленная имъ Италія; по ободу же щита поражало очи сіе начертаніе: *Пришелъ,*

узрѣлъ, побѣдилъ. Негиблемое, вѣковѣчное чело Сентъ-Готарда было его подножїемъ; отвсюду оно изукрашено было золотыми плитами, гдѣ чеканное искуство изразило многочисленные его подвиги. Но во первыхъ зримы были два изображенїя: въ единомъ изъ нихъ представлено, что Истинна связуетъ крылѣ Времени, а Слава исторгаетъ пагубную косу изъ рукъ всесокрушающаго старца сего, и указуетъ на *Суворова*, который попирая опроверженные имъ столпы Алкидовы, быстро течетъ въ отверстый ему храмъ безсмертїя. Надъ симъ-то многозначущимъ изображенїемъ сїяла оная торжественная надпись: *Ему принадлежатъ вѣки.* — Въ другомъ являлися взору: Кесарь возлагающїй лавровый вѣнецъ на главу *Суворова*, Аннибалъ опоясующїй на него мечь свой, Евгенїй вручающїй ему свой пернатый шлемъ; за ними же вдали возносящїяся до небесъ вершины Альпъ, надъ коими горѣло во златѣ сїе достопамятное стопосложенїе:

Отнынѣ горы въ вѣкъ Альпїйски
Пребудутъ Россовъ обелиски (*).

По семъ изъяснены были побѣды его надъ Агарянами: здѣсь торжествуетъ онъ на брегахъ Рымника; тамъ сокрушаетъ крѣпкїя стѣны Измаила; тутъ уни-

(*) *Державина.*

чтожаетъ Польшу, древнюю разорительницу отечества своего. Подъ ударами его гибнутъ сопротивныя силы строптивыхъ Сарматовъ; пламенѣютъ грады ихъ; огненные вихри преобращаютъ въ прахъ сію давно престольную Варшаву, въ твердыняхъ коей звенѣли нѣкогда узы Филарета и раздавались стоны Шуйскаго.

Что началъ во благо Россіи достославный Пожарской, то съ лихвою довершилъ *Суворовъ!* Гдѣ доселѣ почилъ прахъ Царя Московскаго, въ позоръ на распутіи Поляками погребеннаго, тамъ нынѣ съ честію произносится, и тако будетъ во вѣки произносимо великое имя *Суворова*, тамъ съ благоговѣніемъ чтутъ и чтить не престанутъ въ роды родовъ богоподобную ЕКАТЕРИНУ.

Далѣе представлены: дивный переходъ Ироя чрезъ Альпійскія страшныя переправы, чрезъ Демонской мостъ, чрезъ водопадныя Рѣки, чрезъ неизмѣримыя пропасти, едва вѣроятное преодолѣніе чудовищнаго исчадія Природы, колосса вселенной, страшнаго Готарда; сраженіе съ Массеною во мракѣ подземныхъ пропастей; рѣшимый бой съ отважнымъ Жуберомъ, и безчисленность многихъ иныхъ побѣдъ, надъ различными народами одержанныхъ, кои были забавы для *Суворова*, но трудъ, но подвигъ чрезвычайный для всякаго бы иного Полководца.

Ликуй, гордись Россія, мать Ироевъ! ты произвела

на свѣтъ Благотворителя Царей и Князя славы осмагонадесять вѣка. Твой сынъ *Суворовъ*, хвала племенъ твоихъ, честь всѣхъ родовъ Славянскихъ! Само Провидѣніе ввѣряло ему судьбу міра: онъ былъ Владыка битвъ, отъ коего зависѣлъ жребій вселенной; онъ былъ десница великой, премудрой, несравненной ЕКАТЕРИНЫ; онъ былъ краеугольный камень твердаго Ея Престола; онъ управлялъ щастіемъ и превозмогалъ непреодолимыя силы естества; онъ былъ мечь и щитъ не токмо страны рожденія своего, но и всей Европы. Вѣнценосцы, на югозападѣ повелѣвавшіе, не взирая на то, что былъ онъ чадо хладнаго сѣвера, но ради его пламеннаго духа въ свое родство его включали. Баснословная Древность нарекла бы его сыномъ Зевса, естьли бы онъ существовалъ во дни Троянской брани... Но что до того? Пріидутъ годы тѣ, настанутъ времена позднѣйшаго потомства, въ которыя явятся на позорищѣ міра новые Александры; они притекутъ съ трепетомъ ко гробу великаго *Суворова*, и чтя въ немъ другаго Ахилла возревнуютъ его славѣ... Ликуй, Россія! твой сынъ наполнилъ громкимъ именемъ своимъ все необъятное пространство вѣковъ. Онъ раздавалъ скиптры Царямъ, низводилъ и возводилъ ихъ на престолы; онъ и сугубилъ и потемнялъ цвѣтъ ихъ багряницы; онъ живъ пребудетъ во всѣ времена и вѣки. — — —

ЗАДУНАЙСКОЙ.

Посреди достопамятныхъ Героевъ, подобно многовѣчному кедру горъ Ливанскихъ, возносящему поднебесную вершину свою превыше прочихъ древесъ, возвышался великій Задунайской. Онъ облеченъ былъ въ броню Минервы, и шлемомъ ея охраняема была безсмертная его глава. Онъ имѣлъ ея осанку, огнемъ очей ея блистали его зеницы; ея важность, ея предусмотрительность, ея глубокомысліе, рѣшимость и крѣпкая сила доблественнаго духа, зримы были въ каждой чертѣ его мужественнаго лица; словомъ, во всемъ его тѣлоположеніи казалося что онъ и въ металлѣ еще занятъ благородными думами, и только что не вымолвитъ своихъ повелительныхъ рѣчей, которымъ съ трепетомъ горделивая Порта внимала. Въ десницѣ своей держалъ онъ перунъ, нетлѣнною оливою увитый, а въ шуйцѣ огромный эгидъ дщери Зевесовой, который покрытъ бывъ зміевласою главою Горгоны, поражалъ сопротивныхъ оцепѣненіемъ. Подъ кровомъ щита сего сидѣлъ на знаменахъ Оттоманскихъ въ видѣ прекраснаго, полнотѣлаго, сильнаго отрока, Геніи Россіи, и съ торжествующею улыбкою сплеталъ лавровой вѣнецъ Побѣдителю покорителей Востока. На златомъ, негиблемомъ подножіи сего непобѣдимаго Полководца блистали вѣчноясныя слова: *Великому изъ Героевъ, мудрому въ совѣтахъ,*

и дивному во бранѣхъ, безсмертному сыну Россіи, Румянцову Задунайскому, распространившему предѣлы своего отечества и потрясшему основание страшной Оттоманской Имперiи. Подъ сею во всѣ времена достопамятною надписью, въ вѣнцѣ изъ масличныхъ лозъ сплетенномъ, изображено было: *Миръ при Кайнарджи* 1774 года. Внизу сего вѣнца клубилъ быстрыя волны свои царь рѣкъ, ярый Дунай, поглотившей тридесять тысящь Сарацинъ сверженныхъ въ пучины его сильною мышцею Румянцова; надъ нимъ начертано было: *Теку возвѣстить вѣкамъ грядущимъ славу и пени его.* Искусство столь чудесно изобразило рѣку сію, что мнился слышимъ быть ревъ и плескъ волнъ ея, и казалося, будто брызги летѣли съ пѣнныхъ хребтовъ ихъ. Кичливый сокрушитель Дарія! что твоя Арбельская побѣда? — Задунайской торжествуетъ подъ Кагуломъ.

Величественный образъ сего побѣдоноснаго Вождя Россовъ вселялъ благоговѣніе въ сердце каждаго, кто бы ни воззрѣлъ на него; и самый отважнѣйшій духъ смирился бы, пораженъ бывъ его повелительнымъ взоромъ, когда владычица Героевъ всего міра, когда сама Слава, показуя мнѣ Румянцова, вдругъ объята была нѣкою робостію, покорство ея предъ нимъ знаменующую. Она вѣщала мнѣ: „Я обрекла себѣ принадлежать ему во все пространство вѣковъ; народы древнихъ лѣтъ,

естьлибъ онъ жилъ во дни ихъ, чтили бъ его полубогомъ; но сыны сыновъ позднѣйшаго потомства воздвигнутъ ему памятники; прехвальное имя его пройдетъ въ роды родовъ, возгремитъ въ пѣсняхъ торжества, возбудитъ новыхъ героевъ ко славѣ, и прежде многоводный Дунай изсякнетъ въ своихъ несмѣтныхъ источникахъ, нежели имя Задунайскаго, движущее сердцами богатырей, въ неизмѣримости времянъ затихнетъ; скорѣе всѣ рѣки вспять потекутъ, нежели престану я твердить о немъ въ концахъ земли.,,

КНЯЗЬ ТАВРИДЫ.

Близь Румянцова-Задунайскаго возносилъ горделивое чело свое чудный сынъ щастія и роскоши, великомощный Потемкинъ Таврической. Въ доказательство тому, что былъ онъ готовъ къ побѣдамъ даже и тогда, когда покоился на лонѣ раболѣпствующей ему нѣги, глава его покрыта была пернатымъ шлемомъ, а десницею опирался на обнаженный мечь, но не было на немъ брони; а осанистое тѣло его покрывала свободная Славянская одежда, дорогими каменьями и жемчугомъ унизанная, и узорчатый поясъ, дѣло рукъ народовъ Восточныхъ, сіялъ по чресламъ его. Онъ нерадиво стоялъ облокотясь шуйцею на мшистой, огромный камень, виноградными грроздіями, различными плодами

и цвѣтами Юга обвѣшенный, между коими видны были сіи вѣщлыя слова. *Крымъ. Безкровный даръ отечеству.* Пригожій взоръ сего мужа Славы были зерцаломъ замысловатаго ума, обширныхъ намѣреній, пылкаго воображенія, рьянаго славолюбія и твердой надежности на неутомимыя силы прихотливой души своей. Обладавый богатствомъ, почестьми, величіемъ, свойственными чрезвычайному сану его, какъ являлъ онъ себя во дни бытія своего неуважающимъ ничѣмъ, такъ и здѣсь, въ кумирѣ, художникъ изобразилъ на спесивомъ лицѣ его улыбку, полную презорства. Щитъ Порты Оттоманской, полукружіемъ Луны украшенный, попираемъ былъ сильною его пятою. На подножіи его блистала надпись: *Одушевленъ бывъ великимъ духомъ ЕКАТЕРИНЫ, достигъ безсмертія.* А подъ оною представлено было сокрушеніе твердынь Очаковскихъ, пламенными вихрями обвитыхъ; вдали же, по небосклону, Россійскіе флаги, надъ черными водами Евксина развѣвающіеся. Таковъ-то кумиръ онаго затѣйливаго Князя Тавриды, который соединялъ въ себѣ Помпеево великодушіе съ Лукулловымъ сластолюбіемъ, и который толико былъ пресыщенъ благами времени своего, что ему и желать уже ничего не оставалось.

ЛОМОНОСОВЪ.

Подъ сводомъ, драгоцѣнными каменьями усѣянномъ, которые сливая разноцвѣтные лучи свои производили сіяніе подобное радугѣ, возсѣдалъ оный достославный мудрецъ, коего обширное многовѣданіе едва не превышало человѣчество; онъ изслѣдовалъ небесныя явленія, и во всей лѣпотѣ сѣвернаго сіянія, предъ солнцемъ соязуясь съ Невтономъ, доказалъ причину дневнаго свѣта: ему Эйлеры завидовали и подражали, да и сами Галлилеи ему уступали бы вѣнцы славы. Его быстрый умъ, какъ бы снабженный крылами свѣтоноснаго Серафима, леталъ по всѣмъ царствамъ природы; скромная матерь существъ открыла ему всѣ таинства свои и показала чудесную силу внутренныхь ея дѣйствій. Въ лицѣ сего дивнаго Генія, которому Россія обязана красотою слова своего, я познаю тебя и съ благоговеніемъ преклоняю чело мое предъ тобою безсмертный Ломоносовъ! Сей Царь Росскаго стихосложенія озаренъ былъ лучами Феба и всегда свѣжіе лавры увивались вокругъ главы его. Четыре лебѣдя съ протяженными выями, имѣя распростертыя крылѣ къ полету запряжены были въ сребряную колесницу его. Важная кротость Мантуанскаго пѣвца, оживленная огнемъ Пиндарической музы и привлекательность Цицероновой мужественной красоты одушевляли его величавый взоръ. Превапол-

ненный восторгомъ изящнаго пѣснопѣнія своего онъ не брежно сидѣлъ на колесницѣ и быстрыми перстами своими водилъ по громкозвучнымъ струнамъ златой лиры, украшенной именемъ Дщери Великаго ПЕТРА. На столпѣ его изъ рдянаго рубина изсѣченномъ и изукрашенномъ мозаическими изображеніями, — что нетлѣнная рука его произвела въ честь искуству падшему въ ученой Греціи, а на сѣверѣ имъ возобновленному, — сіяло небеснымъ огнемъ сіе стопосложеніе:

Коль нынѣ радостна Россія!
Она коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей державы;
Гремящей насыщенна Славы
Покоится среди луговъ.

* * *

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими частыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вкругъ довольства изчисляетъ,
Возлегши локтемъ на Кавказъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

стран.	строк.	напечатано.	читай.
II	15	мѣчтанія:	мечтанія:
IV	1	стоющіе	стоющія
	2	лутчее	лучшее
	18	принадлѣжащее	принадлежащее
VII	12	севѣра	сѣвера
	18	колено	колѣно
	21	естли	естьли
	15	не пленится	не плѣнится
	21	оставляешЪ	оставляешЪ
X	2	севѣрЬ	сѣверЪ
	12	лѣжала	лежала
	18 и 19	лутчими произрастеніями	лучшими произрастѣніями
XIII	10	парали	парили
XV	1	новые чудеса;	новыя чудеса;
XVI	4	мѣчтаніяхЪ	мечтаніяхЪ,
	13	лутче	лучше
	11	предстоять	предстоятЪ
XX	1	зрелище	зрѣлище
	15	нелѣпые	нелѣпыя
	18	произрастеніи	произрастѣнія
	22	велеречивымЪ	velерѣчивымЪ
XXI	15	лишЪ	лишь
	24	но преодоленіе	преодоленіе
XXII	21	изполнила	исполнила
XXIII	18	лутче	лучше
XXIV	2	злоречія	злорѣчія
	16	содѣлаемся	содѣлаешься
XXV	11	неизтовою	неистовою
	15	по среди.	посреди
	18	бѣлелись	бѣлѣлись
	23	Легеоны	Легіоны
XXVI	7	принадлѣжавшія	принадлежавшія
	15	тмочисленныхЪ	тьмочисленныхЪ
	17	великолѣпные	великолѣпныя
XXVII	11	пламенели	пламенѣли.
	12	любезные	любезныя

ПОГРѢШНОСТИ.

стран.	строк.	напечатано.	читай.
	22	небѣсной	небесной
	23	прозвенели	прозвенѣли
	6	вѣщи разпoложенные	вѣща расположенныя
XXX	12	основавшей	основавшій
	13	уготовавшей	уготовавшій
	14	страшные	страшныя
	22	лутчïе	лучшïе
	10	лѣторослѣ	лѣторослѣ
	23	колыхнутся	колыхнуться
XXXIII	26	возхотѣлЪ	восхотѣлЪ
XXXV	15	изрещи доблести ПЕТРОВЫ	изрещи хвалу доблести ПЕТРОВОЙ
XXXVII	1	перьвыхЪ	первыхЪ
	15	почтенïе сему неустрашимому	почтенïе неустрашимому
	18	разразившей	разразившій
XXXVIII	9	перьсяхЪ	персяхЪ
	11	надмѣнною	надменною
		перьваго	перваго
	24	лишившейся	лишившïйся
	5	знамѣнитыхЪ	знаменитыхЪ
	25	любовѣдѣнïе	любовѣденïе

ГОСТОМЫСЛЪ

1	1	Во перьвыхЪ	Во первыхЪ

РЮРИКЪ

3	9	верхи	верьхи

ОЛЬГА

6	2	тмами	тьмами

ВЛАДИМIРЪ

9	16	Переславля	Переяславля

ВЛАДИМIРЪ МОНОМАХЪ

14	7	сѣдѣлЪ	сидѣлЪ

ДИМИТРIЙ ДОНСКОЙ

19	23	занещастïе	занѐ щастïе, или ибо щастïе
23	18	Аггелла	Ягелла
	19	не благословенïя	неблагословенïе
26	7	остановлена радостïю	остановлена была радостïю

ПОГРѢШНОСТИ.

стр.	строк.	напечатано	читай
		ІОАННЪ I ВЕЛИКІЙ	
27	12	свиренствовавшихъ	свирѣпствовавшихъ
28	5	во взаимное согласіе	взаимное согласіе
	22	наскучивъ	наскуча
	29	Хвалынскаго	Хвалыскаго
	5	первыхъ	первыхъ
32	3	доблестямъ	доблести
	17	съ несметною	съ несмѣтною
33	16	сопостатовъ	супостатовъ
		ІОАННЪ II ВЕЛИКІЙ, ГРОЗНЫЙ.	
44	15	своихъ святая святыхъ	своея святыя святыхъ
45	15	въ недрахъ	въ нѣдрахъ
46	4	вязкой или	вязкой илъ
	23	легіоновъ	легіоновъ
47	13	и на прочихъ	и прочихъ
48	25	тинистая *Булакъ*	тинистая рѣка *Булакъ*
50	22	къ Князямъ	къ Князьямъ
	24	горѣ	горѣ
56	15	при водахъ обшнаго Байкала	при водахъ обширнаго Байкала
57	2	Султанъ трепещетъ	Султанъ печаленъ
	26	рыцевожатые	рыцаревожатые
58	21	отъ Карла V по его желанію къ нему присланныя	отъ Карла V по желанію Іоанна присланныя
59	15	нагнѣтеннымъ	нагнетеннымъ
61	6	болезненно	болѣзненно
		БОРИСЪ ГОДУНОВЪ	
64	1	сперьва	сперва
65	4	колосъ	колоссъ
	9	изкустно	искустно
67	12	благоговели	благоговѣли
	3	*строк. примѣчанія* (*)	
68		лутчее	лучшее
		МИНИНЪ	
70	5	послѣднею	послѣднюю
		ПОЖАРСКОЙ	
72	20	презрѣвый	презрѣвъ
		ЛЬВОВЪ Почепской	
76	10	а на злодейскую	а на злодѣйскую
	15	Сей предокъ	Се предокъ
	18	лутче	лучше
		изпить	испить

ПОГРѢШНОСТИ.

стр.	строк.	напечатано	читай
77	11	изпытуемъ	испытуемъ
78	12	самые лутчїе	самые лучшїе

Памятники Россїйскихъ Ироевъ осмагонадесять вѣка.

ДОЛГОРУКОЙ

стр.	строк.	напечатано	читай
1	11	самого	самаго

СУВОРОВЪ

стр.	строк.	напечатано	читай
7	17	Рѣки	рѣки
	25	иного	инаго

Картина Славянской древности

Сочиненїе Павла Львова

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Изстари заведенное сельское празднество, по окончаніи жатвы отправляемое во всей Бѣлозерской сторонѣ и извѣстное подъ именемъ *отжина*, было виною сего сочиненія, которое названо *Картиною Славянской Древности* во первыхъ потому, что Сочинитель изображаетъ въ немъ картину тѣхъ временъ, когда еще Славяне покланялися своимъ кумирамъ, имѣли на островѣ Ругенѣ, — что близъ Помераніи, — великолѣпный храмъ *Свѣтовида*, и когда они дѣйствительно отправляли въ честь сего бога и *Триглавы* празднество по окончаніи жатвы съ великими жертвоприношеніями. Заключая по именамъ *Леля*, *Дидо*, *Лада*, кои были имена боговъ Славянскихъ, и упоминалися въ пѣсняхъ, пѣтыхъ жнецами, полагать должно, что праздникъ *отжина* происходитъ отъ того древняго празднества, которое отправляемо было въ Руге-

нѣ. Во вторыхъ, сочиненіе сіе названо *Картиною Славянской Древности* и потому, что оно основано на самыхъ старинныхъ обрядахъ языческаго поклоненія за долго до Христіянской вѣры существовавшаго, и на Историческихъ истиннахъ тѣхъ вѣковъ, когда еще жили на сѣверѣ Славяне-Руссы, соединившіеся съ Варягами, Рурикомъ приведенными, и покланявшіеся такъже *Одину*, какъ и древнимъ богамъ своимъ. Неизвѣстный, но почтенный за ревность его ко славѣ Россіи, писатель Историческаго представленія изъ жизни Рурика, увѣряетъ согласно съ Исторіею, — см. стр. 52, а въ Рос. Ис. Тат. Ч. 1 гл. 2. стр. 16 и 17, — что Славяне-Руссы и Варяги чтили *Одина* и во многомъ придерживались Скандинавскаго баснословія; а достойный вѣроятія Г. Болтинъ, искуснѣйшій вѣдатель Россійской Исторіи, въ примѣчаніи своемъ на оное представленіе, изъ жизни Рурика, подтверждаетъ всѣ обряды поклоненія *Одину*, съ чѣмъ согласуясь Сочинитель сей Картины, расположилъ празднество *отжина* по соединеннымъ обрядамъ поклоненія двухъ народовъ, Славянскаго и Варяжскаго. А что *Одинъ* былъ обожаемъ Славяноруссами и Варягами, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; и естьли вѣрить Исторіи, которая представляетъ Россію первымъ театромъ геройскихъ его подвиговъ, —

когда явился онъ отъ сѣверозападной стороны понта Евксинскаго (Чернаго моря), и шелъ въ Скандинавію чрезъ Голштинію и Ютландію: — то слава имени *Одинова* и рыцарскихъ временъ его принадлежитъ болѣе Россамъ, нежели Шведамъ и Датчанамъ. Но здѣсь не нужно входить въ толь подробное изъясненіе объ *Одинѣ;* ибо къ оправданію мнѣнія Славянъ о жизни будущей и всего того, что изображено въ сей *Картинѣ Славянской Древности* относительно до баснословія Скандинавскаго и Славянскаго, довольно показано въ Историческихъ примѣчаніяхъ. Наконецъ, дабы картина сія была достойна Славянъ, то Сочинитель не терялъ изъ вида Римскую древнюю пѣснь столѣтія: Carmen Seculare, которую приказалъ Августъ Горацію сложить въ честь Аполлона и Діаны. Сообразуясь съ начертаніемъ оной прекрасной Гораціевой пѣсни, въ коей знаменитый Пѣвецъ сей обращается къ Августу и воспѣваетъ славу времени его вѣка, Сочинитель и *Картины Древности Славянской*, при исчислении древнихъ побѣдъ въ цѣломъ мірѣ Славянами пожатыхъ, говоритъ иносказательно о побѣдоносномъ вѣкѣ ПАВЛА I, нареченнаго *Спасителемъ народовъ* и дерзаетъ славословить Сына Его, Отца Россіянъ, АЛЕКСАНДРА I, котораго, милосердіе содѣлываетъ богоподобнымъ. . . .

Словомъ, одна лишь ревностная любовь къ Отечеству составляетъ всю цѣну сего сочиненія. — Не токмо старина, но и *дымъ отечества пріятенъ.*

песчаныя вершины свои выше лѣсовъ вдали синѣющихъ, а съ другой величественное Бѣлоозеро соединяетъ съ небесами обширное лоно шумныхъ волнъ своихъ. Множество тельцовъ и двенадцать коней (7), бѣлыхъ какъ снѣгъ, уготовано для жертвы. Главный Жрецъ, въ богатой одеждѣ съ двенадцатью Жрецами (8), ему подвластными, восходитъ къ олтарю. За ними идутъ двѣ прекрасныя дѣвы въ одеждѣ алаго цвѣта, цвѣта веселія и юности; у персей ихъ, златые поясы; на челѣ, драгоцѣнныя повязи; на выяхъ, ожерелья крупнаго жемчугу сливаютъ млечную бѣлизну свою съ лебединою бѣлизною ихъ тѣла. Онѣ дщери мужей славныхъ, и избраны для священнослуженія при жертвенныхъ обрядахъ. Одна изъ нихъ представляетъ богиню *Марцану* (9), и несетъ на главѣ снопъ; а другая богиню *Сѣву* (10), и шествуетъ съ кошницею, плодами и мустомъ наполненною (11). Въ слѣдъ за ними пригожій юноша, представляющій бога *Услада* (12), несетъ для освященія сосуды пивомъ и медомъ полные (13). Народъ раздѣленъ на многіе сонмы; на сонмъ юношей, дѣвъ, женъ, старцевъ и сонмъ мужей, но сонмъ престарѣлыхъ воиновъ преимущественнѣе прочихъ. Герои сіи, проведшіе жизнь въ побѣдахъ, стоятъ ближе всѣхъ къ олтарю, опершись на копія, остріемъ къ землѣ обращенныя. Собравъ истощенныя во браняхъ силы свои, они притекли во всемъ убранствѣ ратнаго снаряда: тяжелая колчуга покрываетъ согбенное тѣло ихъ; сѣдые власы ихъ висятъ изъ подъ стальныхъ шлемовъ, орлиными перьями осѣненныхъ, и мѣдные щиты на шуйцахъ ихъ рдѣютъ, какъ полная луна сквозь тонкое облако, отъ громоносной тучи отдѣлившееся. — Всѣ безмолствуютъ; токмо шумъ волнъ озера и ржаніе

крутящихся коней, которые рвутся какъ бы обогнать и самые вихри, нарушаютъ всеобщую тишину. Верховный Жрецъ становится предъ олтаремъ на колѣна и читаетъ тайныя молитвы. Начинающееся утро, чистое небо, благоговѣніе народа, Жрецъ стоящій на колѣняхъ съ воздѣтыми къ востоку руками, и куреніе благовонныхъ лозъ, придаютъ сему позорищу разительную важность, приводящую каждаго въ священный ужасъ. По окончаніи тайныхъ молитвъ Жрецъ возстаетъ, обращается къ народу, и окинувъ его величавымъ взоромъ своимъ вѣщаетъ:

Жрецъ.

Свершился благовѣстный знакъ дыма (14); ликуйте земледѣльцы. — Воспойте хвалебную пѣснь свѣтиламъ небеснымъ ущедрившимъ жатвы. Уже не струится по нивамъ разсыпная поверхность златыхъ класовъ; они пали подъ острозубымъ серпомъ жателей, и сѣверный вѣтръ свиститъ, пробѣгая въ поляхъ частые ряды сноповъ, клонящихъ долу зернистые верхи свои. Довольная Марцана *и долговласая* Сіва *уже несутъ плоды въ даръ подателю благъ* четыреобразному Свѣтовиду *(15), созерцающему предвидящимъ взглядомъ всепроникающихъ очей своихъ, четыре конца вселенныя, и коему самъ родитель радости* Услядъ *посвящаетъ златыя фіалы свои, полныя искрометнаго меда и пѣнистаго пива, напитками, веселящими сердце бранопосныхъ племенъ Нордомъ чтимаго* Одина *(16).*

Свѣтовидъ охраняетъ Славянъ; онъ милуетъ роды ихъ. Въ сей день священный *Ахронейскій храмъ* (17) гремитъ ему торжественнымъ пѣніемъ, коему отвѣтствуетъ веселоотзывное эхо рощъ и горъ всея Ругены. Воспоемъ же и мы древнюю пѣснь праотцевъ нашихъ озаряющему дни *Свѣтовиду*, и осребряющей ночи *Триглавѣ*.

Стекайтесь престарѣлые и младые Славяноросы, достохвальные потомки славныхъ предковъ! Грядите бѣлорумяныя Россіянки, сестры, супруги, дщери, невѣсты богатырей (18), украшеніе страны нашей и честь черноокихъ матерей своихъ; стекайтесь громогласные юноши, и вы, честію вѣнчанные воины! возгремите пѣснь давнюю покровительствующему насъ *Свѣтовиду*. Онъ даруетъ изобиліе плодовъ и столь же ярко освѣщаетъ нынѣ побѣды наши на Западѣ, сколь пламенно осіявалъ ихъ доселѣ на Востокѣ и Полунощи (19). А вы, голосистыя жены и милоликія дѣвы, воспойте *Триглаву*. Васъ, дѣвы, пышный цвѣтъ добродѣтели, любовь и радость душъ геройскихъ, васъ научаетъ она образомъ своимъ кроткому цѣломудрію, вдыхаетъ въ васъ тихій нравъ и въ дѣвическихъ, уединенныхъ теремахъ вашихъ, въ сихъ сокровенныхъ отъ страстей хранилищахъ невинности, кои стрегомы богинями *Носсою* и *Липою* (20), располагаетъ она не видимою рукою ваши очаровательныя прелести. А къ вамъ, жены,

владычицы великихъ сердецъ, приводитъ *Триглава* восторги и щастіе въ благословенную сѣнь супружеской вѣрности; блюдетъ непорочное, кедровое ложе ваше и благопоспѣшествуетъ рожденію непреоборимыхъ ратоборцевъ нашихъ! Всѣ же купно будемъ молить свѣтоносныхъ боговъ сихъ, да пронесутъ они вмѣстѣ съ лучами своими славу отечества нашего въ грядущіе вѣки.

Обращаясь къ небесамъ.

Призываю васъ, безсмертные чада *Повелителя вѣковъ* (21), сладкоглаголивый *Бальдеръ* (22) и *Браге* (23), и тебя, прекрасная *Идуна* (24), хранящая яблоки, обновляющія юность боговъ. Вы даруете сладость *питію Одина* (25); да будутъ пѣсни наши толико же торжественны, какъ древле пѣніе свыше вдохновенныхъ *Скальдовъ* (26), внушителей и питателей славы; или толико доброгласны и восхитительны, какъ звуки *Барда* (27) временъ нашихъ, славящаго знаменитые подвиги вѣнценосныхъ потомковъ Рурика, Князей и Воеводъ Славяно-Россійскихъ.

Съ восторгомъ и въ пророческомъ изступленіи восклицаетъ:

Се слышанъ шумъ ярыхъ волнъ играющаго озера; онѣ плещутъ у мшистыхъ камней, свидѣтельствую-

щихъ бытность столицы *Синава.* Сей дробный шумъ возвѣщалъ намъ недавныя побѣды, новыя торжества на Западѣ великаго и быстроумнаго Воеводы нашего *Всеслава* (28), коему самъ *первоначальный Перунъ* (29), сильный богъ, чествуемый въ Великомъ Новѣ-градѣ и громкомъ Кіевѣ вручалъ на пораженіе сопостатовъ молніеносный шаръ свой изъ огненныхъ рубиновъ и пламенныхъ карбункулей сліянный. Начнемъ, Славяне, начнемъ моленіе *Свѣтовиду* и *Триглавѣ,* искони знаменующимъ славу нашихъ Царей и нашихъ отцевъ. Уже лучезарное чело *Свѣтовида* явилось на горахъ; — златыя кудри его развѣваются по облакамъ Востока; зажигайте дубы и благовонную пихту. — Начинайте Славяноросссы!

По сихъ словахъ мгновенно зажигаютъ двенадцать дубовъ и двенадцать пихтъ. Начинается жертвоприношеніе. Тельцы упадаютъ подъ священною сѣкирою. Полагаются на олтарь плоды земли, и вливается на нихъ медъ и пиво. Между тѣмъ сонмы народа начинаютъ пѣть попеременно.

(Пѣсни ихъ таковаго содержанія:)

Ликъ старцевъ, мужей и юношей.

Прославимъ и воспоемъ одушевляющаго всю тварь *Свѣтовида,* страны и грады наши охраняющаго (30).

Ликъ женъ и дѣвъ.

Воспоемъ кроткую *Триглаву,* тишиною и покоемъ жилища наши ограждающую.

Воины водружаютъ копья свои въ землю.

Ликъ общій.

Благодаримъ васъ, свѣтила животворящія Природу! за всѣ ниспосланныя къ намъ щедроты въ нынѣшнее лѣтообращеніе. — Будьте всегда къ мольбамъ нашимъ преклонны.

Молимъ васъ: внемлите гласу сердецъ нашихъ; даруйте намъ всевожделѣнныя блага, украсьте величіемъ и славою вѣнецъ нашего бѣлаго *Царя.*

Отвратите отъ отечества нашего всякое зло; да погрузится оно въ подземныя пропасти страшнаго *Нія* (31).

Юноши и Дѣвы.

О веселовзорый *Свѣтовидъ!* Царь дней златокудрявый, *всегда младый* (32), *всегда* пригожій! И ты, прелестная *Триглава,* царица лѣсовъ, любящая глядѣться въ зерцалѣ водъ, краса и честь небесъ! внемлите мольбамъ нашимъ.

Утучни, благоносный Свѣтовидъ! въ послѣдующіе годы нивы наши плодорастительною *панацеею* (33), каплющею со свѣтлыхъ власовъ твоихъ.

А ты, благовліятельная *Триглава!* отжени серебряными стрѣлами твоими отъ стадъ и полей нашихъ звѣрей хищныхъ и всякое тлетворное повѣтріе.

Ликъ общій.

О лучезарное солнце! ты, котораго свѣтодательныя очи обыкли зрѣть величіе Нова-града и славу Кіева, молимъ тебя: укрась паче страну рожденія нашего.

Молимъ тебя: укрась ее тако, дабы во всемъ безмѣрномъ пути твоемъ чрезъ пространныя поприща вселенной ни единая страна прекраснѣе и славнѣе Россіи тебѣ не встрѣчалась, и дабы народы свѣта, прельщенные блаженствомъ дней нашихъ, стекались отвсюду подъ державу Монарха Россійскаго, какъ въ велелѣпный храмъ Бога благотворящаго.

Мужи, старцы и воины.

Свѣтовидъ! богъ ратоборцевъ! доселѣ содѣйствовалъ ты Рурику въ стремительномъ побіеніи Галловъ (34), покоряй и нынѣ Славяноросскому Владыкѣ градъ и царства.

Твоими лучами блиставшій мечъ Игоревъ приводилъ тьмы сопротивныхъ въ трепетъ; храбрый Святославъ, покрытый твоею адамантовою бронею, ужасы и стоны отметающею на сильныхъ Грековъ, дивно превозмогъ несмѣтное ихъ ополченіе (35).

Сколько было вѣковъ богатырскихъ! Скандинавскіе Королевичи къ намъ приходили научаться ратобор-

ствію (36). О солнце! вездѣ ты сопутствовало всегда торжественнымъ орламъ Россіи.
Но пусть текутъ вѣки невозвратно — сыны славы живы. Они ликуютъ въ свѣтозарной *Валкалѣ*.

Просимъ тебя, *Свѣтовидъ!* да не постигнутъ насъ неминуемыя *Норниры* (37) въ праздности; но даруй намъ жребій отцевъ нашихъ.

Да встрѣтятъ насъ священныя *Валки* (38) посреди побѣдъ, или трудовъ гражданскихъ, отечеству полезныхъ, и съ честію да проводятъ чрезъ *мостъ боговъ* (39) въ превѣчный чертогъ Одиновъ.

Тамъ, вмѣстѣ съ прародителями нашими піющими пиво, веселіемъ безконечнымъ духъ ободряющее, да будемъ и мы причастны непрерывно радостному пированію ихъ.

Юноши.

Вѣчно-младый *Свѣтовидъ*, богъ сіянія и войны! даруй намъ храбрость и преодолѣніе во брани; даруй намъ силу сотерти дланію нашею съ лица земли всякое зло, противное богамъ и вредное человѣчеству.

Да возблистаютъ наши *щиты ожиданія* (40) достопамятными изображеніями, и отечество да удостоитъ внести наши имена въ преславныя свои лѣтописи (41).

Жены.

Цѣломудренная *Тригла̂ва!* ты, которую чтятъ въ странахъ дальнихъ подъ именемъ *Иллиѳіи* и могущественной *Луцины*, но которую мы величаемъ наименованіемъ *Дидиліи* (42), благопоспѣшествующей чадорожденію, взываемъ къ тебѣ!

Даруй, чтобы поколѣніями Россіянъ наполнилося все имѣющее быти пространство вѣковъ.

Благословляй всегда дражайшія намъ узы *Полеля* (43).

Обогати домы наши сынами мужественными, сугубящими славу отечества; дщерями прелестными, плѣняющими любовію сердца Царей иноплеменныхъ (44).

Даруй, разящая звѣрей богиня! да каждая Россіянка приноситъ на свѣтъ или богатыря, заступника человѣковъ; или красоту, цвѣтъ добродѣтели.

Дѣвы.

Просимъ тебя, непорочная богиня тишины и уединенія! исполни дни наши миромъ, щастіемъ и любовію родительскою.

Украсъ нашу юность цѣломудріемъ, кротостію и благонравіемъ, сокровищами, возвышающими прелести нашего пола, превосходящими самую очаровательную красоту.

Но когда всесильный сынъ *Лады* (45) устремитъ на насъ свои пламенныя стрѣлы, то благоволи, богиня! милующая невинность, или навсегда отвратить ихъ отъ дѣвической груди нашей; или чтобы сердцами нашими обладали рыцари, достойные славы.

Сохрани въ насъ во всю жизнь нашу почтенный образъ матерей нашихъ!

Мужи и Старцы.

Скромная богиня питающая глубокомыслїе! Великїй Гостомыслъ и несравненная въ женахъ *Прекраса* (46). уединясь въ тайнственники свои, посреди ночнаго безмолвія, бесѣдовали съ тобою о народномъ благосостоянїи.

Примѣромъ своимъ они истребили зло, чтили истинну и мудрость, устроили щастїе подданныхъ и на благѣ общемъ основали славу.

Скипетродержцы и Князи изъ краевъ далекихъ притекали дивиться имъ и научаться отъ нихъ.

Сбылось, богиня! чудесное сновидѣнїе, *Гостомыслу* тобою явленное о дщери его *Умилѣ* (47).

Уже пресвѣтлая багряница Славяноросскаго Царя покрыла полсвѣта, подобно тому пророческому древу, которое возникнувъ изъ нѣдръ *Умилы* до облакъ, осѣнило богатолиственными вѣтвями своими градъ великїй, и отъ плода его насыщаются люди земли.

Свершай, богиня, благость твою, свѣти Россу-

Славянину въ достохвальныхъ его подвигахъ, да вознесется онъ превыше всѣхъ земнородныхъ.

Ликъ общій.

Свѣтила, прославляющія превыспреннюю твердь! исполняя не исповѣдимо дивное круговращеніе ваше въ безпредѣльномъ царствѣ небесъ, повелите днямъ и часамъ за вами послѣдующимъ, да къ намъ грядутъ они сопровождаемы пѣснями радости, плесками торжества, празднествами побѣдъ.

При наступленіи годовъ новыхъ, пошлите къ намъ заблаговременно веселую *Зимцерлу* (48), покрывающую холмы душистыми злаками, дабы коснѣніемъ своимъ не воспрепятствовала она бѣлокурой *Сѣвѣ* (49) обогатить драгоцѣнною жатвою нивы, заботами упитанныя.

Тебя же, богъ пастырей, скотопитатель *Велесъ* (50), просимъ размножь и утучни среброрунныя стада наши.

Сильные боги! къ намъ обратите цѣлебныя воды отвсюду; да струятся онѣ по долинамъ нашимъ, и здравоносньмъ сокомъ упитайте всѣ прозябенія.

А ты, великая *Триглава,* царица созвѣздій, покровительствующая мореплавателей! услышь гласы наши, къ тебѣ единой возсылаемые: управляй Славяно-Россскими *конями волнъ* (51); проведи ихъ безбѣдно

чрезъ глубокопучинные океаны, *опоясующіе землю* (52); да соединятъ они съ нами *новый свѣтъ* (53).

Наши *кони* да сокрушатъ на *полѣ разбойниковъ коней* сопротивныхъ, и обремененные чужеземными добычами, да возвратятся они въ необуреваемыя отечества пристанища.

Юноши и дѣвы.

Боги, хранители прародителей нашихъ! не разлучайте съ нами никогда прещастливаго и всевожделѣннаго *Коляда* (54). Подъ мирнымъ его кровомъ да успокоятся отцы наши и братья, со славою возвратившіеся съ полей ратныхъ.

Старцы и мужи.

О солнце и луна! украшеніе великолѣпнаго зданія міра! молимъ васъ: внѣдрите навсегда въ странахъ и сердцахъ нашихъ добродѣтели нашихъ предковъ; благоговѣйное повиновеніе законамъ и любовь общую; ибо *человѣкъ человѣку дѣлаетъ радость* (55).

Любовь общая, сокровище дражайшее самыхъ *слезъ Фреи* (56); броня твердѣйшая адаманта; ею процвѣтаетъ слава и щастіе отечества; ею хранятся и распространяются царства; она блюдетъ порядокъ, тишину и святость гражданскихъ добродѣтелей (57).

Когда же должно ратоборствовать, то пусть

лучше устелется костьми сыновъ нашихъ поле брани, нежели придутъ они къ намъ со стыдомъ; намъ отраднѣе видѣть ихъ мертвыми, нежели томящимися во плѣнѣ; уничиженіе и позоръ ужаснѣе самой смерти (58).

Лучше жить хорошо, нежели долго. Когда человѣкъ раскладываетъ огонь, смерть къ нему придетъ прежде, нежели онъ потухнетъ; но слава остается по смерти и не угасаетъ; она переживаетъ и самое время (59).

Ликъ воиновъ.

Они поютъ, ударяя сулицами въ щиты, въ знакъ торжества и радости.

Одинъ — любитъ роды наши, *Свѣтовидъ* охраняетъ наши воинства, *Перунъ* предшествуетъ имъ, и Россамъ побѣдителямъ чуждъ позоръ плѣна: они отважно бьются мечами въ *кровавой банѣ* (60).

Цѣлыя царства, доселѣ страшныя, повинуются днесь законамъ Царя нашего, обладателя полсвѣта. Боги и вселенная свидѣтели въ томъ, сколь преславны подвиги предковъ нашихъ, коихъ священный прахъ честно почіетъ въ нѣдрахъ отечества. Славны дѣла предковъ и племенъ ихъ!

Вѣщаетъ то сама древность, како праотцы наши прославились побѣдивъ на Ѳракійскихъ поляхъ Императора Гордіана и како владычествовали они въ Галліи и Иверіи.

Подобно древу отъ ударовъ сѣкиры возколебавшемуся, со всѣми его пространными вѣтвїями, потрясся Царьградъ, со всѣми градами Эллады отъ мышцы мудраго Олега (61).

Не тако трепещетъ слабый отрокъ, увидя крутящагося предъ ними коня, роющаго копытами землю и наполняющаго всю окрестность грознымъ своимъ ржанїемъ, какъ устрашился оружїя Славянъ гордой Римлянинъ; *страхъ вселенныя* (62) ими былъ сокрушенъ.

Отцы наши вспомоществовали громкому Македонянину въ завоеванїи мїра (63). Они отверзли ему врата храма вѣчныя славы.

Когда громоносная буря востекаетъ на сводъ небесный, сыплетъ опаляющїя молнїи свои въ мрачныя дебри, искореняетъ древа и наполняетъ все ужасомъ: тогда звѣри хищные жмутся въ глубокихъ своихъ вертепахъ, и самыя страшныя чудовища дрожатъ: тако торжественныя знамена Славянороссовъ привели въ страхъ *Персовъ* (64).

Какъ румяная заря ясными лучами своими истребляетъ мракъ, уничтожаетъ густые туманы и гонитъ ночныхъ птицъ укрыться въ дремучїй боръ; настаетъ красный день, и человѣки веселятся: тако прогнали мы *Чингиз- Хановы* орды скитаться по степямъ, и свергнувъ злодѣйское иго кровопїйца *Батыя* (65), ликуемъ нынѣ въ красотѣ нашего благоденствїя.

Подобно смущенному путнику, зрящему себя подъ чернымъ кровомъ осѣнней облачной ночи, содрогающемуся, внемля свистъ вѣтровъ и рыканіе лѣсныхъ витателей, воздыхающему, и невѣдающему куда направить стопы свои: подобно ему смятенъ былъ неустрашимый рыцарь Тевтоновъ (66), когда стѣснила его десница Россовъ.

Гдѣ та кремнистая скала, которая доселѣ возносила къ небесамъ гордое чело свое надъ пучинами Понта? Она дерзала застранять сїянїе восходящаго солнца; гдѣ же она днесь? Всесильный богъ грома, Перунъ сокрушилъ ее, и токмо что ревъ волнъ ее поглотившихъ, раздается по отдаленности: тако сбылось со строптивымъ Готѳомъ (67), когда Славяноросскій богоподобный Витязь и Законодатель, олтарей достойный, низложилъ его кичливость.

Подобно злобнымъ коршунамъ, терзающимъ робкихъ врановъ, но мятущимся и цѣпенѣющимъ, увидя орла окрестъ солнца парящаго, несмѣтныя ополченія Агарянъ, обладателей многихъ народовъ, мятутся и бѣгутъ отъ сонма побѣдоносныхъ ратоборцевъ нашихъ (68).

А пагубоносная Литва гдѣ? гдѣ сїя древняя злокозненная грабительница Россіи? . . . Россы свѣяли ее, какъ прахъ, съ лица земли (69).

Но тщетно мы тщимся исчесть великія дѣла нашихъ отцевъ и согражданъ; естьли бы мы умножили тысячью и тмами побѣды ихъ, то и тогда не всю,

не всю бы еще измѣрили ихъ славу (70). Кто перечтетъ лучи солнечные, тотъ припомнитъ и всѣ знаменитые подвиги племянъ Славянскихъ.

Да и въ семъ новомъ вѣкѣ намъ же, Славянамъ, свыше опредѣлено было спасать Царей на западѣ, и рѣшить судьбу престоловъ; никому, кромѣ Росса, боги не ввѣрили столь многочестнаго подвига.

Между тѣмъ какъ отъ востока до запада пламенѣла вселенная огнемъ брани, у насъ процвѣтало спокойствіе.

За предѣлами Россіи, сего царства мира, все объято было ужасами войны кровавой, и младенцы трепетали на рукахъ матерей своихъ; — а мы вкушаемъ плоды благоденствія.

Между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ стучитъ плугъ ратая о черепы согражданъ его, и земледѣлецъ собираетъ хлѣбъ съ нивы кровію сродниковъ его утучненной, мы торжествуемъ побѣды наши и въ покоѣ внемлемъ произшествіямъ міра.

Сугубо благодаримъ васъ, Властители судебъ! и молимъ: дополните, дополните вожделѣнное число щедротъ вашихъ! просимъ васъ: дабы сродное къ великимъ дѣламъ юношество наше процвѣтало всегда въ доблести; а подъ шлемомъ посѣдѣвшая старость да насладится честію внуковъ своихъ!

Юноши.

Отжените, боги, отъ страны нашей дерзновенныя ополченія иноплеменныхъ на сушѣ и на моряхъ, повергните подъ неколебимую пяту отцевъ нашихъ ужасныхъ *Волотовъ* (71) и чудообразныхъ *Полкановъ* (72), страшилищъ оскорбляющихъ Природу.

Старцы и мужи.

А ты, грозное божество! лютый *Черно-богъ* (73)! обрати бѣдствіе, гибель и всѣ напасти на главу тѣхъ злокозненныхъ враговъ, которые тайно покусятся на насъ.

Да покроетъ пепелъ грады ихъ; да порастутъ мхомъ ихъ жилища; стада быстроногихъ ланей да отдыхаютъ не робко тамъ, гдѣ свершалися шумныя ихъ пированія; утроба звѣрей дубравныхъ да будетъ гробницею лишеннымъ *тризны* (74) костямъ ихъ; всепожирающій жупелъ огненными языками своими да полижетъ ихъ землю, и мимоидущій странникъ да не познаетъ мѣста обиталища ихъ.

Ликъ общій.

Но да украсятся обиліемъ веси наши; да возникнутъ до звѣздъ златоглавые грады Россовъ; славнопрестольныя столицы Царей нашихъ да превзойдутъ

лѣпотою своею дивный Вавилонъ, стоврашыя Ѳивы (75), страшный свѣту Римъ, и всѣ возпѣлые грады Ахейскіе. Благоденствіе да водворится у насъ во вѣки.

Воины, старцы, мужи и юноши.

Чудесныя свѣтила, знаменующія величіе неба! благодаримъ васъ за подвиги побѣдоноснаго *Всеслава*, громкаго Князя и Воеводы силъ превосходной части свѣта. Онъ былъ честію отечества и дивомъ всего міра.

Ветхая лѣтопись вселенной вѣщаетъ, что тако древле нѣкій знаменитый во Грекахъ, Атридъ, велъ Царей къ стѣнамъ Илліона; во дни же наши боги избрали *Всеслава*, избрали Росса предводительствовать *Порфирородными Витязями.*

Ему поручили они раздавать скиптры Царямъ; ему ввѣрили судьбу міра, и великому духу его не было препонъ.

Страшныя горы, чудовищныя чада Гельвеціи, преклоняли предъ нимъ главы свои, громадами вѣчныхъ льдовъ увѣнчанныя и превыше облаковъ блистающія.

Онъ премѣнялъ ужасныя стремнины въ удобопроходимые долы; солѣпствующіе свѣту водопады, цѣлыя скалы исторгающіе, уступали ему путь; онъ

превозмогалъ непреодолимую Природу.

Вамъ токмо единымъ, сильные боги! вамъ токмо не трудно творить толь разительныя чудеса, какія творилъ *Всеславъ*, приводившей въ недоумѣніе весь родъ слабыхъ смертныхъ.

Нашъ Россъ, нашъ Князь славы возвышался какъ вѣковѣчный кедръ хребтовъ Гиперборейскихъ и вознесъ купно съ собою отечество свое на самый вышній степень безсмертія; Цари, на югозападѣ рожденные, къ нему въ родство вступали, къ нему, посреди мразовъ сѣвера съ огненною душею родившемуся.

Доколѣ твердь существуетъ, дотолѣ страна рожденія его почтется первою страною во всей подсолнечной.

Но когда наступятъ новые вѣки, вѣки праправнуковъ нашихъ и дни еще того дальнѣйшіе, то и тогда, и тогда храбрые рыцари во сонмахъ своихъ будутъ разглагольствовать о великихъ дѣлахъ *Всеслава*.

Мудрые Полководцы, готовясь къ приступамъ и боямъ уклонятся въ безмолвное уединеніе, на холмъ пустынный, и тамъ при дрожащемъ свѣтѣ луны погрузятся о немъ въ размышленіи; или, при мерцаніи полночной лампады, въ шатрѣ безшумномъ, мечтать будутъ о его побѣдахъ, и въ его безсмертномъ военнодѣйствіи почерпнутъ примѣры достохвальныхъ побѣдъ своего времени.

Наши правнуки, дѣды новыхъ потомковъ, не престанутъ твердить въ пѣсняхъ торжества его громкаго имени.

Отъ непогиблющихъ памятниковъ его посыплются лучи славы въ сердца ихъ позднѣйшихъ потомковъ, и возродятъ въ нихъ подобныхъ ему богатырей.

Иноплеменникъ съ благоговѣнїемъ скажетъ о немъ сыну своему: *се богъ войны во образѣ Росса!*

Подъ освященною сѣдиною, коею лѣта и подвиги украшали неоцѣненную главу его, скрывалась неутомимая быстрота къ побѣдамъ; она была стремительнѣе полета орла младаго.

Яко твердое чело *Рифея* (76) неколебимо посреди всесокрушающихъ бурь, тако да будетъ онъ славенъ во всѣхъ вѣкахъ.

Юноши и дѣвы.

Склоните слухъ вашъ, божества предковъ, къ самымъ пламеннымъ мольбамъ нашимъ. Свершите, свершите усердное наше желанїе: дайте всѣ благи дражайшему намъ Царю; мы посвящаемъ ему всю жизнь свою.

Воины, старцы, мужи и жены.

Повергаемся предъ тобою, о правящїй временами *Свѣтовидъ!* сїяй во всемъ велелѣпїи лучей твоихъ по-

4

среди яхонтоваго свода небесъ! услышь гласы наши и сверши наше всеобщее желаніе.

Утѣшай всегда сердце Царево; мы прилѣплены къ Нему всею душею; и веселіе Его — наше щастіе.

> Въ сіе время приносятся кони на жертву, яко даръ лучшій и угоднѣйшій Свѣтовиду; начинаются разныя гаданія, и главный Жрецъ созерцаваетъ внутренняя жертвъ.

Ликъ общій.

О вседѣйствующій *Свѣтовидъ*, и побѣждающая мракъ ночей *Триглава!* боги, чтимые подъ различными именами у всѣхъ народовъ, и ты повелитель стихій, *Перунъ!* и вы мочныя Силы, движущія громаду міра, и всѣ Духи добрые, населяющіе горній чертогъ *Одиновъ!* внемлите гласы сердецъ нашихъ.

Призываемъ и васъ, благоносныя созвѣздія, призываемъ днесь всѣхъ жителей неба, и молимъ низпослать преизящнѣйшіе дары ваши неизрѣченно возлюбленному Вѣнцеславу (77), Великому Царю Славянороссовъ.

Преисполняйте всегда домъ его блаженствомъ и славою.

Тебѣ, *Свѣтовидъ*, онъ подобенъ въ лѣпотѣ; онъ вожделѣнное солнце дней нашихъ; его сестры *Прекрасы* да ощастливятъ безсмертіе самаго *Одина* (78). Его милые братья да украсятъ доблестію всю нашу стра-

му; его благолюбивая матерь, да покровительствуетъ всегда человѣчество; его нѣжную участницу жизни, въ лицѣ коея мы зримъ всѣ добродѣтели, чтить не престанемъ нашею матерью.

Украшайте, Боги, украшайте престолъ его правосудіемъ, милосердіемъ и любовію.

Да ліется изъ очей его радость въ души его подданныхъ, и гласъ его да будетъ всегда гласомъ щастія человѣковъ.

Могущественная десница его да обладаетъ *поясомъ земли и кораблемъ плавающимъ на вѣкахъ* (79).

Онъ сынъ *Спасителя народовъ* (80); ему да покорятся всѣ племена земныя. Сильные боги! распространите предѣлы царства его отъ востока и до запада, отъ сѣвера и до юга.

Да будетъ Держава его Держава всего свѣта, ибо единому Царю Россовъ, по добродѣтелямъ его, достоитъ быть Царемъ всей подсолнечной.

Главный Жрецъ.

> ВЪ восторгѣ обращается къ народу; слезы радости катятся по ланитамъ его; онъ возклицаетъ:

Ликуйте сыны славы, взыграйте Россы! Небеса обѣщаютъ намъ явить сугубыя щедроты. Все благовѣствуетъ событіе нашихъ желаній; великій Вѣнцеславъ

будетъ обладателемъ вселенныя. Се віютъ *Догоды* (81); древа помаваютъ вершинами; рѣки плещутъ во брега; не вой звѣрей, но пѣніе пернатыхъ раздается по рощамъ; птицы рѣютъ, играя въ воздухѣ; огнь *Знича* (82) ярко пылаетъ; пламенѣютъ дубы (83), и густой дымъ ихъ клубомъ вьется подъ облака; *прорицательные жрецы* (84) пали бѣлымъ лицомъ въ верхъ. Понесемъ же сіе радостное упованіе въ домы наши; да исполнится вся страна веселіемъ, и да взыграютъ младенцы на персяхъ матерей своихъ! . . . Слава Россіи пребудетъ во вѣки!

ПРИМѢЧАНІЕ.

(1) По окончаніи жатвы собирался весь народъ Руганскаго острова предъ капище *Свѣтовида* для великаго празднества, и приносилося богу сему множество скота въ жертву, яко богу подателю плодовъ.

(2) *Свѣтовидъ* или *Святовидъ*, богъ сіянія и войны, верховное божество Славянъ, Вандаловъ, Богемцовъ и Пафлагонянъ. Имя его означало *Святый свѣтъ*, всевидящій, смотр. Ис. Росс. Тат. Ч. I. гл. 2. стр: 14 и 15 и Опис. Древн. Славянс. Баснословія. стр. 72. — *Триглавъ*, Славянская *Діана*, получившая свое имя отъ триглаваго истукана своего. Она была чтима Болгарами и Вандалами а въ Кіевѣ имѣла капище на поляхъ, какъ *Звѣроловица* (*Діана*); Славяне почитали ее и подъ именемъ *Зеваны*, коей молилися о щастливомъ звѣроловствѣ. — Опис. Баснослов. стр. 16 и 44. Ист. Росс. Тат. въ той же главѣ и на той же стр. — Изъ сего явствуетъ, что Славяне подъ сими именами обожали солнце и луну, какъ Греки обожали сіи свѣтила небесъ подъ именемъ *Феба* и *Діаны*, или *Кинѳіи*.

(3) Бѣлозерское Княжество въ старину было славно; оно составляло лучшую область Новаграда и извѣстно было въ древности подъ именемъ Веси. Въ немъ жили сѣверные Славяне. А когда Синавъ основалъ на озерѣ свою столицу, коей остатки и поднесь видны, тогда поселились тутъ Варяги и составили съ Славянами одинъ народъ, введя въ обычай ихъ поклоненіе *Одину*. Потомъ на Бѣлѣозерѣ княжилъ Великій Князь Константинъ Всеволодовичъ, и былъ родоначальникъ Князей Бѣлозерскихъ, коихъ знаменитое ополченіе противъ *Мамая* способствовало Димитрію Іоанновичу *Донскому* низложить сего злодѣя Россіи. — Сіе Княженіе претерпѣло великія бѣды отъ Литвы и Шведовъ; стѣны Кириловскаго монастыря свидѣтельствуютъ, что оный монастырь доселѣ былъ твердая крѣпость въ защищеніе отъ враговъ Россіянами построенная. - Преданіе, согласное съ лѣтописями Кириловскаго монастыря. — Знаменитый лѣтописатель Несторъ родился на брегахъ Бѣла озера.

(4) Г. Болтинъ въ примѣчаніи своемъ на Историческое представленіе изъ жизни Рурика говоритъ, что у язычниковъ Руссовъ не было богамъ храмовъ, но обыкновенно жертвы ихъ приносилися на горахъ и холмахъ. — Какой величественной образъ поклоненія! Исторія говоритъ, что Игорь при заключеніи съ Греками мирнаго трактата, клялся предъ Перуномъ на Холмѣ.

(5) У всѣхъ язычниковъ Сѣвера, а паче у Скандикавовъ и Славянъ, при торжествахъ и жертвоприношенїяхъ зажигалися дубы въ честь *Одину* и прочимъ богамъ, вмѣсто факеловъ и свѣчъ. У Варяговъ и Руссовъ зажигалася и благовонная *лихта*, дерево, имѣющее прїятнѣйшїй кипариса запахъ и подобное кедру; только иглы его весьма мягки и душисты. оно растетъ въ сѣверной Россїи. около Олонца Каргополя, Устюга и Архангельска. Сими деревьями нарочно обсаживаемы были священныя и жертвенныя мѣста на время празднествъ, и думать должно, что дубы доставалися изъ южныхъ сторонъ; ибо сїе дерево не растетъ на сѣверѣ.

(6) Варяговъ хоронили доселѣ съ воинскими доспѣхами, и на тѣла ихъ насыпали высокїе бугры, курганами зовомые, что также было у Шведовъ и у всѣхъ Готѳовъ, — Ист. Росс. Тат. Ч. 2 — Примѣч. н. 95. стр. 378 и 379. Жизнь Ольги — Ядро Росс. Ист. стр. 41. — О Славянахъ же говоритъ Несторъ въ той же Ист. Ч 2 стр. 8. — о народахъ), что ихъ тѣла сожигали, и собравъ кости въ сосудъ, поставляли на столпъ при путяхъ; но первой обычай погребенїя сдѣлался общимъ во всей Славянороссїи.

(7) По числу 12 главныхъ боговъ.

(8) У Древнихъ соблюдаемо было вездѣ (равно у Римлянъ и Грековъ) число двенадцать, въ честь числу боговъ; ибо и въ книгѣ Эдды, въ баснѣ VIII написано: „Боги числомъ двенадцать собирались каждой день подъ огромнымъ вязомъ, называемымъ *Идразилъ*, раздая правосудїе смертнымъ. „И по сему числу избиралося и число священнослужителей для приношенїя жертвъ, и число судей въ судилищахъ, каковы были въ Данїи, Швецїи и Норвегїи подъ названїемъ Сената.

(9) *Марцана*, Славянская богиня жатвы. Во время празднества избиралися двѣ прекрасныя дѣвы, изъ коихъ одна представляла *Марцану*, а другая *Сѣву*.

(10) *Сѣва* или *Сиба* богиня Славянъ Варяговъ; ее изображали съ длинными ниже колѣнъ волосами; она держала въ правой рукѣ яблоко, а въ лѣвой гроздъ и почиталася какъ *Помона*, или *Церера*, богинею садовъ и хлѣбородїя.

(11) *Мутонъ* назывались пироги изъ меду и муки сдѣланные, кои приносилися въ жертву *Святовиду* вмѣстѣ съ плодами.

(12) *Услядъ* Кїевскїй богъ пиршествъ и веселїя. При торжествахъ избирался всегда лучшїй юноша и представлялъ бога веселїя.

(13) Еще и понынѣ ведется обыкновенїе у Бѣлозерцовъ приносить соты и пиво для освященїя. Славяне и Варяги долго не знали никакихъ другихъ напитковъ, кромѣ пива и меду.

(14) *Знакъ дыма*, было гаданїе по дыму. Руссы и Варяги по обычаю Скандинавовъ возгнѣтали костры изъ тѣлъ жертвенныхъ, зберегае-

ныхъ въ священномъ *Одиново нъ* лѣсѣ для сожженія въ честь третьему богу *Тору*; и естьли высоко поднимался дымъ, то было добрымъ знакомъ. О дымѣ, см. Mallet, introduction de l'histoire de Dannemarc. О богахъ, Ис. Росс. Тат. Ч. I. гл. 2. стр. 17. — У Славянъ гаданіе дымомъ производилося еще и по *Зничу*, такъ называемому священному огню, которому сооружены были у нихъ храмы и приносилися жертвы, также какъ у Римлянъ огню *Весты*. Къ сему *Зничу* прибѣгали съ мольбами въ случаѣ болѣзней и вопрошался оракулъ.

(15) *Четыреобразный Свѣтовидъ*. Кумиръ его былъ преогромной величины, изъ крѣпкаго дерева, о четырехъ лицахъ, обращенныхъ къ четыремъ сторонамъ міра, востоку, западу, сѣверу и югу, и каждое лицо означало одно изъ четырехъ временъ года. *Свѣтовидъ* былъ изображаемъ безъ бороды, съ завитыми кудрями, въ короткой одеждѣ, по обычаю Славянъ Ругенскихъ; въ лѣвой рукѣ имѣлъ лукъ, а въ правой рогъ изъ металла; на бедрѣ висѣлъ у него превеликой мечъ въ серебряныхъ ножнахъ; въ сторонѣ висѣло сѣдло и узда коня его, и были величины преогромной. Истуканъ сей находился въ славномъ Ахронейскомъ храмѣ и завѣшиваемъ былъ красными превеликолѣпными покрывалами.

(16) *Одинъ*, великое божество всего сѣвера (Мальетъ въ веденіи въ Датскую Исторію описываетъ о немъ подробно). Сей богъ почитался *ужаснымъ грознымъ*, *сокрушителемъ* и *побѣдоносцемъ*, *правителемъ вѣковъ*, *повелителемъ неба и земли*, *строителемъ небесъ*, *свѣта*, и *сотворителемъ человѣка*, *долженствующаго жить вѣчно*. Онъ существовалъ съ *Волотами*, или великанами своими еще прежде міра. — Вотъ какъ разумѣли о *Одинѣ* всѣ жители Норда. Въ знакъ набожности своей сѣверные народы посвятили ему четвертый день недѣли, и называли оной Odensdag или день *Одина* да и нынѣ еще, во свидѣтельство поклоненія ему, хранится у насъ оставшееся отъ Славянъ Варягоруссовъ начальное слово счисленія *единъ* или *одинъ*. Сочинитель Историческаго представленія изъ жизни Рурика говоритъ устами Добрынина представляя Рурику о судьбѣ преступнаго *Вадима* точно сими словами: „прикажи его судить по за„кону прародителя твоего *Одина*; сей пришедъ съ Дона проходилъ „часть Руссіи; его законъ есть законъ Славянъ.„ и проч. — и Г. Болтинъ сего не опровергаетъ.

(17) *Ахронейскій храмъ* былъ храмъ Свѣтовида воздвигнутый въ городѣ Ахронѣ на островѣ Ругенѣ, близъ Помераніи. Храмъ сей былъ дивнаго велелѣпія и наполненъ богатыми приношеніями. Оный столь же былъ знаменитъ на сѣверѣ, какъ храмъ Ефесской на востокѣ но *Вальдемаръ*, Данской Король, взявъ Ахронъ, разорилъ всѣ храмы, и сей съ прочими.

(18) У древнихъ Россовъ и Славянъ титломъ богатыря величали Героевъ, побѣдителей, рыцарей. Надлежитъ полагать, что это было

титло храбраго мужа; какъ нынѣ у насъ титло Кавалера; ибо Владиміръ, сынъ Святослава, наименовалъ *Яна* Переяславца богатыремъ, а отца его ближнимъ своимъ Бояриномъ за побѣду, одержанную надъ Печенегами и въ честь первому построилъ на рѣкѣ Трубежѣ городъ Переяславль.

(19) Вселенной извѣстны вѣчнопамятныя побѣды Россіянъ надъ Турками и Шведами, въ теченіе осмагонадесять столѣтія одержанныя побѣды, родившія новыхъ Героевъ превзошедшихъ многихъ славою своею прежнихъ Героевъ Европы.

(20) *Носса* дочь бога *Одера* и богини *Фреи*, столь была прекрасна, что называли ее именемъ все то, что ни было лучшаго и драгоцѣннаго *Лина* втораянадесять богиня: подъ ея присмотромъ были всѣ тѣ, коихъ богиня *Фригга* миловала и охраняла отъ злополучія.

(21) Такъ назывался *Одинъ* у всѣхъ народовъ Сѣвера.

(22) *Сладкоглаголивый Бальдеръ* былъ сынъ *Одина*, мудрой, краснорѣчивый и сіяющій очами богъ Сѣвера.

(23) *Брагъ* также богъ Сѣвера; онъ былъ покровитель краснорѣчія и Стихотворства; тоже что у Грековъ *Аполлонъ*.

(24) *Идуна* жена *Браса* богиня хранящая яблоки, которыхъ естьли вкусятъ боги, когда почуствуютъ они себя престарѣвающимися, то опять воспріимутъ прежнюю молодость и бодрость свою.

(25) Скандинавскіе пѣвцы *Скальды*, называли стихотворство *питіемъ Одина*. См: Датскую Исторію.

(26) Скальды были Скандинавскіе Стихотворцы и Пѣвцы, тоже что *Барды* у Каледонянъ. Датскіе и Шведскіе Короли никогда не выступали на войну безъ *Скальдовъ*. *Геральдъ* давалъ имъ на пирахъ первыя мѣста. Они не знали лъсти, строго разсматривали дѣла Героевъ и предавали въ потомство токмо достойные хвалы подвиги. Одинъ Норвежской Король поставилъ многихъ изъ нихъ около себя въ день сраженія, и сказалъ имъ: вы не повѣствуйте что услышите, но что сами увидите собственными вашими глазами.,.

(27) *Бардъ временъ нашихъ*. Подъ симъ титломъ Пѣвца вдохновеннаго кто не узнаетъ Гавріила Романовича Державина, коего громкая лира раздаваться будетъ и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ? -- *Бардъ* на Цельтскомъ языкѣ значитъ *пѣвецъ*. Барды воспѣвали славныя дѣла Героевъ. Они столь почтены были отъ народа, что ставъ на средину двухъ войскъ могли остановить сраженіе, хотя бы оно и начато было. Барды почиталися свыше вдохновенными и были судіями поведенія граждан своихъ. *Тренморъ*, прадѣдъ славнаго *Оссіана*, Правитель Каледонянъ, низложа *Друидовъ*, умножилъ преимущества *Бардовъ*. Барды были тоже что Скальды у Датчанъ и у всѣхъ Скандинавскихъ народовъ. Однѣ названія ихъ токмо различны.

(28) Славяне производили имена свои отъ свойствъ духа и отъ славы. *Всеславъ* значитъ имя мужа, одареннаго всѣми совершенствами,

составляющими великаго Героя, и обладающаго всею славою своего времени. Сіе торжественное, многоизъяснительное и во вѣки твердое имя по всѣмъ правамъ принадлежитъ великому Побѣдоносцу, несравненному Князю Италійскому, Графу Александру Васильевичу Суворову Рымникскому, грозному Воеводѣ силъ Царя Русскаго.

(29) *Перунъ*, Славенскій первоначальный богъ. Богъ грома и всѣхъ воздушныхъ дѣйствій. Онъ имѣлъ великолѣпное капище въ Кіевѣ и Новѣ-градѣ на высокихъ холмахъ. Голова у него была серебряная, уши и усы золотые, ноги желѣзныя; въ рукахъ держалъ онъ *молніеносный* шаръ, рубинами и лаломъ (карбункулемъ) украшенный, и священный огнь горѣлъ предъ нимъ неугасимо.

(30) *Свѣтовидъ, страны и грады охраняющій.* Сему богу посвященъ былъ бѣлый конь. Народъ вѣрилъ, что богъ ѣздилъ на немъ побѣждать супостатовъ, и обѣжжаетъ грады и страны Славянскія, отгоняя отъ нихъ всякое зло и вредъ.

(31) *Страшный Нiй*, подземный богъ Славянъ, тоже что у Грековъ былъ *Плутонъ*.

(32) *Свѣтовидъ всегда младый* — какъ выше сказано въ примѣч. 15 — представляемъ былъ безъ бороды и почитался молодымъ и пригожимъ. Никто такъ хорошо не описалъ *Свѣтовида*, какъ Каллимахъ, древній Греческой пѣвецъ описалъ его въ гимнѣ своемъ *Аполлону* — и безъ намѣренія. Стараясь токмо изобразить Греческаго *Ѳеба*, онъ изобразилъ Славянскаго *Свѣтовида* во всѣхъ его чертахъ; разница только въ томъ, что Греческой богъ объ одномъ, а Славянской о четырехъ лицахъ. — Доказательство, что великіе умы встрѣчаются въ изображеніяхъ истинны, и обитая въ разныхъ концахъ міра описываютъ ее одинаково какъ бы согласясь.

(33) *Панацея*, благовонное миро, которое ка́пало на землю съ золотыхъ волосъ *Аполлона*. Сіе взято изъ Каллимаха по поводу сходства свойствъ *Аполлона съ Свѣтовидомъ*. *Панацея* на Еллинскомъ языкѣ, естьли сказать слово въ слово, значитъ *всему лѣкарство;* но Греческой пѣвецъ говоритъ о ней:,, Блаженна та нива, которую ты утучнишь; на ней прозябнутъ растѣнія, плодами богатыя.,,

(34 Сочинитель Историч. представ. изъ жизни Рурика говоритъ, что Рурикъ былъ подъ самою столицею Галловъ, (Французовъ), завоевалъ многіе ихъ города.

(35) Великій Князь Святославъ, воюя съ Греками, увидѣлъ чрезвычайное силъ ихъ превосходство, и рѣшился лучше умереть, нежели постыдно отступить; но съ малымъ числомъ храбрыхъ Россіянъ онъ преодолѣлъ многочисленную силу и былъ невредимъ; что древніе отнесли къ чудесному защищенію Свѣтовида.

(36) Исторія увѣряетъ, что Датскіе и Шведскіе Королевичи служили у Руссовъ и Славянъ въ воинствѣ. Смот. Ист. Рос. Тат. главу о торговлѣ Руссовъ и Славянъ.

(37) *Норниры*; у Сѣверныхъ народовъ были тоже, что Парки у Грековъ

Онѣ называлися *Урда*, *Верданда* и *Скулда*. Имена ихъ значатъ прошедшее, настоящее и будущее. Ихъ почитали пребывающими съ людьми неразлучно.

(38) *Валки*, дѣвы служащія *Одину*. Онѣ препровождали Героевъ на войнѣ убитыхъ въ *Валгалу*, *рай храбрыхъ*, иначе называемый *прекрасный чертогъ Одиновъ*, гдѣ Герои вѣчно пируютъ, и пьютъ медъ и пиво изъ череповъ непріятельскихъ. — Что баснословіе Сѣверныхъ народовъ было баснословіе Руссовъ, и что понятіе о будущей жизни было точно такое, какъ здѣсь изъяснено, то доказательство сему можно видѣть въ примѣчаніи Г. Болтина на Историч. представ. изъ жизни. Рурика.

(39) Скалды называютъ радугу *мостомъ боговъ*, *путемъ неба*, по коему Боги и Герои восходятъ отъ земли въ чертогъ *Одиновъ*, или *рай храбрыхъ*.

(40) *Щитъ ожиданія* былъ у Датчанъ, Шведовъ, а потому и у Варяговъ (ибо обычаи и Варяговъ были одинаковы съ сими народами.) Молодой человѣкъ, вступя въ службу, на первой разъ получалъ щитъ гладкой, называемой: *Щитъ ожиданія*, носилъ его такъ, до тѣхъ поръ, пока славными дѣлами своими не приобрѣталъ позволенія начертать на немъ знаменитые знаки своей храбрости. Никто не смѣлъ имѣть щита украшеннаго знаками геройства, кромѣ воиновъ отличившихся заслугами.

(41) У Славяно-Руссовъ и Варягъ каждой юноша почитался воиномъ, имѣлъ щитъ, мечъ, копье и всегда готовъ былъ къ войнѣ. См. примѣчаніе Г. Болтина на Историч. представл. изъ жизни Рурика.

(42) *Дидилія* тоже что у Еллиновъ *Иллиѳія*, а у Римлянъ *Луцина*. У нѣкоторыхъ Славянъ подъ именемъ *Дидиліи* почиталася *Триглава*, и симъ именемъ называли ее женщины молившіяся о благополучномъ чадорожденіи, а безплодные просили о дѣтяхъ.

(43) *Полеля*, Славянскій Гименей, богъ браковъ, слѣдующій за *Лелемъ*, сыномъ *Лады*, богини любви.

(44) Одинъ Норвежской Король весьма изумился, что не смотря на его восемь воинскихъ подвиговъ презрѣла имъ Россійская дѣвица, въ которую онъ былъ влюбленъ и хотѣлъ взять за себя. — Исторія говоритъ, что Россіянки были Героини; что единый блескъ оружія прельщалъ прекрасныя очи Сѣверныхъ красавицъ; что единая слава оружія довольствовала ихъ собственную любовь, что единая любовь оружія могла соединиться съ чиминною горячностію — Черниговская Княжна *Цепия*, въ которую былъ влюбленъ *Батый*, отвергла скипетръ и царство, отъ него ей предложенныя, и рѣшилась лучше умертвить себя, нежели вступить въ бракъ со врагомъ ея отечества.

(45) *Сынъ Лады*, какъ выше сказано, Славянской *Купидонъ*, а *Лада*, Славянская *Венера*.

(46) *Прекрасою* сперва именовалась мудрая *Ольга*. Сія Великая Героиня

и Царица удивляла всѣхъ современныхъ ей Владыкъ благоразумнымъ своимъ народоправленiемъ и великими дѣлами. О *Гостомыслѣ* же говоритъ Исторiя, что онъ бѣ мужъ храбръ и мудръ, и что многiе Князи отъ дальнихъ странъ приходили моремъ и землею послушати его мудрости, видѣти его судъ и просити его совѣтовъ. Все сiе можетъ равномѣрно относиться къ ПЕТРУ I и ЕКАТЕРИНѢ II.

(47) *Умила,* средняя дочь *Гостомысла* и мать *Рурика.* Отецъ ея видѣлъ во снѣ, что изъ чрева ея выросло древо велико, плодовито, и покрыло градъ велiй, отъ плодовъ же его насыщалися люди всея земли. — Iоакимъ Новогородскiй.

(48) *Зимцерла,* Кiевская богиня весны. — *Флора.*

(49) *Сѣва.* См. примѣч. 10.

(50 *Велесъ,* Славянскiй богъ скотоводства; его почитали во второмъ степени по *Перунѣ.* Онъ имѣлъ божницу въ *Кiевѣ.*

(51) *Конемъ волнъ* назывался у *Скалдовъ* корабль.

(52) *Поясомъ земли и полемъ разбойниковъ* называлося у нихъ море.

(53) *Новый свѣтъ.* Кому не извѣстны достойныя вѣчной хвалы путешествiя *Шелехова*? Онъ соединилъ Россiю съ Сѣверною Америкою, многiя тысячи дикихъ образовалъ и покорилъ Державѣ Россiйскихъ Государей. — Новой Колумбъ! безсмертный человѣкъ!

(54) *Коляда,* Кiевской богъ мира; празднество ему совершалось съ великимъ веселiемъ и играми 24 Декабря.

(55) Точное изреченiе самаго *Одина.* Дат. Ист.

(56) *Слезами Фреи* Скалды называли золото. Богиня *Фрея* разставшись съ супругомъ своимъ *Одеромъ,* которой пошелъ странствовать въ дальные краи, плакала о немъ неутѣшно и слезы ея превращались въ чистое золото.

(57) Кто изъ Россовъ не знаетъ о томъ, что здѣлали безсмертные и памятниковъ достойные мужи, *Пожарской* и *Мининъ* будучи подвигнуты любовiю общею и ревностiю къ спасенiю отечества?

(58) Это истинная черта великаго духа Славянороссовъ, черта ихъ природы, доказанная несчетными побѣдами и завоеванiями. См. примѣчанiе Г. Болтина на Ист. представ. изъ жиз. Рурика и Росс. Ист. Тат. жизнь Святослава перваго.

(59) Подлинныя слова *Одина.* Датс. Ист.

(60) *Кровавою банею* Скальды называли войну.

* Въ 242 году *Славяне* извѣстные въ то время подъименемъ Аланъ побѣдили при Филлипополисѣ во Ѳракiи на открытой битвѣ Императора Гордiана воевавшаго противу Персовъ. Въ пятомъ же вѣкѣ Алане вмѣстѣ съ единоплеменниками своими Вандалами вошли въ Галлiю (Францiю) и Иверiю (Гишпанiю), гдѣ волѣ царя ихъ *Атакса* все покорствовало. — См. книгу о народахъ издревле въ Россiи обитавшихъ.

(61) Олегъ побѣдилъ Грековъ и въ знакъ побѣды своей повѣсилъ щитъ свой на вратахъ Константинополя. Ист. Росс. Тат Ч 2, лист. 20.

(62 Августъ писалъ къ олководцу Лукуллу, чтобы онъ отнюдь не заводилъ войны съ непреодолимыми Сарматами - Подъ симъ названіемъ разумѣли Римляне всѣхъ Славянъ. — Аттилу, которой писался *страхъ вселенныя* Славяноросcы, Сарматами имянуемые, побили на голову на поляхъ Каталонитскихъ. — *Ядро Росс. Ист.* стр 19.

(63) Славяне помогали Александру Великому въ завоеваніи міра, и похвальную грамоту отъ него получили, которая находится въ архивѣ Султана Турецкаго.

(64) Сколько разъ Дербентъ и Бака были залогами Россійскаго торжества надъ Персами! Въ семъ древнемъ царствѣ Дарія во вѣки памятны будутъ не однократныя побѣды Россійскаго воинства, и славный трактатъ ПЕТРОМЪ I, съ Персіею заключенный. См. Дѣян. ПЕТРА Великаго Част 8 стр 588 и 589. Да и во дни ЕКАТЕРИНЫ Премудрой, вождь силъ ея, Гр. Зубовъ великодушіемъ своимъ и храбростію воинства подтвердилъ Персамъ всегда постоянную славу Россовъ.

(65) Царства Казанское, Астраханское и Великая Пермія, были доселѣ подъ державою губителя России, *Батыя*, потомка *Чингизхановa*, завоевавшаго почти всю Азію, съ оныя царства и еще многія страны Востока составляли одно общирное Ордынское Государство, котораго столицею былъ городъ, такъ называемый *Шири Сарай*, т. е. *золотой дворецъ*, гдѣ жилъ *Батый*, и отъ чего имя Золотой Орды произошло. Развалины сего города и понынѣ видны на берегу рѣки *Ахтубы* въ 35 верстахъ отъ Царицына, — См. Казанскую Исторію о *Чингизханѣ и Батыѣ.*

(66) *Рыцарь Тевтоновъ*, безсмертный Фридрихъ, Король Прусскій, потомокъ Кавалеровъ Тевтоническаго Ордена. До 1525 года Пруссія принадлежала симъ Кавалерамъ, и предокъ его *Албертъ*, младшій сынъ Брандебургскаго Дому, былъ Великимъ Магистромъ того Ордена и проч. — Статья изъ Географіи Аббата да-ла Круа. — И Фридрихъ испыталъ, сколь тяжка десница разгнѣваннаго Росса.

(67) Готеы предки Шведовъ. — Достопамятное бытіе Карла XII свидѣтельствовать будетъ во всѣхъ вѣкахъ величіе богоподобнаго ПЕТРА I, творца Россіи и сокрушителя Швеціи.

(68) Вселенная никогда не забудетъ побѣды безсмертнымъ *Задунайскимъ* при Кагулѣ надъ Турками одержанной.

(69) Гдѣ Польша, древняя губительница Россіи? . . . а слава Великой ЕКАТЕРИНЫ, пребудетъ долголѣтнѣе самыхъ царствъ; съ нею пойдетъ въ вѣки и Гр. Суворовъ.

(70) Дѣйствительно побѣды Россіянъ не смѣтны. Исторія соблюла

много доказательствъ, весьма достаточныхъ на уражение завистниковъ и лжехулителей России, что не токмо въ ПЕТРОВЪ и ПАВЛОВЪ вѣкъ, для нее толико славный, но и во время еще отдаленнѣйшей древности Славяноруссы были побѣдители царствъ, и лучшій народъ во всей подсолнечной, самый привершеннѣйшій ко благу отечества своего. Великіе мужи, Князь Пожарской! Князь Долгоруковъ! и ты великій Мининъ, благотворители всего потомства, примѣръ Героевъ и Судей! Священныя имена ваши разпаляютъ сердца потомковъ сугубымъ жаромъ любви къ отечеству. — Вы являетесь какъ солнца, при каждомъ помышленіи о славѣ отечества.

(71) *Волоты* были у Славянъ тоже, что у Грековъ *Гиганты*, или великаны.

(72) *Палканы*, Славянскіе *Кентавры*.

(73) *Черно-Богъ*, или черной богъ, у Славянъ былъ богъ зла, какъ у Персовъ *Ариманъ*.

(74) *Тризна*, торжественное поминовеніе по усопшихъ, отправляемое съ жертвоприношеніями. Князьямъ и Вельможамъ приносили на тризнахъ плѣнниковъ въ жертву. — См. Истор. Росс. — Жизнь *Ольги* и той же Ист. примѣч. — Ч, 2 стр 395.

(75 Слава Ѳивъ и дивное ихъ великолѣпіе описаны подробно Діодоромъ Сиц. въ кн. I отдѣл. 2 стр 75

(76) *Рифей*, или *Рифейскія горы*, названы по имени *Рифата*, внука *Мосоха*, нынѣ называются горами *Уральскими*, а съ ними вмѣстѣ подъ однимъ названіемъ и горы Гиперборейскія. Сей поясъ горъ весьма славенъ въ Исторіяхъ Иродота, Діодора и прочихъ древнихъ бытія Писателей, гдѣ помѣщено много басней о народахъ, обитавшихъ за сими высокими горами, куда ни одинъ изъ древнихъ путешественниковъ не осмѣливался пуститься, конечно по причинѣ степей и стужи. Полагаютъ, будто на горахъ Гиперборейскихъ былъ храмъ *Аполлона*. Діодоръ говоритъ, будто Гиперборейцы присылали въ Делосъ богатыя приношенія *Аполлону*, и что Греки почитаютъ сего бога пришедшимъ отъ Гипербореевъ.

(77) *Вѣнцеславъ*. Симъ изящнымъ и безсмертнымъ именемъ назывались у Славянъ Владыки мудрые, побѣдоносные. Въ наши времена сіе превосходное и много выразительное наименованіе совершенно принадлежитъ Государю обожаемому Россіею: АЛЕКСАНДРУ I.

(78) Въ книгѣ Эдды упоминается, что *Одинъ*, бывъ въ Россіи, полюбилъ *Ринду*, Царевну Русскую, и сочетавшись съ нею имѣлъ отъ нея сына *Вали*, отмстившаго смерть *Бальдерову*.

(79) *Поясъ земли*, какъ выше сказано, есть море; *а кораблемъ, плавающимъ на вѣкахъ*. Скальды называютъ землю.

(80) Священнымъ титломъ *Спасителя народовъ* возвеличили Царя Славянъ народы спасенные Его рукою отъ жестокости Французовъ. *Доколѣ*

[illegible] будетъ солнце, дотолѣ вселенная не престанетъ чтить въ [illegible] Заступника Царей.

(81) *Погода.* Славянской богъ пріятнаго вѣтра и ясной погоды, тоже что и Зефиръ.

(82) *[illegible]* См. примѣч. 14; знакъ дыма.

(83) У сѣверныхъ язычниковъ во все время жертвоприношенія горѣли дубы. См. примѣч. 5, о дубахъ и пихтѣ.

(84) *Предвѣщательные круги.* У Славянъ было множество гаданій въ употребленіи. Они гадали по дыму, по крику животныхъ, по полету птицъ. по струямъ и пѣнѣ рѣкъ, по движенію и яркости огня и проч. но гаданіе кругами было самое главное. Круги сіи имѣли одну сторону бѣлую а другую черную; когда круги, бывъ брошены упадали бѣлою стороною вверхъ, тогда народъ радовался: ибо то былъ щастливой знакъ. — Сверхъ того еще было особое гаданіе по поступи между копьями коня *Свѣтовидова.* — Гаданія производимы были во время жертвоприношенія. — См. Описаніе Славянс. Баснословія, стр. 58. —

Опечатки въ книгѣ: *Картина Славянской древности.*

стран.	стр.	*напечат.*	*читай.*
10	18	вливается	возливается
12	15	градъ	грады
29	1	Примѣчаніе	Историческія примѣчанія.
—	—	Руганскаго	Ругянскаго
52	8	превзошедшихъ многихъ славою своею прежнихъ	превзошедшихъ славою своею многихъ прежнихъ
—	19	*Идуна жена Браса*	*Идуна жена Брага.*

СЛАВЯНСКІЯ ПѢСНИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Славянскія пѣсни суть слабое подражаніе прекраснымъ пѣснямъ Амазонокъ, Нѣмецкаго Автора *Вейсе.* — Сей Геній Германіи вдохнулъ мнѣ мысль обратиться къ достопамятнымъ вѣкамъ нашихъ предковъ, къ вѣкамъ богатырскимъ; я увидѣлъ, что въ пѣсняхъ Амазонокъ сіялъ, какъ солнце, духъ Славянъ; тотъ великій духъ, который древле водилъ полками ихъ и перомъ *Бояна.* И такъ придерживаясь единственно онаго, вездѣ торжествовавшаго въ геройскія времена, духа сыновъ славы, я представляю потомкамъ побѣдоноснаго народа вмѣсто Амазонскихъ пѣсней пѣсни Славянскія, яко пѣсни отечественныя. — Въ Картинѣ Славянской Древности, въ 37 примѣчаніи сказано мною, что Славянки, или Россіянки, были героини, — какъ то свидѣтельствуетъ и сама Исторія; — что единый блескъ оружія прельщалъ прелестныя очи сѣверныхъ красавицъ; что единая слава оружія довольствовала ихъ собственную любовь; что единая любовь оружія могла соединиться съ истинною горячностію. Слѣдовательно Амазонскія пѣсни, пѣсни Славянъ. Въ доказательство

тому, что народы сѣверные имѣли обычай сопрягать любовь съ храбростїю воинскою, служитъ достигшая до нашихъ дней пѣснь Геральда храбраго, Норвержскаго Князя, которой бывъ влюбленъ въ дочь Ярослава I го, въ прекрасную Елизавету неиначе получилъ ея руку, какъ по свершенїи многихъ славнѣйшихъ подвиговъ и вотъ какъ Ирой жалуется въ пѣсни своей на суровость благородной красавицы. *Павелъ Львовъ.*

ПѢСНЬ

Гаралда Храбраго.

Корабли мои какъ объѣхали,
Какъ объѣхали всю Сицилїю;
Возблистали мы честью, славою.
Темной мой корабль съ вои храбрыми
Быстро волны сѣкъ по моей волѣ.
Любовался я сей охотою,
Сей охотою мореходною —
А всё не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Я сраженье велъ въ моей юности
Со народами со Дронтгеймскими;
Войска были ихъ многолюднѣе:

Тутъ была битва, битва страшная;
Что ни страшная, кроволишная:
Я Царя повергъ на сыру землю —
А всё не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Во ладьѣ было насъ шестнадцать душъ:
Взбушевалася буря грозная,
Подняло валы море синее,
И нахлынуло ладью полную;
Мы тотчасъ воду всё вылили,
И я чаялъ ужъ получить успѣхъ —
А всё не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Шести подвиговъ мнѣ не стать учить;
Я сражаюся храбро, рыцарски:
На борзомъ конѣ быстро бѣгаю;
Мастерски плавать — то мое дѣло;
На конькахъ летѣть, мнѣ какъ пыль сметать;
Копïе бросать — кто проворнѣе?
Во гребцахъ грести — ни матросу такъ! —
А всё не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Ты скажи, скажи, прелюбезная,
Молодая ты, красна дѣвица!
Въ день тотъ, какъ въ странѣ во полуденной

Я сраженіе далъ кровавое:
Я не храбро ли нападалъ въ бою,
Не оставилъ ли славныхъ признаковъ
Моихъ подвиговъ и моихъ побѣдъ? —
А все не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Я съ младенчества въ первой свѣтъ узрѣлъ
Во высокой ли во Норвегіи.
Ея жителей нѣтъ искуснѣе
Напрягать легко луки крѣпкіе
И бросать изъ нихъ стрѣлы меткія.
Но я лучше счелъ управлять суда,
Страхъ и ужасъ сей для людей простыхъ,
Управлять суда между скалъ морскихъ.
Гдѣ слѣдовъ нѣту человѣческихъ,
Гдѣ полетъ птицы не былъ въ воздухѣ;
Кораблями я тамъ моря переплылъ —
А все не милъ я Руской дѣвицѣ!..

СЛАВЯНСКІЯ ПѢСНИ.

I

Сбыславъ и Владислава.

Пѣснь пѣтая по разбитіи Аттилы на поляхъ Каталонитскихъ (*).

Владислава.

А! вотъ онъ, вотъ мой богатырь, покрытый прахомъ поля ратнаго, обагренный кровію полковъ *Аттилиныхъ*; съ лица его катится потъ градомъ! Никогда *Сбыславъ* не являлся мнѣ толь прекрасенъ! никогда очи его не сіяли столь живымъ, столь яркимъ огнемъ!

Бѣги ко мнѣ! . . . я трепещу отъ радости! Подай мнѣ орлеперый шлемъ твой; подай мнѣ твой мечь; съ него еще струится кровь! обними меня, переведи духъ, и въ моихъ объятіяхъ отдохни отъ ужасовъ брани.

(*) Исторія увѣряетъ, что Славяне, подъ имянемъ Сарматовъ и Роксоланъ болѣе въ древности извѣстные, побили на голову *Аттилу* на поляхъ Каталонитскихъ.

Успокойся на персяхъ моихъ! я отру потъ съ чела твоего, я смою кровь съ ланитъ твоихъ!... Какъ румяна щека твоя!... *Сбыславъ!* ахъ! *Сбыславъ!* твоя *Владислава* никогда еще не пылала къ тебѣ толико пламенною любовію!

Ни даже тогда, когда ты, ополченный всею отважностію юношескихъ лѣтъ твоихъ, пришелъ ко мнѣ подъ сѣнь многолѣтныхъ дубовъ, и заключивъ меня въ сильныя твои объятія, унесъ далеко отъ родины моей! тогда еще я усматривала въ очахъ твоихъ твое безсмертіе; а нынѣ, нынѣ познаю совершенно, что оно твое богатое достояніе.

Вы же, пѣвцы временъ богатырскихъ, Скальды! возгремите на доброгласныхъ арфахъ вашихъ, въ священыхъ рощахъ молніедержавнаго *Перуна* (*), возгремите пѣснь побѣды, и возвѣстите міру, что *Сбыславъ* безсмертнѣе *Аттилы*.

Сбыславъ.

Почто ты завиваешь въ кудри власы мои? Или ты не зришь досточтимаго *Мечеслава*, престарѣлаго отца моего, плавающаго въ крови? онъ уснулъ навѣки,

---

(*) *Перунъ*. Богъ грома, темныхъ облаковъ и всѣхъ воздушныхъ дѣйствій; первый богъ Славянъ.

распростершись по долинѣ ратной. О! естьли бы не спасся бѣгствомъ *Аттила*, *сей бичь боговъ*, *млатъ вселенныя* (*), коего трепещутъ звѣзды, дрожитъ земля.... я разметалъ бы члены его по всему побоищу. Страшные *Гунны*, *Скиѳы*, *Аваръ*, *Аланы* и цѣлые народы, составляющіе ужасные міру полки его, (**) не заградили бы *Аттилу* отъ руки моей.

Владислава.

Дозволь мнѣ, *Сбыславъ*, дозволь завить кольцами твои курчавые власы; подъ этимъ свѣжимъ вѣнкомъ они будутъ мнѣ милѣе! *Мечеславъ* ликуетъ въ чертогѣ *Одина* (***), лучше за нимъ послѣдовать, нежели крушиться о немъ.

II

Прощаніе Славянки съ любезнымъ ея, при началѣ войны.

Полно, юный воинъ! полно наслаждаться любовію и покоемъ. Доселѣ ты тщился токмо нравиться мнѣ,

(*) Тако самъ о себѣ выдавалъ Аттила.

(**) Всѣ сіи народы составляли угрожающую всему свѣту опустошеніемъ силу *Аттилы*, когда пришелъ онъ изъ Скиѳіи въ Галлію.—Въ книгѣ, Картина Древности, част. 1 глав. 2. стр. 34.

(***) Чертогъ *Одина*, пресвѣтлый рай сѣверныхъ героевъ.

и увѣрять меня, что любовь твоя безвѣрна.

Доселѣ то отъ хорошаго вина, то отъ пламенныхъ устъ моихъ разгорячалось твое рьяное сердце; ты засыпалъ подъ нѣжнымъ звукомъ цѣвницъ, ты почивалъ въ моихъ объятіяхъ.

Днесь ты пробуждаешься отъ грознаго звука бубновъ и трубъ воинскихъ; *прелестныя пѣсни брани зовутъ тебя къ богатырскимъ подвигамъ.*

Гордое знамя *уже распустилося* и вѣется надъ главами *воинства. Уже раздаются* громы *Радегаста* (*); онъ подъемлетъ страшное копье свое и вызываетъ тебя *сражаться.*

Твой бодрый конь *уже* осѣдланъ: онъ роетъ копытомъ *землю,* крутитъ бурною головою своей, алчетъ бою; изъ ушей его валитъ дымъ, изъ ноздрей его пышетъ огонь.

Онъ опѣняетъ позлащенныя бразды блестящей узды и потрясаетъ волнистою гривой; сребреныя удила хрустятъ въ челюстяхъ его: *уже ли* ты не

(*) *Радегастъ*, идолъ Варяжской. Онъ держалъ на груди щитъ съ изображенною воловьею головою, въ лѣвой рукѣ копье, на шлемѣ имѣлъ пѣтуха съ распростертыми крылами. Сей богъ почитался защитникомъ градовъ, и былъ *Марсъ* Варяговъ; ему приносилися въ жертву плѣнники. По окончаніи жертвоприношенія начинался жертвенный пиръ съ музыкою и плясаніемъ. *Радегастъ* былъ храбрый Князь Вандаловъ, и Алань, и братъ того славнаго *Аларика* Князя Норманскаго, которой взялъ Римъ.

слышишь, какъ порывисто ржетъ онъ и призываетъ симъ тебя?

А тамъ ратникъ, склонясь на щитъ свой, горитъ нетерпѣніемъ. Супруга мать подноситъ къ нему сына, чтобъ еще разъ облобызалъ онъ его; она рыдаетъ, не можетъ вымолвить ни слова. Онъ беретъ младенца, прижимаетъ его къ отеческой груди своей, и потомъ хладнокровно отсылаетъ ихъ обоихъ.

Что медлишь ты? . . . Опояшй мечь твой: онъ жаждетъ крови враговъ. Ахъ! когда извлеченъ будетъ онъ изъ влагалища своего, то да нанесутся имъ вѣрные удары, да не падетъ онъ изъ руки твоей, доколѣ она будетъ имъ дѣйствовать! Отечество да почтитъ его, и да речетъ о немъ нѣкогда: *Симъ мечемъ владѣлъ Витязь.*

На полѣ брани да трепещетъ сердце твое отъ возжеланія славы, точно такъ, какъ мое бьется отъ любви; это вѣрное тебѣ сердце!

Лобзаніями твоими ты осушаешь источники слезъ, текущія по огненнымъ щекамъ моимъ. Ахъ! естьли бы я могла на побоищѣ осушить лобзаніями моими кровь и потъ, коими чело твое будетъ орошено!

Слава ожидаетъ тебя на сраженіи; она требуетъ тебя отъ любви моей; о юный воинъ! слава моя совмѣстница; къ ней токмо единой я тебя ревную.

Ступай, гряди! ознаменуй твое мужество и не

совращайся съ той стези, которая ведетъ Витязей къ вѣчной славѣ.

III.

Радостная Пѣснь Славянки

При возвращеніи любезнаго ея по окончаніи войны.

Онъ идетъ!... внимай прилѣжно, ухо мое! младой богатырь мой идетъ. Восходитъ солнце, и освѣщаетъ поле брани кровію увлаженное.

Уже раздаются тимпаны и трубы у вратъ башенъ нашихъ: внемля симъ звукамъ, сердце мое замираетъ отъ радости; моя грудь трепещетъ.

Лѣсъ блистающихъ копей приближается въ огромномъ строѣ, и знамя, пронзенное стрѣлами, торжественно вѣется надъ полками.

Уже я вижу длинные ряды всадниковъ приближающимися. Чей конь играетъ посреди ихъ? Не тотъ ли это конь, на которомъ полетѣлъ мой любезный по дорогѣ, лежащей къ славѣ?

Но вотъ и самъ онъ! вотъ мой любезный! онъ точно. Пламя взоровъ его проницаетъ сквозь облако пыли; зеленая вѣтвь украшаетъ шлемъ его, и потомъ окроплено его лице.

Сокрой сіяющій мечь твой во влагалище, мечъ

толико бѣдоносный сопротивнымъ! спрыгни съ бурнаго коня твоего, спрыгни прямо въ мои объятія!

О радость! о наслажденіе! . . . Прижми меня смѣлѣе къ груди твоей: отъ восхитительныхъ лобзаній нашихъ да перельется душа моя въ твою душу.

Сколь прелестенъ мужественный, загорѣлый отъ солнца зракъ твой! ты не столь былъ пригожъ тогда, какъ нѣжился въ прохладной тѣни рощъ.

Небрежно разметанные власы твои издаютъ запахъ военныхъ огней; власы твои стократъ прекраснѣе теперь, нежели были они завиты къ кудри и умащены благовонными мазьми.

Ты опоясуешь меня златою лентою! откуда эта лента? О всевожделѣнное щастіе! . . . Ею украшено было знамя сопротивныхъ, тобою у нихъ отъятое.

Опоясуя меня сею лентою, ты связуешь во мнѣ славу съ любовію. Какъ злато ея свѣтится отъ солнца. . . . такъ душа моя горитъ тобою!

Твоя грудь раскрылась . . . . посмотримъ . . . много ли на ней ранъ? . . . Ахъ! дай мнѣ видѣть ихъ, исчислить, и покрыть несметными лобзаніями.

Ахъ! почто я не могла видѣть твою алую кровь, какъ текла она изъ ранъ? почто не могла я удержать ее, между тѣмъ какъ ты бы успокоился на груди моей?

Любовь глубоко запечатлѣваетъ въ сердцѣ моемъ

сїи знаки славы; они въ немъ останутся незагладимы до самаго гроба.

IV.

Пѣснь Славянки

Во время шума сраженія, вдали происходящаго.

Да, ужасная брань начинается . . . основаніе земли колеблется; зарево рдѣетъ на небѣ; громъ гремитъ и отдается во глубинахъ преисподней.

Рыдающія жены и терзающіяся матери объяты страхомъ и отчаяніемъ: онѣ трепещутъ, едва дышатъ.

При каждомъ звукѣ, исходящемъ изъ пылающаго огнемъ жерла смерти и достигающемъ на крылахъ вѣтра до слуха ихъ, онѣ испускаютъ вопли скорьби.

Прочь отъ меня, чувствованіе несмысленной толпы! прочь, постыдныя воздыханія! Здѣсь мужество сражается; за нимъ слѣдуетъ торжество; поздравляю тебя, младый воинъ мой!

Но что я испытую? . . . что за трепетъ объемлетъ всѣ мои члены? Я воспаряю; вихрь подъемлетъ меня превыше облаковъ!

Подъ стопами моими простираются мраки ночи, той ночи, которая въ пылу битвы и явную смерть содѣлываетъ невидимою . . .

Но я вижу два воинства, предстоящія одно другому въ страшномъ чинѣ: они измѣряютъ шагами своими обширную гробницу свою; обагренные кровію вѣнцы будутъ добычею побѣды.

Разширь крылѣ твои, Слава! разсѣй туманы, да узрю подвиги младаго витязя моего, да узрю его ратоборствующа.

Гдѣ онъ? . . . А! я усматриваю его тамъ въ первомъ ряду воиновъ. Они всѣ подобно ему рвутся преодолѣть смерть и достичь побѣды.

Они составляютъ ужасную тучу, готовую родить бурю! Тако зрятся облака, перунами преисполненныя, когда протягаются они по вершинамъ горъ и ниспускаются въ долины.

О юноша, воспламененный славою! буди непобѣдимъ. Ты сражаешься за отечество, на тебя устремлены мои очи!

Я вижу его одушевленна доблественнымъ жаромъ мужества, и толико твердымъ, какъ непремѣнна судьба. Смерть уже въ десницѣ его: горе тому, кто дерзнетъ ему противустати!

Кипящее нетерпѣніемъ сердце его негодуетъ, что не съ него началося сраженіе, между тѣмъ какъ по другую его страну текутъ уже рѣки крови.

Свирѣпѣющій подъ нимъ конь багритъ брозды

кровавою пѣною: хочетъ пуститься, рвется и терзаетъ ногами землю.

Десять кратъ юный витязь мой надвигалъ на чело шлемъ свой съ видомъ гнѣвнымъ и грознымъ; онъ втайнѣ ропщетъ на Воеводу своего, почто не велитъ ему ударить на врага.

Онъ обращаетъ къ нему взоры свои . . . Постой! какіе пріятные раздалися звуки! возбудительная труда загремѣла; объявляющая битву дробь бубновъ уже разсыпалась по воздуху.

Вражда и смерть бѣгутъ на крикъ брани: онѣ вооружены окровавленными свѣточьми и объяты густыми парами смраднаго жупела.

Онѣ сообщаютъ ярость свою душѣ каждаго. Сердца бьются подъ латами, и ратоборцы алчутъ токмо смерти.

Въ тѣни нахмуренныхъ бровей сверкаютъ раскаленныя ихъ очи; закусивъ отъ гнѣва трепещущія уста, они являютъ лютость свою въ каждой чертѣ лица.

Наконецъ юный богатырь мой оправилъ шлемъ на величавой главѣ своей; взволновались на немъ перья, сталь блеснула, и храбрые сподвижники его повинуются единому его манію.

Ряды смыкаются, кони зближаются, производя зыкъ отъ брони. Свершилось! . . . . онъ повелѣлъ, ослабилъ бразды, и самъ первой пустился какъ молнія.

Подобно богу войны, онъ предъидетъ, послѣдуемъ будучи своими храбрыми. Врагъ противится ему; но внезапу мечь витязя моего пролагаетъ широкую дорогу.

Тако многоводный потокъ, проливнымъ дождемъ усугубленный, стремится съ высоты горней, увлекая волнами своими стада, древа и самые камни.

Горы, до небесъ возносящіяся, не сильны остановить быстроты его; онъ мититъ на влажномъ хребтѣ своемъ знаки великихъ опустошеній.

Какіе крики! какой шумъ! . . . левъ стязуется съ тигромъ. А! теперь то вины отцевъ воспомянуты въ сердцахъ сыновъ ихъ.

Страшной гулъ грохочетъ по лѣсамъ, эхо воетъ въ пещерахъ кремнистыхъ скалъ; звѣненіе ратныхъ доспѣховъ и стукъ мечей наполняютъ воздухъ; мертвые и умирающіе покрываютъ землю.

Но что я зрю! цѣлые легіоны возстали на моего витязя, окружили его, какъ будто онъ одинъ опаснѣе всѣхъ противоборцевъ . . . . Ахъ! уже конь его обагренъ кровію.

Онъ бѣжитъ, бѣжитъ . . . Нещастная! что мнѣ представилось? . . Прочь позорное и ужасное видѣніе! я отвращаю отъ тебя взоры мои, и болѣе не познаю тебя, витязь мой!

Увы! что естьли онъ бѣжалъ! . . . Ему бѣжать? бѣжать моему любезному съ поля славы? бѣжать ему, который

всегда искалъ побѣды, или смерти? . . . . Нѣтъ . . . скорѣе умру, нежели увижу его бѣгущимъ.

V.

Пѣснь Славянки

При побѣгѣ непріятеля.

Раздался звукъ могущественной трубы! Побѣда наша! слава гремитъ; душа моя воспрянула! Гдѣ сопротивные? . . . Они бѣгутъ.

Тщетно врагъ сокрываетъ блѣдное и отчаянное лице свое во облакѣ пыли; устрашенный голубь не избѣгнетъ быстрыхъ орлихъ зѣницъ.

Супостатъ бѣжитъ! — но онъ гибнетъ, разимый десницею богатыря моего, который, попирая умирающихъ, устилаетъ землю трупами.

Непріятель бѣжитъ! — Тако бѣгутъ тучи отъ сильнаго дуновенія разъяреннаго *Похвиста* (*); онѣ разсѣяны: ихъ нѣтъ ужъ болѣе, и солнце являетъ пресвѣтлый зракъ свой во всей лѣпотѣ лучей его.

(*) *Похвистъ*, Славянской Эолъ, котораго признавали богомъ непогодъ; у Кіевлянъ почитался онъ богомъ воздуха, вёдра и ненастья. Онъ имѣлъ храмъ въ Кіевѣ и по другимъ Славянскимъ городамъ.

Младый витязь мой то подъемлется, то преклоняется на конѣ своемъ, безпрестанно поражая врага; мечь его тяжко погружается на черепъ спротивныхъ . . . Ахъ! спасайтесь, нещастные, отъ неутомимой мышцы его.

Зрите — онъ сокрушаетъ самыхъ отважнѣйшихъ изъ васъ, и потопляетъ полки ваши въ морѣ крови . . . Вы возначинаете битву? . . . Сражайтесь! раздражайте его еще болѣе.

Туча смертей разверзла надъ главами вашими свои истребительныя хляби: никакое б жество не спасетъ васъ, ни единый витязь вашъ съ моимъ витяземъ сравниться не можетъ!

Стопы ваши скользятъ по увлаженной кровїю землѣ; вы падаете, кони ваши вспотыкаются, свергаютъ васъ съ себя, и смерть вездѣ преслѣдуетъ васъ.

О юноша! естьли тебѣ возможно хотя на часъ укротить одушевляющую тебя ярость, такъ обрати вспять око твое и виждь, какой ужасный пропекъ ты пута!

Ахъ! какое обширное попорище потоплено въ крови и усѣяно обезображенными трупами! Куда ни взглянешь, повсюду смерть совершила избыточную жатву . . .

Но кто тамъ страждетъ посреди издыхающихъ ратниковъ и поверженныхъ коней? чье слышно жалобное взывание? увы! то умирающїй воинъ напрягаетъ силы свои, чтобъ востать еще.

Глава его разсѣчена; томнымъ гласомъ призываетъ онъ израненаго друга своего: „сжалься надо мною! „восклицаетъ ему, и естьли собственныя страданія не „препятствуютъ тебѣ — умертви меня скорѣе!„

О пригожій юноша! . . . можетъ быть ратоборецъ сей былъ столь же пригожъ, какъ и ты; о младой, храброй богатырь! можетъ быть и онъ былъ храбръ, тебѣ подобно.

Страстная любовница можетъ быть оплакиваетъ теперь его отсутствіе, бродя по брегу тихо журчащаго ручья; а въ часы унылой ночной тишины соединяетъ она стенанія свои съ жалобными пѣснями соловья . . .

Остановись, младый витязь! постой! полно собирать добычи на преславномъ твоемъ поприщѣ! широкія раны сражающихся воиновъ, обильнымъ изверженіемъ крови убѣждаютъ тебя быть сострадательнымъ.

Попранный въ прахѣ врагъ съ покорностію лобзаетъ побѣдоносный мечь твой. Воззри на себя, о другъ сердца моего! ты самъ весь окропленъ кровію и потомъ.

Уже ратоборецъ ощущаетъ тяжесть меча своего; усталой рукѣ его потребенъ отдыхъ: подгибаются колѣни запыхавшагося коня подъ грузнымъ всадникомъ.

Остановись! . . . Ратная музыка велитъ тебѣ отступить! . . . храбрые клевреты твои скопляются вокругъ тебя и предстоятъ тебѣ . . . Ахъ! теперь то соглядай ихъ . . .

Всѣхъ ли ты обозрѣлъ ихъ, юноша; всѣхъ ли ты изчислилъ? Число друзей твоихъ не полно; — тѣмъ менѣе богатырей.

Ты плачешь? . . . Плачь! теките слезы изъ сердца благороднаго! сїе чувствованїе человѣколюбїя содѣлываетъ тебя великимъ паче нежели побѣда.

Омой ихъ раны, омой ихъ слезами твоими! Могла ли бы я любить тебя, естьли бы не вѣдала твоей великой души и сердца чувствительнаго?

Но оплачь также и сопротивника твоего; онъ умеръ богатырски. Тотъ, кто не оплакиваетъ побѣжденнаго, достоинъ умереть равною съ нимъ смертїю.

Онъ стонетъ, проситъ у тебя помощи: спѣши облегчить его страданїя! онъ благословитъ побѣдителя своего: тогда ты восторжествуешь вторично.

А ты, Слава! греми въ трубу твою! изуми вселенную! Повѣдай ей, что сїи великїя дѣла сотворилъ истый Славянинъ, досточестный витязь, и что витязь сей — любезный мой!

VI.

Радостная Пѣснь Славянки

Послѣ одержанной побѣды.

Грядите, доблественные побѣдители! объявите мїру гласомъ бранныхъ громовъ нашихъ, объявите, сколь достопамятенъ день сей, день вашея побѣды.

О день ужаса и страха! день, потребившій всю вражію силу! день, ознаменованный въ лѣтописяхъ иноплеменниковъ кровію избраннѣйшихъ витязей ихъ!

Какое пространное поприще протекла смерть сего дня! полей въ крови погрязло столько, что зрѣніе человѣческое едва объять можетъ!

Полки наши окружены грудами труповъ, въ коихъ еще держатся вонзенныя копья и стрѣлы.

Здѣсь гордынею упоенное, сопротивное, несчѣтное воинство являло вамъ презорство свое, яко лѣсъ щеглъ чернѣетъ вдали по морю; устрашенный симъ народъ крушится и стоитъ на брегѣ неподвижно; кажется онъ испытуетъ уже всю ярость врага своего.

Но внезапно низпускается съ небесъ грозный *Перунъ*, несомый вихрями въ колесницѣ громовыхъ облаковъ; онъ размахиваетъ молніеблестящими крылами своими, сотрясаетъ съ нихъ ужасныя бури и соглядаетъ дѣйствія смертныхъ.

Въ единыхъ онъ зритъ дерзновенную кичливость, въ другихъ робкое отчаяніе; онъ смѣется слабости человѣковъ; коихъ надменное упованіе и буйный страхъ мгновенно изчезаютъ отъ его единаго дуновенія.

Гдѣ ты, темный лѣсъ, гордо плывшій по волнамъ понта? Одна лишь доска, одна токмо раздробленная щегла, за кои хватается цѣпенѣющій плаватель, остались отъ всего твоего пышнаго снаряда.

Но прочь, страшныя видѣнія! Я алчу зрѣть славу побѣдителя, а не злощастіе побѣжденныхъ.

Тебя хочу я зрѣть, юный витязь мой! тебя возвышающегося на бодромъ конѣ, который многократно преносилъ тебя на вылетъ сквозь тьму опасностей.

Я хочу созерцать твое богатырское изрядство: какъ ты мужественъ, подобно богу брани, и прекрасенъ, подобно сіяющему очами сыну *Одина* (*)!

Твой мечь сверкаетъ подобно воздушному явленію; онъ, приводитъ въ ужасъ при каждомъ обращеніи своемъ; твоя сила, какъ огнь небесъ, сокрушаетъ цѣлыя ве́си.

Двигнись, — страшно ополченное воинство! распусти по вѣтрамъ знамена твоя! приближся, да узрю, да почту каждаго изъ богатырей твоихъ!

Звучите, произительныя трубы! и вы, бубны, соедините дробный гулъ свой съ ихъ торжественнымъ и веселымъ гласомъ! вторьте, вторьте трикратно радостныя восклицанія ликующихъ ратоборцевъ: побѣда! побѣда! побѣда!

О́! какая пріятная теплота разлилась по груди моей! сердце мое вскипѣло радостію! я зрю повсюду торжество! наше торжество! я зрю Славу! . . . въ восторгѣ своемъ она машетъ крылами.

Отъ шествія полковъ подъемлется пыль, какъ

(*) *Бальдеръ* былъ прекраснѣйшій изъ сыновъ *Одина*.

облако, и объемлетъ колесницу ея; она творитъ меня участницею торжества, и садитъ подлѣ себѣ на великолѣпную колесницу свою.

Я вижу васъ всѣхъ, всѣхъ васъ, воеводы и богатыри. Но что является очамъ моимъ горѣ? . . . Тамъ въ свѣтломъ лазурѣ небесъ Боги славянъ утѣшаются торжествованїемъ побѣдителей, и низводятъ къ нимъ взоры душу восхищающїе.

VII.

Пѣснь Славянки, коню ея любезнаго.

Пылкое творенїе, самими богами созданное! честь рода своего! человѣкъ взираетъ на тебя радостно, и всѣ кони завидуютъ изрядству твоему.

Прекрасный конь! подобїе коней небесныхъ, запряженныхъ въ лучезарную *Свѣтовидову* (*) колесницу, отъ коей льется свѣтъ на землю!

Взглянувъ на тебя, юноша останавляется любоваться тобою; дивится тебѣ; какую положить тебѣ цѣну, не вѣдаетъ, и восклицаетъ съ восхищенїемъ: „о естьли бы у меня былъ сей неоцѣненный конь, бы-

(*) *Свѣтовидъ*, Славянской *Фебъ*.

стрѣе вихрей пролетѣлъ бы я на немъ всю вселенную.,,

Твои очи горятъ, какъ двѣ яркія звѣзды; а шелкоструистая грива твоя развѣвается, какъ прекрасные власы прелестной *Сибы* (*).

Съ какою величавостію изгибается кольцомъ твоя выя! Ты помаваешь главою: тако высокій кедръ горъ клонитъ долу и подъемлетъ взыспрь близкую къ облакамъ вершину свою.

Ты прядешь острыми ушьми, какъ ластовица трепещетъ крылами своими. Подобно двумъ огнедышущимъ отверстіямъ, ноздри твои издаютъ дымъ и огнь: онѣ пышутъ гнѣвомъ и бранію.

Оживленныя крассю ноги твои гнутся, какъ нѣжные стебли цвѣтовъ и согласно ударяютъ въ землю.

По сребристымъ ребрамъ твоимъ отливаются лучи солнца; кто не подумаетъ, что вскормленъ ты и воспоенъ рукою самой *Идуны* (**)?

Но какою преизящною сановитостію украшаешься ты, когда златые повода заблещутъ въ твердыхъ перстахъ юнаго богатыря моего!

Ты ощущаешь все мужество храбраго всадника, цвѣтущаго младостію; ты крутишься подъ нимъ,

---

(*) *Сиба*, или *Сѣва*, богиня Славянъ Варяговъ; она имѣла длинные, ниже колѣнъ власы.

(**) *Идуна*, Сѣверная богиня, хранящая яблоки, дающія молодость и бодрость.

и розовою пѣною застилаешь ясность звонкихъ удилъ.

Ты ржешь, бьешь копытами, тщишься исторгнуть брозды изъ крѣпкой руки рыцаря, и какъ будто тѣмъ ему напоминаешь, что онъ высится на хребтѣ твоемъ.

Урчитъ тимпанъ! . . . конь устремляетъ внимательные ухи; какъ онъ прислушиваетъся ко звукамъ! Едва сверкаетъ мечь юнаго витязя моего: онъ взпрыгаетъ, заскачетъ, взовьется, распаленъ будучи яростію на брань.

Красивой конь! ты несешься впередъ, какъ стрѣла! ты не страшишься того, что по одну сторону тебя стоитъ ужасной лѣсъ копей, а по другую неизмѣримыя пропасти!

Ты не взираешь ни на глубкіе овраги, чрезъ кои страхъ и смерть мещутъ убійственные взоры свои; ты призираешь стрѣлы и сулицы, грозящія сердцу твоему.

Тщетныя препоны! едва ощутишь ты послабленіе броздъ, какъ мгновенно пускаешься подобно лучу солнечному; ты отважно мчишься на язвы и на смерть.

Ты протекаешь горы и долы, какъ пернатое летишь чрезъ всѣ преграды и чѣмъ онѣ упорнѣе, тѣмъ паче ты яръ, смѣлъ и быстръ.

Ты въ бѣгѣ своемъ такъ легокъ, что не примѣтно, стелется ли мурава подъ ногами твоими. . . . Гремятъ громы войны! . . . какъ молнїя мелькаешь ты въ рядахъ ратныхъ.

Но широкая грудь твоя уже пронзена, изъ многихъ язвъ струится по ней твоя алая кровь. . . что до того? въ пылу рьяности твоей ты сего не примѣчаешь, а токмо что спѣшишь принесть владыку своего къ побѣдѣ, и по томъ готовъ умереть съ пущею бурливостїю.

Горе тому, кто направилъ на тебя злотворный ударъ! . . . горе спесивому челу его! ты умрешь, но теплой мозгъ его прильнетъ къ свѣтлымъ подковамъ твоимъ . . . .

Ахъ! нѣтъ, величавое торжествующее животное! ты не умрешь, хотя грудь твоя и ребра изсѣчены достохвальными ранами; ты не умрешь, но прибѣжишь ко мнѣ, прыгая отъ радости.

Я тебя буду лелѣить, обвѣшу тебя моими бисерными ожерельями и алыми лентами; тогда я сама кормить и поить тебя буду.

Я здѣлаю тебѣ тисовыя (*) ясли на точеныхъ

(*) *Тисъ* розовое дерево, которое въ старину въ великой было чести у Славянъ; изъ него-то дѣлывали сїи тисовыя кровати, о коихъ упоминается въ нѣкоторыхъ Рускихъ пѣсняхъ.

кедровыхъ столбахъ; и въ то время, когда силы твои изнемогутъ, я не покину тебя.

И естьли нѣкогда загорится вдали на лазоревой тверди какая новая звѣзда, то дамъ ей твое имя любезный конь милаго друга моего!

VIII.

Чувствованіе Славянки по разбитіи Славянскаго воинства.

О ужасъ! какая жестокая печаль раздираетъ мое сердце, рветъ его на части! оно обливается кровію. . . . Ахъ! пусть его обливается ею; да вытечетъ она изъ него до послѣдней капли.

Да померкнетъ свѣтъ въ очахъ моихъ, чтобъ не видать мнѣ гроба славы и разбитыхъ легіоновъ нашихъ!

Увы! какое зрѣлище позора и скорби! О воинство! съ какой ты низпало высоты? Какъ! развѣ поле ратное не могло быть всеобщею для тебя гробницею?

Подобно увядшимъ листамъ, которые разносимы осеннимъ вѣтромъ, ты разсѣваешься туда и сюда; ты ищешь и — ахъ! . . . нигдѣ не обрѣтаешь знаменъ твоихъ!

Обрати главу твою, возведи очи твои на высоты,

тобою оставленныя: зри жестокое божество брани, какъ оно украшено цвѣтомъ вражїимъ (*)!

Оно протягаетъ тощую выю свою, распускаетъ предъ взоромъ твоимъ знамена твои, презорствуетъ тобою и поноситъ тебя крикомъ своимъ.

Раздаются его громкїя пѣсни побѣды: оно обращаетъ на тебя тѣ самые удары, коими предъ симъ ты его поражало.

О драгоцѣнное отечество мое! се, се чада твои! Священныя и отчаянныя матери! грядите сюда; а вы, злополучные ратоборцы! сокройтесь въ нѣдра ихъ, кои охраняли васъ отъ язвъ непрїятельскихъ, еще прежде, нежели вы узрѣли свѣтъ . . .

О мое отечество! ты отвращаешь главу свою, ты затворяешь очи; пребывая въ изумленїи ты воздыхаешь и плачешь!

Защитники твои не смѣютъ даже и взирать другъ на друга: они въ недоумѣнїи, въ печали; они устремляютъ взоры свои на поля, кровїю ихъ обагренныя: нещастные! почто не вытекла она до послѣдней капли!

Помыслите о вашемъ уничиженїи. . . . ахъ! нѣтъ, мыслите лучше о славѣ вашей, и гнушайтесь симъ случаемъ, который могъ низложить ее.

(*) Подъ словомъ *жестокое божество брани* разумѣть должно все непрїятельское воинство. *Оно украшено цвѣтомъ вражїимъ*, сїе значитъ цвѣтъ знаменъ и одежды полковъ непрїятельскихъ.

А ты, юноша! . . . о верхъ золъ моихъ! я не могу уже любить тебя! краснѣетъ отъ студа чело мое.

Гдѣ ты? увы! или ты предался бѣгству? Бѣги отъ меня, бѣги за самые предѣлы міра! да послужишь ты отнынѣ навсегда предметомъ посмѣянія и поруганія врагамъ нашимъ.

Или ты сталъ уже ихъ плѣнникъ? . . . Обременяйте его тяжелыми оковами! . . . Но нѣтъ, нѣтъ, лучше на меня возложите ихъ, а отпустите нещастнаго!

Я, я виновата, что полюбила того, которой могъ быть побѣжденъ, которой не умеръ, видя себя побѣжденнымъ.

Можетъ быть мщеніе, скорбь и ярость, принудятъ его нѣкогда подъять мечь имъ оброненный; можетъ быть. . . .

Но ратникъ сей, на тимпанѣ сѣдящій, не его ли имя произнесъ? Честію украшенъ его зракъ.

Орошенный потомъ и кровію, онъ повѣствуетъ о сраженіи: любовѣданіе собираетъ окрестъ его многолюдный сонмъ, и каждый внемлетъ ему съ удивленіемъ.

Внемлютъ всѣ склоня главу; едва смѣютъ переводить духъ: что съ тобою свершилось, ратоборецъ? Ахъ! онъ сѣтуетъ, изъясняетъ всѣ подробности, произноситъ имя любезнаго моего, повѣствуетъ о немъ.

„Горе мнѣ! . . . ахъ! повѣрьте словамъ моимъ. —
„Тако речетъ. — Ни единъ витязь не отличался толь
„знаменитыми подвигами; всегда бывъ жестокъ, онъ па-
„рилъ, какъ орелъ, надъ главами нашими; десять кратъ
„онъ нападалъ на насъ.„

„Онъ прелетѣлъ рвы, защищающїе наши бранные
„снаряды; онъ возшекъ на утесистыя скалы; цѣлые
„ряды попралъ онъ на бѣгу пятою своею.„

„Подъятые мечи со всѣхъ сторонъ низпали на
„него: досточестная кровь его протекла; мечь его
„сокрушился, конь его изнемогъ подъ нимъ; но бога-
„тырь воспрянулъ грознѣе, разъяреннѣе, нежели былъ
„предъ симъ.„

„Подобно несокрушимому Рифею, возносящему
„твердое чело свое ко звѣздамъ, онъ стоялъ неподви-
„женъ посреди труповъ!„

„Онъ поражалъ еще . . . какъ я, мгновенно прон-
„зенъ бывъ мечемъ палъ, и едва могъ сюда довлечься. —
„Не вѣдаю о судьбѣ его.„

„Безъ сомнѣнія онъ мертвъ уже!„ . . . любезный
мой убитъ? . . . Гдѣ я? разверзись мрачный гробъ!
приди ко мнѣ, о смерть! приди, скоси дни мои!

Какое облако опускается на мои глаза! . . . Не ты
ли это, сладкій покой гроба? . . . Свѣтъ катится изъ
очей моихъ . . . слухъ изчезаетъ . . . я умираю . . . .

IX.

Славянка приходитъ въ чувство, и видитъ своего любезнаго.

Кто тревожитъ мой сладкій сонъ? кто мѣшаетъ мнѣ спокойно умереть? . . . Когда я не могу жить для тебя мой любезной, такъ на что мнѣ жизнь?

Ужели это сонъ? Ахъ! естьли бы я во вѣки могла мечтать о витязѣ моемъ! . . . онъ предсталъ моему взору, сѣдящъ на огнепурпуровомъ облакѣ.

Но кто сей, мною зримый? Онъ склоняетъ блистательное лице свое къ моему лицу: уже ли это онъ? или я пренесена на небо? Уже ли сновидѣніе мое свершается на самомъ яву?

О восторгъ! о сладость! о изступленіе! уже ли это ты? . . . ахъ! я умираю! — Такъ точно, ты! . . . Какое благотворное божество разверзло врата гроба твоего? какая всемогущая сила разрѣшила печать смерти, коею очи твои запечатлѣны были?

Ужасный цвѣтъ смерти еще изображается на пригожихъ ланитахъ твоихъ: тако крины, обремененные крупнымъ дождемъ, склоняютъ долу благовонные верхи свои!

Успокой на груди моей величественную главу твою! но сверги съ чела твоего эту повязку; она сокрываетъ отъ меня прелести твои.

Я хочу увѣнчать чело твое свѣжими цвѣтами, которые для тебя я рвала . . . но, о Небо! какія раны подъ этою повязкою сокрыты!

Ахъ! позволь мнѣ видѣть ихъ и изчислить! — О знаки славы! почто я также какъ и онъ не могу гордиться вами? почто не мнѣ, а ему онѣ достались? О любезной мой! — пріемля ихъ за тебя, я бы ни мало ихъ не почувствовала.

И твоя броня! . . . вся обагрена . . . сквозь запекшуюся на ней кровь едва можно видѣть настоящій цвѣтъ ея: тако въ часы лѣтняго утра окроплено бываетъ каплями росы румяное, наливное яблоко.

Но что я вижу! рука твоя, коею металъ ты смерть и низвергалъ супостата въ преисподнюю, увы! рука твоя раздроблена: Кто сокрушилъ твою полканскую силу? Рука твоя виситъ неподвижна! . . .

Но ты улыбаешься! довольно, я оживаю. *Хорсъ* (*) изливаетъ на тебя полный фіалъ здравія; ты будешь живъ и останешься на всегда достойнымъ сердца моего.

А раны твои? . . . *Радегастъ* начерталъ ими на высокой груди твоей, какъ бы на щитѣ храма чести, твою славу и мое торжество! . . .

Все это воинство не столь знаменито, какъ ты единъ! . . . Страшись обратить къ нему взоры твои

(*) *Хорсъ*, Славянскій Эскулапій.

. . . страшись! ты ощутишь всю лютость болѣзни ранъ твоихъ.

Что ты дѣлаешь, сострадательный браненосецъ? сожалѣніе и благосердіе твое влекутъ тебя созерцать сихъ ратоборцевъ? ихъ жребій тебя смущаетъ? О Небо! какое малодушіе!

Но они кропятъ твою десницу слезами своими; они лобзаютъ ее съ восторгомъ, и ты плачешь съ ними вмѣстѣ? . . . Да, плачь, оплакивай горе отечества твоего! и не проливай никогда иныхъ слезъ.

„Они сражалися, какъ богатыри — вѣщаешь ты, „— какъ я самъ сражался: но ахъ! нѣкое божество, „паче пагубное, нежели всѣ острые мечи ихъ, восстало „на нихъ.„

„Вихри и буря, губительнымъ велѣніемъ его воздвигнутыя, омрачили покровомъ ночи зрѣніе сихъ ратниковъ.

„Въ то время, какъ мы осаждали, съ нагорныхъ „вершинъ смерть на насъ устремилась въ видѣ огненномъ.

„. . . Не сила сопротивныхъ низложила нашу „силу, но горы обрушились на насъ, и мы не могли „устоять противъ нихъ.

„Однако же мы не преставали бороться съ смертію; часто удерживали мы ея злотворную косу, и „ей подобно, сами наносили удары.

,,Взгляни на сіи холмы, на сіи долины: они содѣла-
,,лись обширною гробницею враговъ нашихъ . . . Но
,,судьба намъ измѣнила. . . .

,,Не взирая на то, — послѣ всѣхъ сверхъ есте-
,,ственныхъ усилій, — воинство наше отступило по
,,велѣнію Воеводъ своихъ, и отступая медленно, оно не
,,преставало еще поражать сопротивныхъ.

,,Многолѣтній кедръ отъ напору бури клонитъ
,,долу кудрявую вершину свою; но пребывая несокру-
,,шимъ, онъ величавѣе вознесется и разширитъ тве-
,,рдыя вѣтви свои по хребтамъ горъ.

,,Тако возстанемъ и мы, хотя и попранны нынѣ;
,,рождены будучи ко славѣ, мы распространимъ наши
,,побѣды отъ сѣвера до юга, отъ востока до запада.
,,Чело врага раздробится подъ ударами нашими, и кровь
,,его застынетъ на хладныхъ его костяхъ. . . .

,,Въ самомъ огнѣ брани я палъ: мраки ночи облег-
,,ли меня кругомъ. Раскрывъ же слабое око мое, я уз-
,,рѣлъ себя подъ вѣтвями сихъ ивъ.

,,Дванадесять браненосцевъ, подобно львамъ сра-
,,жавшіеся окрестъ меня, исторгли меня изъ сѣчи, и
,,попеченіемъ ихъ я воззванъ къ жизни.,,

О торжество! о слава! укажи мнѣ сихъ добле-
ственныхъ богатырей, да воздамъ имъ мое благодаре-
ніе, да восхвалю ихъ въ пѣсняхъ.

О воинство рыцарей! не дерзаю взирать на тебя;

ибо не вѣдавъ истины, я предавалась недостойному сомнѣнію, и днесь толико негодую на себя колико тебя чту.

Поздравляю тебя, храброе воинство! въ самомъ паденіи твоемъ отчаяніе было тебѣ чуждо; ты мужественно претерпѣло пораженіе.

А ты, Витязь мой! поверглись въ мои объятія! да воспламенится въ нихъ сердце твое прежнею храбростію! — Потомъ востань на врага, и карай его за одержанную имъ побѣду.

X.

Сѣтованіе Славянки о паденіи ея любезнаго.

Что я испытую? какое предчувствіе угнетаетъ мою отѣсненную душу? . . . Ужасъ подъемлетъ черный щитъ свой, и покрываетъ меня страшною его тѣнью.

А мрачныя тучи, во чревѣ своемъ смерть носящія, скопляются вокругъ меня; онѣ прорвутся . . . глубокое безмолвіе облежитъ меня, какъ будто все умерло! . . .

Но се! излучистыя молніи вьются въ воздухѣ, гремитъ громъ; разверзается лоно земли, *престолъ безсмертныхъ* разрушается! . . . (*)

Земля колеблется подъ стопами моими . . . Кто палъ изъ сильныхъ? Ахъ! то палъ Витязь, палъ мой возлюбленный! Такъ, точно такъ; я видѣла, какъ гро-

---

(*) *Скальды* называли небо престоломъ боговъ.

мовая стрѣла излетѣла изъ нѣдръ сей глубокой ночи. . . . вопли брани поражаютъ слухъ мой, стенанїе умирающихъ раздираетъ мое сердце.

Ахъ! онъ палъ . . . Горе мнѣ! возвеличенный славою, другъ души моей поверженъ! попранъ побѣдоносецъ! торжествуетъ побѣжденный врагъ! . . .

Но какъ онъ палъ? со славою ли? такъ ли, какъ побѣдитель, какъ витязь? съ мечемъ ли въ десницѣ?

Паденїе его досточестно: онъ умираетъ, не покидая меча своего; вселенная да чтитъ его память! отечество да возрыдаетъ надъ нимъ! . . .

Я видѣла сопротивныхъ: они были не вредимы подъ защитою высокаго вала, между тѣмъ какъ отвсюду гремѣли ихъ громы, изрыгающїе смерть съ пламенемъ.

Тщетныя преграды! Богатырь мой, глава легионовъ, устремился съ своими храбрыми, подобно *Перуну* (*) вержущему молнїи.

Онъ устремился чрезъ ихъ окопы и валъ; онъ погасилъ ихъ пламенные громы; иноплеменные воспротивлялись ему, сражалися съ нимъ . . . нѣтъ! они бѣжали отъ него, и кровь ихъ багрила ихъ слѣдъ.

Они бѣжали, онъ преслѣдовалъ ихъ; . . . постой! постой, мой Витязь! куда несетъ тебя ярость твоя?

(*)Здѣсь говорится о Славянскомъ богѣ грома.

Услыши взыванія храбрыхъ ратоборцевъ твоихъ! Кровь твоя струится: пощади кровь свою!

Воззри на себя! . . . твоя десница, твоя грудь . . . ты весь покрытъ ранами! . . . — Онъ съ усмѣшкою взглянулъ на язвы, и не преставалъ гнать смятенные полки враговъ.

Но воинство новое, воинство сопротивныхъ окружило его со всѣхъ сторонъ! . . . Преисполненъ будучи благородною отважностію, онъ ввергнулся въ средину ихъ, и въ себѣ едином заключалъ цѣлое воинство.

Какимъ гнѣвомъ одержимъ былъ богатырь мой! отъ меча его изчезали цѣлые ряды ратоборцевъ: тако опустошаетъ градъ поля, посѣкая златые класы.

Враги уже плавали въ крови . . . но лютый *Чернобогъ* (*), богъ мести и зла, адскою свѣточью своею озарилъ ихъ очи, явилъ имъ позоръ и возжегъ ихъ сердца.

Остервенѣнные, они бросились на рыцаря моего и мгновенно окружили его! онъ защищался, поражалъ; бодрый конь его не однажды присѣдалъ подъ нимъ; и кто къ нему ни приближался, всякой умиралъ отъ его меча . . .

О богатырь мой! естьли бы ты обратилъ взоръ твой позадь тебя. . . . Ахъ! мое сердце замираетъ!

(*) *Чернобогъ* у Славянъ былъ тоже, что у Персовъ *Ариманъ*.

. . . жиловатая мышца возносить на главу твою пагубное оружїе!

О ужасное зрѣлище! рука опускается, и съ единаго маху поразила. Ахъ! горе тебѣ, горе мнѣ! . . . ударъ смертоносенъ . . . Горе и тебѣ, отечество мое! . . .

Се онъ распростертъ по ратному полю! буйный врагъ дерзостно приближается къ нему; онъ алчетъ славы, быть обагренну кровїю богатыря моего.

Избоденный копьями и мечами конь его издыхаетъ по страну его; онъ еще гордится честїю умереть съ Витяземъ, котораго неоднократно носилъ онъ на хребтѣ своемъ къ побѣдамъ. Любезный мой возлежитъ на грудѣ мертвыхъ ратниковъ, мечемъ его скошенныхъ!

Тако палъ Витязь мой! Великъ онъ былъ во браняхъ, великъ и по смерти. Доблественная душа его, разставшись съ тѣломъ, отлетѣла *во лучезарный чертогъ Одина* (*). . . . Гдѣ ты днесь, легїонъ юнаго браненосца моего? Ты, коего неутомимую храбрость низложилъ супостатъ! приди, ополчись гнѣвомъ и мщенїемъ!

Здѣсь лежитъ бездыханенъ Воевода твой! доселѣ

(*) *Лучезарный чертогъ Одина*, или *Валкалъ*, былъ рай храбрыхъ. Въ немъ-то сѣверные Герои полагали (по смерти) ликовать во всю вѣчность.

онъ былъ страхъ сопротивныхъ силъ, а днесь онъ содѣлался предметомъ ихъ кощунства! онъ былъ твоимъ предводителемъ, твоимъ отцемъ, твоимъ другомъ, божествомъ тебя хранящимъ.

Уже ли отечеству не достанутся его кости? уже ли гробъ сокрушителей, враговъ, будетъ гробомъ и мужественнаго Витязя сего?

Бодрствуйте, храбрые ратоборцы! мечи ваши да проложатъ дорогу къ тѣлу богатыря! Возвратите мнѣ возлюбленнаго! я омою его раны рѣками слезъ моихъ, и до конца моихъ дней не престану его оплакивать.

XI.

Плачь Славянки надъ тѣломъ ея любезнаго.

Теките, усладительныя слезы, теките! стѣсненное сердце мое предается горести: она токмо одна осталась мнѣ отъ всѣхъ вожделѣнныхъ благъ . . .

Да, теките изъ очей моихъ обильно! потопляйте мою грудь! честь юности, краса витязей . . . ничто иное, какъ уже прахъ, и домъ его гробъ.

О зѣницы мои, слезами омраченныя! вы уже не узрите его болѣе! вы не узрите уже прекраснаго и грознаго лица его!

Привыкшее къ милымъ его разговорамъ ухо мое, не услышитъ уже голоса его, приводившаго доселѣ въ восторгъ душу мою!

Голосъ его столь былъ любезенъ, какъ пѣніе сольвья, раздающееся по тихимъ зарямъ; . . . но онъ не отзовется уже въ груди моей!

Мои пламенныя уста не прилѣпятся уже къ его устамъ; они не соберутъ уже на нихъ тѣхъ сладчайшихъ лобзаній, которыя были столь пріятны, какъ благоуханіе цвѣтовъ, какъ утренняя, освѣжающая злаки роса, какъ соты меда.

Одна, съ печалїю моею буду я бродить по долинѣ; никогда уже нечаянная съ нимъ встрѣча меня не восхититъ! я не обрѣту уже его укрывающимся въ тѣни лѣсовъ! . . .

Но что я слышу? . . какое надгробное пѣніе соединяется съ воплями моей горести? . . . Оно приближается . . . я слышу голоса рыданіемъ пресѣкаемые!

Я вижу сонмъ ратниковъ! это сподвижники Витязя моего: они шествуютъ медленно, за ними слѣдуетъ множество храбрыхъ.

Загорѣвшїя ланиты ихъ опустились отъ печали, и крупныя слезы катятся по густымъ брадамъ ихъ.

О воины! что несете вы подъ мантіею? . . . Вы не отвѣтствуете мнѣ . . . . вы воздыхаете! . . . Ахъ! горе мнѣ! . . . это онъ, это юный другъ сердца моего!

Снимите, снимите сей покровъ, сокрывающій его

отъ очей моихъ! Я алчу зрѣть его: онъ мнѣ принадлежитъ, мнѣ и отечеству. О юноша! еще ты сіяешь красотою!

Ахъ, любезный Витязь! позволь мнѣ еще тебя облобызать! Почто лобзаніе мое не можетъ возвратить тебѣ жизни? тебѣ, котораго единый взоръ одушевлялъ меня!

Други! сердце его не бьется уже; любовь и слава не производятъ въ немъ пріятнаго трепетанія; взоръ его не страшенъ уже врагу; онъ не обращается уже ко мнѣ съ милою улыбкою!

Сія мощная десница уже не подъемлетъ меча; она не обвивается уже вокругъ выи моей.

Все уже свершилось! сіи остатки любезнаго моего претворятся скоро въ прахъ!... Но что! уже ли раны сіи не являютъ мнѣ, кто онъ былъ?

Дайте мнѣ наглядѣться на нихъ! . . . Въ нихъ я созерцаю торжество и славу. Сколь онѣ глубоки! уже не причиняютъ онѣ ему страданія: но тебѣ, отечество, тебѣ онѣ чувствительны!

Онѣ поглощаютъ мои слезы!... Но тебѣ не угодно, чтобъ я рыдала надъ тобою; да и слава то мнѣ запрещаетъ.

Она отторгаетъ меня отъ гроба твоего! Душа моя возвышается, возвышается до твоего величія; любовь и горесть слишкомъ унизили меня!

Я щастлива тѣмъ, что ты умеръ достохвально. Ахъ! почто я не есть то, что былъ онъ? почто не могу умереть ему подобно?

Ахъ! естьли бы душа моя, разставшись съ тѣломъ, могла оживотворить тебя, дабы содѣлаться существомъ толико же великимъ, каковъ былъ ты!

Тогда бы смѣлою рукою я отмстила смерть твою; а за тебя, отечество мое! щастїемъ бы почла сразиться и умереть.

За щастїе бы вмѣнила быть оплакиваемою сонмомъ такихъ Витязей, каковы суть сїи, тѣснящїеся окрестъ трупа моего любезнаго, рыдая надъ нимъ.... Други! положите его во гробъ.

Соберите черепы непрїятельскїе, составьте изъ нихъ памятникъ славы, и водрузите на верху онаго знамя, храбростїю его прїобрѣтенное.

Вокругъ сего памятника я насажу кедровую чашу, и втайнѣ туда приду крушиться о немъ!

О драгое отечество! ты не престанешь окроплять слезами твоими чашу сїю, дотолѣ, пока кости мои покоиться будутъ въ единомъ гробѣ съ моимъ любезнымъ!

XII.

Пѣснь легали Славянъ при погребенїи юнаго богатыря, убитаго на брани.

Юноши.

Здѣсь палъ юноша, предметъ любви нашей; но онъ палъ, какъ богатырь. Умирая, разилъ еще врага, и повергся на него какъ побѣдитель.

Дѣвы.

Къ нему стремились тайныя желанїя младыхъ дѣвъ; ему завидовали юноши. Когда являлся онъ, имѣя на главѣ шлемъ, а въ десницѣ копїе: тогда смертные зрѣли въ немъ *Радегаста.* Когда же слагалъ съ себя броню, и когда русыя кудри его разсыпалися по раменамъ: тогда въ немъ мнили видѣть пригожаго первенца изъ сыновъ *Одиновыхъ* (*)

Ликъ юношей и дѣвъ.

Поспѣшимъ воздать ему долгъ дружества; обсадимъ кедрами и дубомъ могилу его! восхвалимъ его въ пѣсняхъ нашихъ, воздвигнемъ олтари во славу ему, и прольемъ надъ нимъ священныя слезы любви!

Юноши.

Сила мышцы его бѣдственна была тысящамъ сопротивныхъ: онъ пролилъ кровь свою, онъ умеръ за отечество!

Дѣвы.

Гордый конь его, одушевленный рьяностїю юнаго Витязя, величаво носитъ его на хребтѣ своемъ; мла-

(*) *Бальдеръ* былъ старшїй сынъ *Одина.*

дый богатырь! ты пролилъ драгоцѣнную кровь твою за насъ и за матерей нашихъ!

Ликъ юношей и дѣвъ.

Заслугами и доблестію сего любезнаго юноши проникнуты сердца наши; воздвигнемъ же ему памятники и прославимъ дѣла его! да наречется онъ вовѣки великимъ Витяземъ и лучшимъ защитниковъ отечества!

Юноши.

Ни глубокіе рвы, ни высокіе валы не устрашили его; преисполненный отвагою, онъ прелетѣлъ ихъ! но на самой срединѣ блистательнаго поприща славы — храбрость его завлекла въ гибель!

Дѣвы.

Хотя онъ и мертвъ уже, хотя лежитъ безгласенъ и обагренъ кровію; но все еще столь миловиденъ, какъ сынъ *Фригги* (*). Вѣчная слава достается ему въ награду за смерть его, потомство не престанетъ славословить досточестные его подвиги.

Ликъ юношей и дѣвъ.

Нарвемъ свѣжихъ цвѣтовъ и злаковъ благовонныхъ, и усыплемъ ими могилу его! насадимъ младыя древа вокругъ, и окропимъ ихъ медомъ. Преклонимъ предъ его прахомъ чело наше! безсмертное имя его возсіяетъ посреди имянъ боговъ Славянскихъ.

(*) Премудрый, прекраснѣйшій, сладкорѣчивый и величественный *Балдеръ* былъ сынъ *Одина* и *Фригги*.

ПОГРѢШНОСТИ.

ПРЕДІСЛОВІЕ.

стран.	строк.	напечатано.	читай.
2	4	бывъ влюбленъ въ дочь Ярослава I го, въ прекрасную Елизавету	бывъ влюбленъ въ прекрасную Елизавету, дочь Ярослава I го.
		I	
7	5	*Аваръ*	*Авары*
		II	
8	14	головою своей,	головою своею,
		III	
10	11	приближающимися	приближающіяся
11	11	нежели были они завиты въ кудри	нежели когда были они завиты въ кудри
		V	
		примѣчанія	
16	*строк.* 3	и по другимъ Славянскимъ городамъ.	и въ другихъ Славянскихъ городахъ,
18	20	потомъ	потомъ
		VI	
21	14	да почту каждаго изъ богатырей	да воздамъ почтеніе каждому изъ богатырей
		VII	
		примѣчанія	
23	*строк.* 2	власы	волосы
25	7 и 8	ты сего не примѣчаешъ	ты сего нечувствуешъ
		IX	
33	2	вравовъ	враговъ
		X	
37	12	носилъ онъ на хребтѣ	носилъ на хребтѣ
		XI	
39	18	голоса	гласы

Имена Особъ подписавшихся на книгу: *Храмъ Славы Россiйскихъ Ироевъ.*

	число экземп.
Его Сiятельство Графъ Николай Александровичъ Зубовъ - - - - - -	3
— — Графъ Алексѣй Андрѣевичъ Аракчеевъ.	1
— — Графъ Дмитрей Александровичъ Зубовъ.	1
— — Князь Павелъ Петровичъ Щербатовъ.	1
— — Графъ Сергѣй Николаевичъ Салтыковъ.	1
Его Высокопревосходительство, Василей Михайловичъ Лобановъ. - - - - - -	1
Его Высокопреосвященство, Господинъ Митрополитъ Сестренцевичъ. - - - - -	1
Его Превосходительство, Александръ Васильевичъ Алябьевъ. - - - - - -	1
— — Никифоръ Ивановичъ Кайгородовъ.	1
Его Сiятельство Графъ Петръ Андрѣевичъ Толстой.	1
Его Превосходительство, Иванъ Ивановичъ Бахтинъ,	1
— — Петръ Григорьевичъ Демидовъ. -	1
— — Петръ Сидоровичъ Апрѣлевъ. - -	1
— — Николай Игнатьевичъ Калининъ. -	1
— — Петръ Петровичъ Чекалевской. -	1
— — Алексѣй Алексѣевичъ Жеребцовъ. -	1
— — Владимiръ Юрьевичъ Саймановъ. -	1
— — Василей Николаевичъ Гурьевъ. -	1
Выборгской Военной Губернаторъ, Баронъ Казимиръ Ивановичъ Мейндорфъ. - - - -	1
для Коммерческаго училища. - - -	1
Его Высокородiе, Сергей Павловичъ Татищевъ. -	1
— — Осипъ Степановичъ Шерпинской. -	1
— — Алексѣй Алексѣевичъ Зайцовъ. -	1
— — Петръ Павловичъ Звонцовъ. - -	1

число экземпл.

— — Дмитрей Александровичъ Хотяинцовъ. - 1
— — Петръ Степановичъ Малчановъ. - - 1
— — Петръ Θедоровичъ Лешюхинъ. - - 1
— — Господинъ предводитель дворянства Ярославской Губерніи, Кожинъ - - - - - - 1
Неизвѣстная особа - - - - - 1
Неизвѣстная особа - - - - - 1
Его Высокоблагородіе Гавріилъ Васильевичъ Медвѣдевъ 1
— — Астафій Родіоновичь Безукинъ - 1
— — Господинъ профессоръ Иванъ Филипповичь Тупылевъ - - - - - 1
— — Θедоръ Ивановичь Шубинъ. - - 1
— — Афанасей Никитичь Тулубьевъ. - - 1
— — Сергей Васильевичь Шкуринъ. - - 1
— — Господинъ Степановичъ Сербиновичъ. - 1
— — Сергей Ильичъ Крыловъ. - - 1
— — Господинъ Лешюхинъ. - - 1
— — Иванъ Петровичъ Соколовъ. - - 1
— — Петръ Андрѣевичь Ниловъ. - - 1
— — Господину Лешюхину. - - 1
— — Николай Михайловичъ Неклюдовъ. - 1
— — Анна Ивановна Вакселека - - 1
— — Василей Тимоѳѣевичъ Клементьевъ - 1
— — Петръ Григорьевичь Базанинъ. - - 1
— — Семенъ Христофоровичь Ставраковъ. - 1
— — Василей Сергѣевичь Подшиваловъ. - 1
— — Николай Сергѣевичъ Суворовъ - 1
— — Петръ Евдокимовичъ Демидовъ. - 3
— — Павелъ Павловичь Саверъ. - - 1
— — Петръ Θедоровичъ Желтухинъ. - 1
— — Александръ Михайловичъ Камынинъ. - 1
— — Господинъ Рябчуговскій. - - 1
— — Алексѣй Ивановичъ Пантазіи. - 1
— — Александръ Михайловичъ Папинъ. - 1
— — Господинъ Окуневъ. - - - 1

число экземп.

Его Благородіе, Господинъ Выдринъ. - - 1

— — Егоръ Яковлевичъ Власовъ - - 1

— — Николай Степановичъ Кейкинъ. - 1

— — Степанъ Костырка - - - 1

— — Дмитрій Щелкуповъ. - - - 1

— — Адамъ Козловской. - - - 1

— — Θедоръ Вальтеръ. - - - 1

— — Антонъ Ходзинскій. - - - 1

— — Степанъ Степановичъ Андрѣевскій. - 1

Сергей Михайловичъ Железниковъ. - - 1

Александръ Бирюлинъ. - - - - 1

С. Петербургской купецъ Θедоръ Васильевичъ Курбатовъ. - - - - - - - 1

С. Петербургской купецъ Егоръ Θедоровичъ Ермолаевъ. - - - - - - - 1

Дерптской купецъ Алексѣй Григорьевичъ Захаровъ. - 1

въ Суммы.

Ея превосходительству Прасковьѣ Михайловнѣ Штеричевой - - - - - - - 1

въ Астрахань.

Его Высокоблагородію Саввѣ Романовичу Копытовскому. - - - - - - - 1

туда же

— — Никитѣ Львовичу Куклину - - 1

Въ Луцкъ.

Его Благородію Господину капитану Хрущову. - 1

число экземпл.

Въ городѣ Обоянѣ.

Его Превосходительству Семену Григорьевичу Заплатину. - - - - - - - 1

Въ Стародубѣ.

Его Благородію Степану Николаевичу Троцкому. - 1.

Въ Фридрихсгамѣ.

Войска Донскаго, казачьяго полка Есаулу и Кавалеру Павлу Власову. - - - - - - 1

Въ Выборгѣ.

Его Благородію Господину капитану Филимонову. - 1

Въ Невлѣ.

Его Высокоблагородію Терентію Ѳедоровичу Ершову. - - - - - - - 3

Въ Кашинѣ.

Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Кошкину. - - - - - - - 6

Въ Моршанскѣ.

Его Высокоблагородію Алексѣю Ивановичу Карминазову. - - - - - - - 3

Въ Оренбургѣ.

Господину Шапошникову. - - - - 1.